

СЕДОВ Валентин Васильевич
Происхождение и ранняя история славян

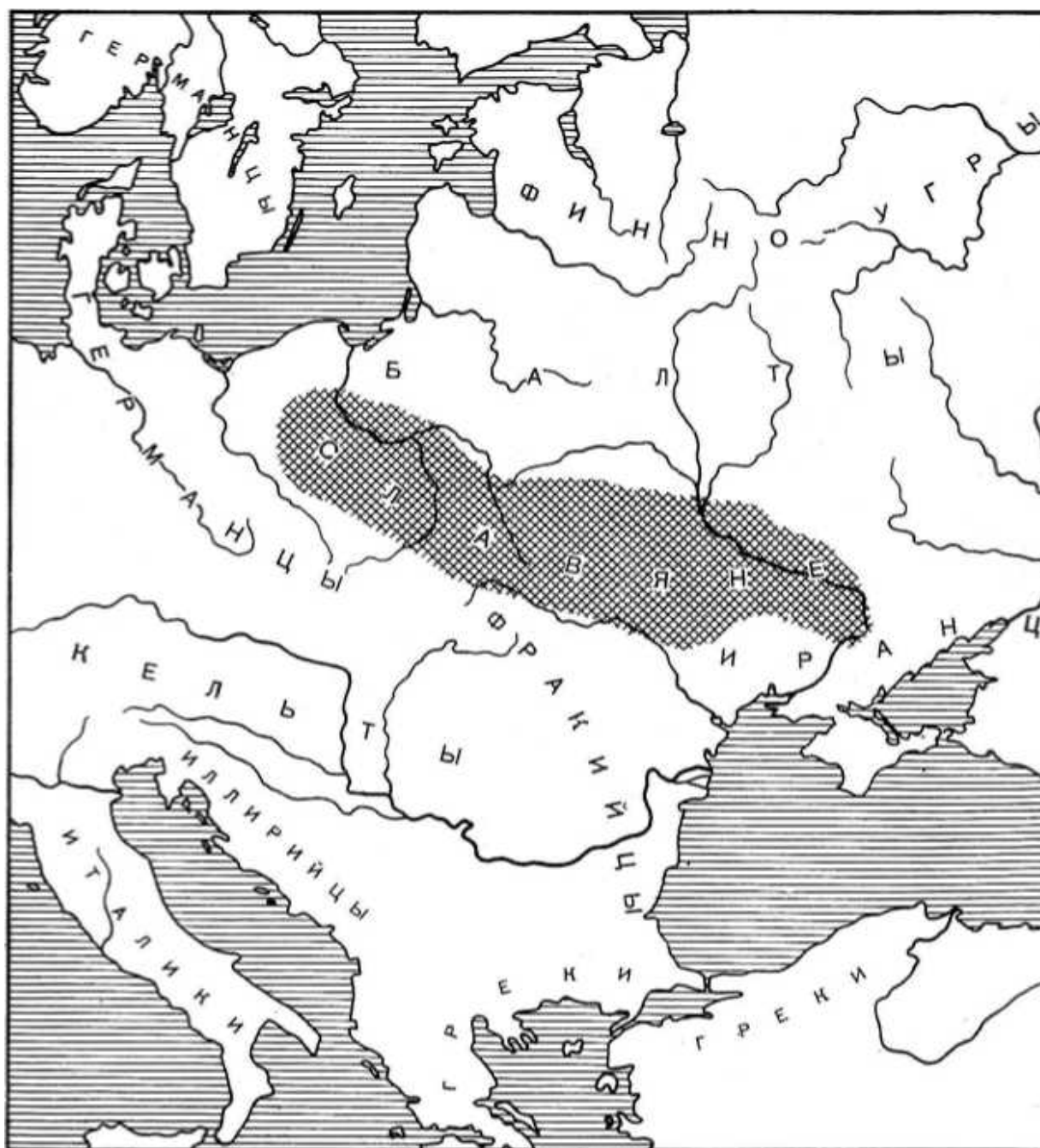
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ

Ответственный редактор академик Б. А. РЫБАКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1979

© Издательство «Наука», 1979 г

В книге всесторонне исследуются проблема происхождения славян и начальные этапы их истории. Анализируя данные письменных источников, археологических, лингвистических, антропологических изысканий, автор последовательно рассматривает этапы формирования и расселения праславянских и славянских племен с середины I тысячелетия до н. э. до конца I тысячелетия н. э.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей работе исследуется начальный период славянской истории от формирования славянства как самостоятельной группы индоевропейцев до раннего средневековья.

Книга посвящена этногенезу славян, ибо среди многих вопросов, связанных с ранней славянской историей, в ней анализируются преимущественно этнические.

Количество фактических данных по изучению славянского этногенеза постоянно увеличивается. По сравнению с началом нашего столетия, когда увидела свет капитальная работа о происхождении славян знаменитого чешского ученого Л. Нидерле, и даже с 40-ми годами, когда проблема этногенеза славян была кардинально пересмотрена польским лингвистом Т. Лер-Сплавинским, источниковедческая база и научная литература по этому вопросу увеличились сейчас в несколько раз. В особенности это касается материалов археологии, роль которых в изучении конкретной истории древнего славянства постоянно возрастает.

Перед исследователем славянского этногенеза встает сложная и трудоемкая задача критического рассмотрения и обобщения всех этих объемных сведений, анализа

многочисленных публикаций по интересующей проблематике, оценки различных, порой противоречивых точек зрения. Здесь многое зависит от объективности научного анализа и умения отобрать наиболее существенное. Вполне понятно, что невнимание к каким-либо материалам или незнание таковых может привести к субъективным или явно ошибочным заключениям.

Автор по мере своих сил попытался выполнить поставленную задачу. Насколько это удалось, — пусть судят читатели.

Несмотря на рост источниковедческих материалов и увеличение научной литературы проблема славянского этногенеза при современном состоянии знаний ещё очень далека от разрешения. Это, прежде всего, обусловлено тем, что фактических материалов для твердого решения многих вопросов интересующей нас проблематики явно недостаточно. Одновременно с накоплением новых фактов повышаются требования к этногене-тическим исследованиям. Те построения по этногенезу, которые в какой-то степени устраивали ученых несколько десятилетий назад, ныне уже не удовлетворяют этногенетическую науку. Такое положение наблюдается в исследовании этногенеза не только славян, но и других европейских этноязыковых группировок, в частности германцев, италиков и т. п.

В наше время написать книгу по этногенезу славян — еще не значит решить эту проблему. При явном недостатке фактологической базы древнейшая история славянства может быть освещена лишь с помощью научных гипотез. Поэтому в книге читатель встретится с целой серией гипотетических построений. Насколько они оправданы, покажут дальнейшие исследования. Найдутся в работе, вероятно, и спорные положения. Они при современном состоянии этногенетических изысканий неизбежны.

Исследование выполнено в секторе славяно-русской археологии Института археологии АН СССР. Сначала отдельные разделы, а затем рукопись в целом обсуждались на заседаниях сектора. Автор выражает благодарность всем своим коллегам за участие в дискуссиях, за высказанные замечания и пожелания.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН

Первая попытка ответить на вопросы, откуда, как и когда появились славяне на исторической территории, относится к XII столетию и принадлежит Нестору — автору Повести временных лет. Исходя из библейского предания, согласно которому родиной всего человечества была Передняя Азия, летописец начинает историю славян с вавилонского столпотворения, разделившего человечество на 72 отдельных народа и вызвавшего расселение племен в разных направлениях.

«От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словенскъ...

По мнозехъ же времянехъ сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от техъ словень разидошася по земле и прозвашася имени своими, где седше на которомъ месте. Яко пришедше седоша на реце имянемъ Маравы, и прозвашася моравы, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словени: хровате белии и серебь и хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на словени на дунайския, и седшемъ в них и насилящем имъ, словени же ови пришедше седоша на Висле, и прозвашася ляхове, а от техъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне.

Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреювичи; инии седоша на Двине и нарекошася полочане, речьки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане. Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сделаша градъ и нарекоша иг

Новъгородъ. А друзии седоша по Десне, и по Семи, по Суле, и нарекошася северъ. И тако разидеся словенский языкъ, тем же и грамота прозвася словенская» [Повесть временных лет, ч. I. М. — Л., 1950, с. 11.].

Итак, по Нестору древнейшей территорией славян были земли по нижнему течению Дуная и Паннония. Поводом для расселения славян с Дуная было нападение на них волохов.

Летописный рассказ о расселении славян с Дуная явился основой так называемой дунайской (или балканской) теории происхождения славян, весьма популярной в сочинениях средневековых авторов (польские и чешские хронисты XIII — XV вв.). Это мнение разделяли и некоторые историки XVIII — начала XX в., в том числе и исследователи русской истории (С. М. Соловьёв, В. И. Ключевский, И. П. Филевич, М. Н. Погодин и др.).

К эпохе средневековья восходит также скифо-сарматская теория происхождения славян. Впервые она зафиксирована Баварской хроникой XIII в., а позднее воспринята многими западноевропейскими авторами XIV — XVIII вв. Согласно их представлениям предки славян опять-таки из Передней Азии продвинулись вдоль черноморского побережья на север и осели в южной части Восточной Европы. Древним авторам славяне были известны под этнонимами скифы, сарматы, аланы и роксоланы. Постепенно славяне из Северного Причерноморья расселились на запад и юго-запад.

Отождествление славян с различными этническими группами, упоминаемыми древними авторами, характерно для средневековья и первого этапа нового времени. В сочинениях западноевропейских историков можно встретить утверждение, что славяне в древности назывались кельтами. Среди южнославянских книжников было распространено мнение, что славяне и готы — один и тот же народ. Довольно часто славян отождествляли с фракийцами, даками, гетами и иллирийцами.

В настоящее время все эти догадки и теории имеют лишь историографический интерес и не представляют какой-либо научной значимости. Желаясь познакомиться с ними подробнее, можно отослать к интересной книге И. Первольфа и первым страницам статьи В. Антоневица [*Первольф И.* Славянская взаимность с древнейших времен до XVIII в. СПб., 1874; Antoniewicz W. Niektore zagadnienia historiografii dawnych Slowian XIX i XX stulecia. — Swiatowit, XXVII, 1966, s. 24 — 92.].

Научные изыскания по проблеме славянского этногенеза начинаются с 30-х годов XIX в., когда появилась книга известного исследователя славянских древностей П. И. Шафарика «Славянские древности» [*Safarik P.* Slovanske starozitnosti. Praha. 1837; *Шафарик П. И.* Славянские древности, т. I. М., 1837.]. В основе его исторических построений лежит анализ сведений античных авторов о венедах и этногеографических данных Иордана. П. И. Шафарик попытался показать, что славяне искони заселяли обширные пространства Средней Европы. Славянский язык, по представлениям этого исследователя, впервые зазвучал к северу и северо-востоку от Карпат, т. е. на территории Галиции, на Подолии и Волыни. Сформулированная П. И. Шафариком прикарпатская теория происхождения славян была весьма популярна в XIX в.

В те же годы лингвист Ф. Бопп показал, что славянский язык принадлежит к индоевропейской языковой семье, куда входят также индоиранский, армянский, греческий, кельтский, итальянский, германский, балтский, иллирийский и другие, в том числе исчезнувшие ныне языки [*Bopp F.* Vergleichende Grammatik des Sanskrit. Berlin, 1833.]. Согласно индоевропеистике, все они развились из единого индоевропейского языка. Формирование отдельных языков было обусловлено изолированным развитием индоевропейских диалектов, а также ассимиляцией иноязычных племен.

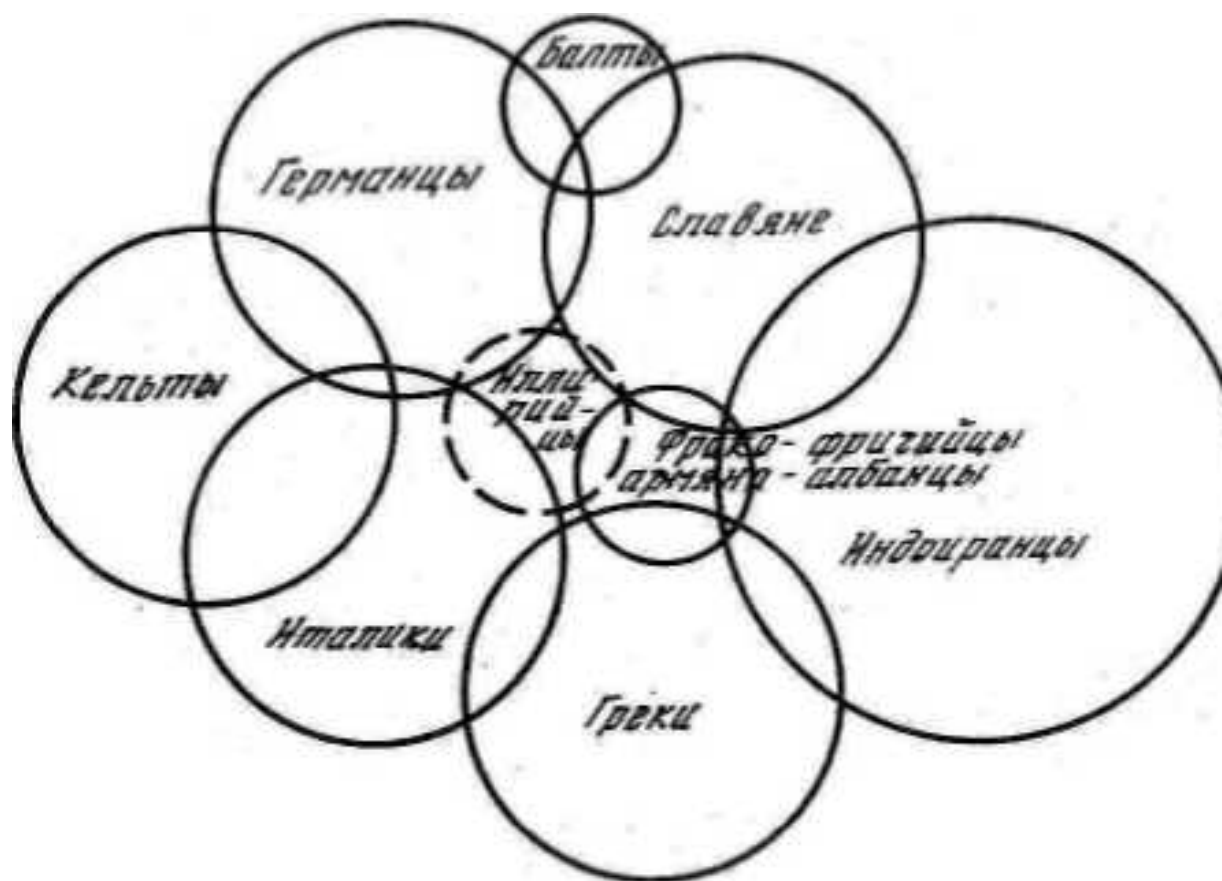

Рис. 1. Схема размещения индоевропейцев в древности по К. Хирту

Сравнительное историческое языкознание выявило степени родства и близости между различными индоевропейскими языками. Так, установлено, что славянский язык наиболее близок к балтским и германским. Определены следы ирано-славянского соседства и языкового контакта. Поставлены вопросы о славяно-кельтских, славяно-иллирийских и славянофракийских контактных взаимоотношениях. В результате был сделан вывод, что древние славяне жили где-то между балтами, германцами и иранцами. Скорее всего, они также соседствовали с кельтами, фракийцами и иллирийцами. На этой основе была предложена схема размещения этих индоевропейских племен в древности (рис. 1) [Hirt H. Die Indogermanen. Ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur. Strassburg, 1905, Abb. 2.]. Однако при локализации этой схемы на географической карте исследователи встретились со многими трудностями.

В XX столетии по вопросам славянского этногенеза написаны сотни книг и статей, высказано множество самых разнообразных мыслей, предположений и догадок. В настоящей главе нет места ни для рассмотрения всех этих работ, ни для их простого перечисления. Здесь будут названы только самые значительные исследования, внесшие наиболее заметный вклад в изучение древнейшего периода славянской истории и отражающие основные этапы эволюции научных знаний по проблеме происхождения и ранней истории славян.

С конца XIX в. при определении места расселения ранних славян наряду с историческими и лингвистическими данными привлекаются материалы топонимики. В 1901 г. появилось интересное исследование А. Л. Погодина, в котором на основе сведений древних авторов дан очерк истории славян начиная с первых веков нашей эры и предпринята попытка очертить раннюю славянскую территорию при помощи анализа речных названий [Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.].

Исследователь приходит к выводу, что ранние славяне были насельниками территории Польши, Подолии и Волыни, где обнаруживается довольно много славянских гидронимов. Эти области, по мнению А. Л. Погодина, славяне занимали с глубокой древности вплоть до раннего средневековья, когда началось их широкое расселение.

Анализом водных названий в связи с локализацией славянской прародины много занимался польский лингвист Я. Розвадовский [*Rozwadowski J. Ze studjow nad nazwami rzek slowianskich. Lwow, 1910; idem. Kilka uwag do przedhistorycznych stosunkow Europy wschodniej na podstawie nazw wod. — Rocznik slawistyczny, VI, 1914; idem. Remarque critique sur la patrie, dite primitive, des peuples slaves. — In: Conference des historiens des etats de L'Europe orientale et du monde slave, II. Warszawa, 1928; idem. Studia nad nazwami wod slowjanskich. Krakow, 1948.*]. Его выводы менялись. Сначала древние славянские земли были определены исследователем в пространстве между Неманом и Днепром, а в последней работе — от Вислы до Днепра.

Для первой трети XX в. наиболее значительными в области славянского этногенеза являются исследования Л. Нидерле, в которых были обобщены достижения различных наук — истории, лингвистики, этнографии, антропологии и археологии [*Niederle L. Slovanske starozitnosti, I. Praha, 1902 — 1904; idem. Manuel de l'antiquite slave, I. Paris, 1923; idem. Rukovet slowanske archeologie. Praha, 1931; Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.*]. Согласно Л. Нидерле праиндоев-ропейский язык распался на отдельные языки в начале II тысячелетия до н. э. Наряду с другими индоевропейскими языками в течение II тысячелетия до н. э. существовал балто-славянский язык, в результате членения которого в I тысячелетии до н. э. (может быть, и несколько раньше) образовался славянский язык.

Показав несостоятельность основанной на русской летописи балканской теории славянского этногенеза, Л. Нидерле отмечает, что место формирования славян пока не может быть определено. В виде предположения высказывается, что древними славянами были невры, будины и скифы-пахари Геродота.

Весьма осторожно обрисовывает Л. Нидерле область славянского расселения в начале нашей эры. На востоке эта территория достигала верховьев Днепра и отдельных районов бассейна Дона, на севере подходила к Нареву и левым притокам Припяти, на западе — к Эльбе. Западную границу славянского ареала, замечает исследователь, возможно, придется передвинуть к Висле, если не будет доказана славянская принадлежность полей погребений лужицко-силезского типа.

В 1908 г. польский ботаник Ю. Ростафинский предпринял попытку выявить древнюю славянскую территорию на основе флористической лексики славянского языка [*Rostafinski J. O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach. — Sprawozdania Akademii Umiejętności, XII, 1908, s. 6 — 25.*]. Исследователь исходил из того, что название дерева бука не является исконно славянским, а названия граба, тиса и плюща — славянского происхождения. Следовательно, славянская прародина находилась вне ареала бука, но в пределах распространения растений со славянскими названиями. Такой областью, по мнению исследователя, были Припятское Полесье и Верхнее Поднепровье. Несмотря на то что ботаническая аргументация славянской прародины была встречена критически [*Bruckner A. Zur Geschichte der Buchenbenennung. — Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. XLVI, 1913, S. 193 — 197.*], ей суждено было в течение нескольких десятилетий играть одну из важнейших ролей в локализации ранних славян.

Оригинальную теорию славянского этногенеза разработал А. А. Шахматов. Согласно представлениям этого исследователя в отдаленной древности восточные индоевропейцы занимали бассейн Балтийского моря. Часть их (предки индоиранцев и фракийцев) отсюда переселилась в более южные районы Европы, а в юго-восточной Прибалтике остались балто-славяне. В I тысячелетии до н. э. балто-славянское единство распалось, в результате чего образовались славяне и балты. Отсутствие в славянском

языке собственного фитонима для бука и неславянский характер названий крупных рек Среднего Поднепровья и Повисленья исключают, по мнению А. А. Шахматова, эти территории из славянской прародины. Главным же в построении этого исследователя являются якобы существовавшие в древности контакты славян с кельтами и финнами. Славяне, по А. А. Шахматову, первоначально жили в низовьях Западной Двины и Немана, где соседствовали с балтами, германцами, кельтами и финнами. Во II в. н. э., когда германцы ушли из Повисленья, славяне продвинулись на запад, на территорию современной Польши, и оттуда уже позднее расселились в те области Европы, где они известны по средневековым источникам [*Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915; он же. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916.*]. Эти построения А. А. Шахматова подверглись серьезной критике [*Бузук П. А. Взгляды академика Шахматова на доисторические судьбы славянства. — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. XXII, кн. 2, 1921, с. 150 — 179; Ильинский Г. А. Проблема праславянской прародины в научном освещении А. А. Шахматова. — Там же, т. XXV, 1922, с. 419 — 436.*].

В 20-х годах мысль о припятско-среднеднепровской прародине славян попытался аргументировать известный славист М. Фасмер [*Vasmer M. Die Urheimat der Slawen. — In: Der ostdeutsche Volksboden. Breslau, 1926, S. 118 — 143.*]. Помимо ботанических доводов Ю. Ростафинского и данных сравнительно-исторического языкознания исследователь широко использовал материалы гидронимики. Анализ водных названий Западной Европы выявил древние ареалы кельтов, германцев, иллирийцев и фракийцев, После чего славянам не осталось здесь места. Поэтому славянскую прародину М. Фасмер локализовал в бассейне Припяти и среднего Днепра, где имеется несколько десятков рек со славянскими названиями. Прочие данные, по мнению этого исследователя, не мешают такой локализации, а наоборот, подкрепляют ее. М. Фасмер полагал, что на этой территории славянский язык выделился из балто-славянской общности и начал самостоятельное развитие. Общеславянский период он определял между 400 т. до н. э. и 400 г. н. э., а балто-славянскую общность — более ранним временем.

20 — 30-е годы характеризуются бурным развитием славистики в Польше. Много внимания уделяется проблеме происхождения и эволюции славян и их языка.

Почти все польские исследователи этого периода отстаивали западное происхождение славян, полагая, что их прародина находилась в междуречье Вислы и Одера (Одры). Мысль о западном происхождении славян зародилась еще в конце XVIII в., но до 20-х годов XX в. она оставалась неаргументированной. В период между Первой и Второй мировыми войнами польские и некоторые чешские археологи настойчиво стали связывать с ранними славянами лужицкую культуру, распространенную в период поздней бронзы и раннего железа в бассейнах Одера и Вислы и в верховьях Эльбы [*Kozłowski L. Kultura luzycka a problem pochodzenia Slowian. — In: Pamietnik IV Zjazdu historykow polskich, I. Lwow, 1925; Kostrzewski J. Praslowianszczyzna. — In: Biblioteka slowianska, ser. 1, N 2. Warszawa, 1935; idem. Praslowianszczyzna. Zarys dziejow i kultury Praslowian. Poznan, 1946; idem. Wielikopolska w pradziejach. Warszawa — Wroclaw, 1955; Filip J. The Beginnings of Slaw Settlements in Czechoslovakia. Praha, 1946.*].

Наибольшую роль в развитии концепции этногенеза славян от лужицких племен сыграл польский археолог Ю. Костшевский. По его представлениям в конце I тысячелетия до н. э. в области расселения лужицких племен распространяются носители поморской культуры, в результате чего в междуречье верхней Вислы и Эльбы формируется пше-ворская культура, связываемая с историческими венетами. Верхней хронологической границей пшеворской культуры Ю. Костшевский считал IV столетие, когда в результате великого переселения народов облик славянской культуры претерпел существенные изменения.

Эту позицию поддерживал и развивал тогдашний глава польской антропологии

Я. Чекановский [*Czekanowski J. Wstep do historii slowian. Lwow, 1927* (2-е расширенное издание Poznan, 1957)]. К тому времени работы по палеоботанике показали, что растения, на основе названий которых строились гипотезы о локализации ранних славян восточнее линии Калининград — Одесса, в древности имели иные ареалы, позволяющие включать междуречье Вислы и Одера в территорию славянской прародины. Придавая большое значение древним славяно-германским языковым взаимоотношениям, Я. Чекановский проводил западную границу ранних славян по Одру.

В то же время польские лингвисты пересмотрели топонимические материалы и пришли к выводу, что в верховьях Вислы и Одера, т. е. в ареале лужицкой культуры, многие водные названия имеют славянский характер [*Rudnicki M. Sur l'etablissement des preslaves dans les bassins de la Vistule et de l'Odra aux temps prehistoriques. — Slavia occidentalis*, XIII, 1934, p. 169—185; idem. *Praslowianszczyzna. Lechia-Polska. I. Wolonienie sig slowian sposrid ludow indoeu-ropejskich i ich pierwotne siedziby. Poznan, 1959*; II. *Wspolnota slowianska. Wspol-nota lechicko-polska. Poznan, 1961*.].

Наиболее обстоятельно вопросы славянского этно- и глоттогенеза были разработаны крупнейшим польским славистом Т. Лер-Сплавинским [*Lehr-Splawinski T. O pochodzeniu i praojczyznie slowian. Poznan, 1946*.]. В основе его этногенетических построений лежат материалы различных наук - языкознания, гидронимии, археологии и антропологии. Суть теории Т. Лер-Сплавинского заключается в следующем. До 2000 г. до н. э. Северо-Восточная Европа (вплоть до Силезии и Померании) была заселена финно-уграми, оставившими культуру гребенчатой керамики. Около 2000 г. до н. э. из Центральной Европы в восточном направлении происходит миграция носителей культуры шнуровой керамики. На востоке эти племена достигают Среднего Поволжья и Северного Кавказа. Это была одна из групп индоевропейцев. В результате их взаимодействия с финно-угорским субстратом на территории между Одером и Окой формируются балто-славяне (или прабалты, включавшие племена, диалекты которых позднее развились в славянский язык). Лужицкую культуру Т. Лер-Сплавинский относил к индоевропейцам-венетам. Расселение их в междуречье Вислы и Одера (1500 — 1300 гг. до н. э.) привело к отделению части прабалтов, что было первым шагом к образованию славян.

Окончательно славяне сложились к середине I тысячелетия до н. э. после расселения носителей поморской культуры из Нижнего Повисленья в южном направлении. Следствием этого было формирование в Висло-Одерском междуречье пшеворской и оксывской культур, которые рассматривались Т. Лер-Сплавинским как раннеславянские.

Некоторые положения в этногенетическом построении Т. Лер-Сплавинского подвергались критике [*Utaszyn H. Praojczyzna slowian. Lodz, 1959*; Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М. — Л., 1962, с. 34 — 35.], отдельные археологические и топонимические выводы кажутся ныне устаревшими, тем не менее его исследование внесло существенный вклад в разработку проблемы происхождения славян. Иногда Т. Лер-Сплавинского, и не без оснований, называют создателем современной истории славянского этногенеза.

В польской историографии особняком стоит гипотеза историка и этнографа К. Мошинского [*Moszynski K. Badania nad pochodzeniem i pierwotna kultura Slowian. Krakow, 1925*.]. Его построения, прежде всего, покоятся на предположении о древнем языковом контакте славян с тюрками. Исследователь предположил, что до VII — VI вв. до н. э. славяне жили где-то в Азии, их соседями на востоке были тюрки, на западе — угры, на юге — скифы.

Эта гипотеза сразу же подверглась резкой критике, ибо с языковедческих позиций славяно-тюркский контакт в столь раннее время невероятен. В последней своей работе К. Мошинский утверждал, что славяне пришли в Поднепровье за несколько веков до нашей эры откуда-то из пограничья Европы и Азии. Для обоснования этого тезиса исследователь много внимания уделил аргументации гипотезы о заселении славянами

приднепровских территорий раньше, чем Повисленья [*Moszynski K. Pierwotny sazieg jezyka praslowianskiego. Wroclaw — Krakow, 1957.*].

Несостоятельность гипотезы К. Мошинского показана в одной из работ Т. Лер-Сплавинского [*Лер-Сплавинский Т. К современному состоянию проблемы происхождения славян. — ВЯ, 1960, №4, с. 23 — 30.*].

Развитие исследований по этногенезу славян в нашей стране некоторое время сдерживалось распространением марристских представлений. К тому же многие области Восточной Европы в археологическом отношении до недавней поры были изучены слабо. В частности, неисследованными оставались верхнеднепровские и отчасти среднеднепровские древности I тысячелетия н. э., имеющие первостепенное значение для истории ранних славян.

В 50-х годах вопрос о происхождении славян на основе данных археологии попытались осветить М. И. Артамонов и П. Н. Третьяков [*Артамонов М. И. Происхождение славян. М., 1950; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.*]. Вслед за польскими археологами М. И. Артамонов полагал, что ранними славянами оставлены лужицкая, поморская и пшеворская культуры. Однако территория славян не ограничивалась Висло-Одерским регионом, а с глубокой древности распространялась на восток вплоть до Поднепровья. Здесь славянам принадлежали скифские культуры Подолии и Среднего Поднепровья. Невры, гелоны и будины Геродота, по М. И. Артамонову, были славянами. Позднее славянскими в Поднепровье были зарубинецкая и черняховская культуры. Славянский язык и в Повисленья, и в Поднепровье, по мнению исследователя, существовал еще с конца энеолита и начала эпохи бронзы.

Согласно представлениям П. Н. Третьякова племена культуры шнуровой керамики, расселившиеся во II тысячелетии до н. э. на территории от Эльбы до Днепра, были протославянами. В I тысячелетии до н. э. славянам принадлежали лужицкая культура, скифские древности лесостепного Поднепровья, а также верхнеднепровская и юхновская культуры. Еще позднее славянами были племена поморской, пшеворской, зарубинецкой и черняховской культур и население, оставившее синхронные им верхнеднепровские древности вплоть до городища Березняки в Ярославском Поволжье.

Ныне эти схематичные этногенетические построения имеют чисто историографический интерес. По мере накопления новых археологических материалов они были коренным образом пересмотрены, в частности и самими их авторами. В последнее время П. Н. Третьяков, с одной стороны, по-видимому, разделял мысль польского археолога А. Гардавского о племенах тшинцевой культуры как основе славянства, а с другой — считал возможным начинать историю славян лишь с рубежа нашей эры — от пшеворской и зарубинецкой культур [*Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М. — Л., 1966, с. 190 — 220.*].

Интересная гипотеза по истории протославян, т. е. индоевропейского племени, от которого позднее произошли славяне, принадлежит лингвисту Б. В. Горнунгу [*Горнунг В. В. Из предыстории образования общеславянского языкового единства, М., 1963.*]. Исследователь полагает, что в конце IV и первой половине III тысячелетия до н. э. индоевропейцы дифференцировались на две диалектные зоны — древнюю северо-западную и древнюю юго-восточную. Протославяне были в составе последней и соприкасались с предками анатолийцев, прототохарами, будущими дако-мезийцами и фракийцами. Б. В. Горнунг видит протославян этого периода среди населения среднего этапа трипольской культуры, обитавшего в междуречье Днепра и Днестра.

На рубеже III и II тысячелетий до н. э. в диалектном подразделении индоевропейцев произошли серьезные изменения. Протославяне втянулись в северо-западную зону, где началось их языковое сближение с протобалтами и протогерманцами. Вскоре прабалты с прототохарами продвинулись в восточном направлении и вместе с протославянами образовали восточную ветвь северо-западной зоны. Протославяне этого

периода обитали в междуречье верхней Вислы и Днепра. Им принадлежали тши-нецкая и комаровская культуры. К I тысячелетию до н. э. из этой диалектной индоевропейской группы и сформировались славяне.

Схема развития протославян построена Б. В. Горнунгом на языковых материалах. Археологические данные служат лишь иллюстративным фоном. Между тем отсутствие преемственности между археологическими культурами, приписываемыми протославянам, нарушает построения исследователя. Не согласованы они и с топонимическими данными.

В 1972 г. вышла в свет книга украинского археолога В. П. Петрова [*Петров В. П.* *Этногенез слов'ян. Джерела, етапи розвитку і проблематика.* Київ, 1972.], в которой этническая история древних славян рисуется весьма своеобразно. Автор полагает, что начинать эту историю можно с трипольской культуры, хотя языковая принадлежность ее носителей остается нам неизвестной. Согласно В. В. Хвойке, отмечает исследователь, с трипольского времени вплоть до исторической эпохи на Украине наблюдается непрерывное развитие земледелия, и следовательно, трипольцы были предками славян, т. е. протославянами. В дальнейшем в Северном Причерноморье сменилось много археологических культур, менялся и язык. В период раннего железа здесь жили скифы (по В. П. Петрову, не иранцы, а особая индоевропейская языковая группа). На зарубинецком этапе язык скифов-борисфенитов модернизировался в славянский. Однако еще в черняховское время это был такой язык, который нельзя отождествлять с языком раннесредневековых славян.

В работе В. П. Петрова много неясного и неприемлемого. Прежде всего, остается необъяснимым, почему ранняя история славян ограничена территорией Украины: непрерывное развитие земледелия и отдельных элементов культуры прослеживается во многих районах Средней и Восточной Европы. Приведенные в книге лингвистические и исторические данные не дают конкретной картины славянского этногенеза.

В последние годы вопросы этногенеза славян рассматривались в работах советского лингвиста Ф. П. Филина и польского археолога В. Генаеля.

Ф. П. Филин, как и многие современные лингвисты, отрицает гипотезу о существовании в древности балто-славянского языка. Он полагает, что в эпоху индоевропейской языковой общности предки балтов и предки славян находились в длительном контакте между собой, не сливаясь в единое целое (в языковом отношении). Время формирования общеславянского языка он определяет I тысячелетием до н. э. На основе анализа славянской лексики исследователь показывает, что славянская прародина находилась вдали от моря, в лесной равнинной полосе, изобиловавшей болотами и озерами. Подобный ландшафт обычен для многих регионов Центральной и Восточной Европы. Для более конкретной локализации праславян Ф. П. Филин использует ботанические аргументы Ю. Ростафинского, пополняя их новыми примерами. В результате он очерчивает славянскую территорию около рубежа нашей эры между Бугом и средним Днепром. Сказать, где размещалась прародина славян в более раннее время, замечает исследователь, на основе лингвистических данных пока не представляется возможным [*Филин Ф. П.* *Образование языка восточных славян*, с. 83 — 151; он же. *К проблеме происхождения славянских языков.* — В кн.: *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов.* М., 1973, с. 378 — 389.].

Согласно представлениям В. Гензеля, в III и II тысячелетиях до н. э. существовала балто-славянская языковая общность. Балто-славяне занимали территорию между Вислой и Днепром, при этом будущим славянам (протославянам) принадлежала ее южная часть. Лужицкая культура Висло-Одерского междуречья была иллирийской. Между 900 и 700 гг. до н. э. протославяне заселили области между Одером и Вислой и ассимилировали венетов. На обширном пространстве между Одером и Средним Поднепровьем сформировались праславяне. Границы праславянской территории на

протяжении веков не оставались стабильными, в частности в последние века до нашей эры в юго-западные районы ее проникали кельты, а позднее, возможно, и некоторые другие племена. На рубеже нашей эры славянам принадлежали пшеворская, оксывская и за-рубинецкая культуры [*Hensel W.* Szkice wczesnodziejowe. L'ethnogenese les Slaves. — *Slavia antiqua*. XVIII, 1971, p 29 — 47.].

В 1978 г. интересная реконструкция истории праславян была предложена Б. А. Рыбаковым [*Рыбаков Б. А.* Исторические судьбы праславян.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978, с. 182 — 196.]. Важные наблюдения по отдельным деталям славянского этногенеза и некоторые научные догадки, высказанные исследователем, заслуживают самого пристального внимания. Б. А. Рыбаков (вслед за Б. В. Горнунгом) начинает праславянский период с XV в. до н. э. и намечает пять этапов его эволюции. Первый из них соответствует тшинецко-комаровской культуре (XV — XII в. до н. э.). Второй (XI — III вв. до н. э.) условно именуется лужицко-скифским, поскольку славяне в это время были носителями разнохарактерных культур — лужицкой, белогрудовской, чернолесской и скифской лесостепной. Третий этап (II в. до н. э. — II в. н. э.) представлен пшеворской и зарубинецкой культурами, четвертый (II — IV вв. н. э.) — пшеворской и черняховской, а пятый (V — VII вв. н. э.) — культурой пражского типа. Принадлежность славянам всех этих культур определяется Б. А. Рыбаковым тем, что ареалы их вписываются в одно и то же пространство от Днепра до Одера, «севернее европейского горного барьера (Карпаты — Судеты — Гарц)».

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ НАУК В ОСВЕЩЕНИИ СЛАВЯНСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА

История ранних славян может быть изучена при широком сотрудничестве различных наук — лингвистики, ономастики, археологии, антропологии, этнографии и фольклористики. Любая из этих наук в отдельности не располагает и вряд ли когда-либо будет располагать достаточным количеством фактов для решения проблемы славянского этногенеза в целом.

Ныне все признают, что проблему происхождения славян нужно решать общими усилиями историков, лингвистов, археологов и представителей других смежных дисциплин. Однако содружество разных специалистов в разработке этногенетических проблем иногда понимается ошибочно. Так, например, некоторые исследователи полагают, что если лингвисты локализируют ранних славян где-то в Среднем Поднепровье, то и археологи вслед за ними должны поместить славянскую прародину здесь же, объявив славянской какую-либо среднеднепровскую археологическую культуру. В результате у одного исследователя рождается мысль о славянской принадлежности белогрудовской и чернолесской археологических культур, другие утверждают, что славянами были племена мило-градской культуры, третьи относят к славянам комаровскую культуру, четвертые — скифскую лесостепную. Наоборот, археологи, работающие над древностями более западных регионов Европы, рассматривают тшинецкую, лужицкую и иные культуры в качестве славянских, ссылаясь на утверждения другой группы лингвистов о размещении ранних славян в Висло-Одерском междуречье.

Такой подход к изучению славянского этногенеза, в частности к выяснению прародины славян, неверен в методологическом отношении. Совместные решения этногенетических проблем представителями разных наук возможны только при том условии, что выводы каждой отрасли науки покоятся на собственных материалах, а не навеяны данными смежной науки.

Примером научного сотрудничества археологии, истории и языкознания в

решении этногенетических тем может служить книга «Народы между германцами и кельтами», посвященная населению порейнских областей эпохи Цезаря [*Hachmann R., Kossack G., Kuhn H. Volker zwischen Germanen und Kelten. Schrift-quellen, Bodenfunde und Namengut zur Geschichte des nordlichen Westdeutschlands und Christi Geburt. Neumunster, 1962.*]. Её авторам — двум археологам и лингвисту — независимо друг от друга на основе археологических, исторических и топонимических материалов удалось обнаружить неизвестную дотоле особую группу индоевропейских племен, в языковом отношении близкую германцам, кельтам и италикам.

Лингвистике, ономастике, археологии, антропологии и этнографии свойственны собственные методы исследования. В решении славянского этногенеза перед каждой из них могут быть поставлены определенные задачи. Поэтому необходимо проанализировать возможности каждой из этих наук в освещении исследуемой тематики.

Славянский этногенез и языкознание

Средствами языкознания изучается, прежде всего, глоттогенез, являющийся существенной частью этногенеза. Установлено, что славянские языки принадлежат к индоевропейской языковой семье, куда входят, кроме того, балтские, германские, италийские (романские), кельтские, греческий, армянский, албанский, индоиранские, а также распространенные в древности фракийские, иллирийские, анатолийские и тохарские языки.

На первых порах развития индоевропеистики исследователи полагали, что образование отдельных языков является результатом простой эволюции диалектов праиндоевропейского языка вследствие отрыва или изоляции носителей этих диалектов от основного ствола. Однако теперь установлено, что распад индоевропейской общности был весьма сложным процессом. По-видимому, ни одна из известных лингвистике ветвей не образовалась непосредственно из диалектов праиндоевропейского языка. В отдаленной древности индоевропейских языков и диалектов было значительно больше, чем фиксирует современная наука. Распад индоевропейского языка не был одноактным процессом, а прошел через ряд этапов и длился тысячелетия. Между древними индоевропейскими и современными языковыми группами имели место промежуточные этноязыковые образования, а в отдельных случаях, вероятно, и серия промежуточных групп.

Первый период распада индоевропейской общности связан с отделением анатолийских и индоиранских языков. Древнейшие письменные памятники свидетельствуют, что хеттский и индоиранский языки выделились из индоевропейского по крайней мере уже в III тысячелетии до н. э. Следовательно, праиндоевропейская языковая общность относится к V — IV тысячелетиям до н. э. В раннее время образовались также армянский, греческий и фракийский языки. Зато языки племен Средней Европы оформились в самостоятельные сравнительно поздно. Так, согласно данным современной германистики прагерманский язык существовал в первой половине I тысячелетия до н. э. К рубежу II и I тысячелетий до н. э. относится выделение праиталийского языка.

Славянский язык принадлежит к числу молодых в семье индоевропейских. М. Фасмер определял образование праславянского языка временем около 400 г. до н. э., Т. Лер-Сплавинский — серединой I тысячелетия до н. э. Ф. П. Филин замечает, что начало становления праславян не может быть установлено с достаточной точностью, но, пишет он, «мы можем быть уверены в том, что праславянский язык в I тысячелетии н. э. и в века, непосредственно предшествующие нашей эре, несомненно, существовал» [*Филин Ф. П. К проблеме происхождения славянских языков.— В кн.: Славянское языкознание. VII*

Международный съезд славистов. М., 1973, с. 381.]

Американские лингвисты Г. Трегер и Х. Смит предложили следующую хронологическую схему образования индоевропейских языков [*Trager G. L., Smith H. L. A Chronology of Indo-Hittite. — Studies in Linguistics, 8, N. 3, 1950.*]

Лексические и топонимические изыскания привели немецкого лингвиста Х. Крае к следующему выводу: в то время когда анатолийские, индоиранские, армянский и греческий языки уже отделились от остальных индоевропейских и развивались как самостоятельные, полностью оформившиеся языки, итальянский, кельтский, германский, славянский, балтский и иллирийский еще не существовали [*Krahe H. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954; idem. Die Struktur der alteuropaischen Hydronymie. — Akademie der Wissenschaft und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse (Wiesbaden), 1962, N 5; idem. Unsere ältesten Flussnamen. Wiesbaden, 1964.*]. «Западноевропейские языки Северной и Средней Европы во II тысячелетии до н. э., — пишет Х. Крае, — в своем развитии были достаточно близки друг другу, составляя, хотя и слабо связанную, но еще единообразную и находящуюся в постоянных контактах группу, которую можно назвать «древнеевропейской». Из нее со временем вышли и развились отдельные языки: германский и кельтский, итальянский и венецкий, иллирийский, балтский и на окраине славянский» [*Krahe H. Germanische Sprachwissenschaft. I. Einleitung und Lautlehre. Berlin, 1960, S. 13.*]. Древнеевропейцы занимали обширные пространства Европы. Согласно Х. Крае древнеевропейские гидронимы распространены от Скандинавии на севере до материковой Италии на юге и от Британских островов на

западе до юго-восточной Прибалтики на востоке (рис. 2). Области севернее Альп представляются исследователю наиболее древними. Древнеевропейцы выработали общую терминологию в области сельского хозяйства, социальных отношений и религии.

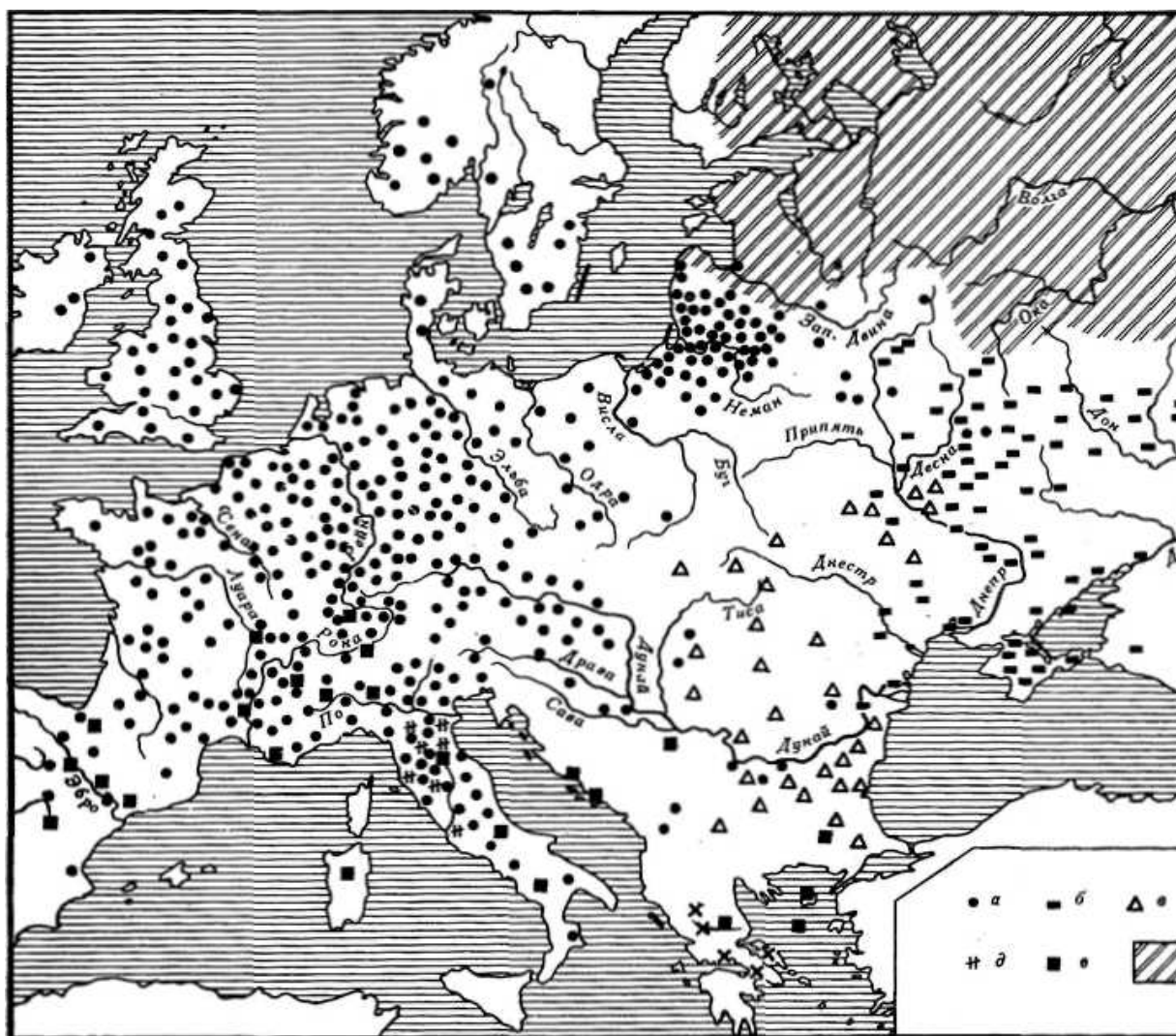

Рис. 2. Древняя гидронимия Европы
а — древнеевропейские гидронимы;
б — иранские гидронимы;
в — фракийские гидронимы;
г — догреческие (анатолийские и «пеласгские») гидронимы;
д — этрусские гидронимы;
е — доиндоевропейские гидронимы;
ж — ареал древней финно-угорской гидронимии

Конечно, построения Х. Крае являются всего лишь научной гипотезой. Поэтому для одних исследователей они вполне приемлемы, а другие указывают на то, что фактических данных для предположения о существовании древнеевропейской общности пока очень мало. Однако количество материалов, свидетельствующих в пользу построений Х. Крае, постепенно увеличивается, что делает их все более и более авторитетными.

Известный иранист В. И. Абаев выявил целый ряд североирано-европейских

(скифо-европейских) языковых схождений и отметил параллели в области мифологии, свидетельствующие о бесспорном контакте древних иранцев Юго-Восточной Европы с еще нерасчлененными европейскими племенами. В связи с этим, замечает исследователь, нужно признать, что древнеевропейская языковая общность, куда входили будущие славяне, германцы, кельты и италики (по В. И. Абаеву, и тохары), является исторической реальностью [*Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965, с. 127 — 129.].

В результате анализа лексики гончарного, кузнечного, текстильного и деревообрабатывающего ремесел славян О. Н. Трубачев пришел к выводу, что носители раннеславянских диалектов или их предки в период, когда складывалась эта ремесленная терминология, находились в контакте с германцами и италиками, т. е. с индоевропейцами Центральной Европы. Центральноевропейский культурно-исторический ареал, который занимали будущие германцы, италики и славяне, локализуется исследователем в бассейнах верхнего и среднего Дуная, верхней Эльбы, Одера и Вислы, а также в Северной Италии (рис. 5) [*Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.].

На основе рассмотренных языковых данных можно сделать вывод общего порядка. Отдаленные предки славян, т. е. древнеевропейские племена, ставшие позднее славянами, во II тысячелетии до н. э. жили в Центральной Европе и находились в контакте, прежде всего, с протогерманцами и протоиталиками. Скорее всего, они занимали восточное положение среди европейской группы индоевропейцев. В таком случае им принадлежала какая-то область, входящая в регион, обнимающий бассейн Вислы, поскольку в среднеднепровских землях древнеевропейских гидронимов уже нет. Ничего более определенного по истории этого далекого периода на основе лингвистических данных сказать невозможно.

Сформировавшийся в I тысячелетии до н. э. праславянский язык эволюционировал довольно неравномерно. На смену спокойному развитию приходили периоды бурных изменений, что, видимо, было обусловлено степенью взаимодействия славян с соседними этническими группами. Поэтому периодизация эволюции праславянского языка является существенным моментом для изучения проблемы славянского этногенеза.

Пожалуй, наиболее простая и в то же время исчерпывающая периодизация эволюции языка праславян предложена Ф. П. Филиным [*Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.— Л., 1962, с. 99 — 110.]. Исследователь выделяет три крупных этапа в развитии этого языка.

Первый этап (до конца I тысячелетия до н. э.) соответствует начальной стадии формирования основы славянской языковой системы. Это период, когда славянский язык только что начал развиваться самостоятельно и постепенно вырабатывал свою систему, отличную от других индоевропейских языковых систем.

Следующий, средний, этап развития праславянского языка датируется временем от конца I тысячелетия до н. э. до III — V вв. н. э. В этот период происходят серьезные изменения в фонетике языка славян (палатализация согласных, устранение некоторых дифтонгов, изменения в сочетаниях согласных, отпадение согласных в конце слова), эволюционирует его грамматический строй. В это время получает развитие диалектная дифференциация славянского языка. Можно предполагать, что все эти довольно существенные изменения в развитии праславянского языка были обусловлены взаимодействием славян с другими этноязыковыми группами. Иначе их объяснить невозможно.

Поздний этап эволюции праславянского языка (V—VII вв. н. э.) совпадает с началом широкого расселения славян, что привело в конечном итоге к разделению единого языка на отдельные славянские языки. Языковое единство славян в это время еще продолжало существовать, однако уже появились условия для зарождения в разных

местах славянского ареала отдельных языковых групп [Три этапа в праславянском языке (протославянский, ранний, когда диалектное членение еще отсутствовало, и период диалектной дифференциации) устанавливал и Н. С. Трубецкой (Trubetzkoy N. S. Essai sur la chronologie des certains faits pho-netiques du slave commun. — In: Revue des etudes slaves, II. Paris 1922). Н. Ван-Вейк (Van-Wijk N. Les langues slaves. Mouton — Gravenhage, 1956) и С. Б. Бернштейн (Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961) делят историю праславянского языка на две эпохи (до и после утраты закрытых слогов). Г. Шевелов подразделяет историю общеславянского языка на пять периодов (Shevelov G. V. A Prehistory of Slavic. N. Y., 1965).].

Славянский языковой материал для истории праславянских племен дает очень немного. Как уже отмечалось, на основе праславянской лексикологии можно утверждать, что славяне (в I тысячелетии до н. э. и в первых веках нашей эры) заселяли лесные земли с умеренным климатом и обилием рек, озер и болот, в стороне от степей, гор и морей. Неоднократно предпринимаемые попытки использовать для более конкретной локализации раннеславянского региона ботаническую и зоологическую терминологию оказались несостоятельными. Изменения географических зон в исторические периоды, миграции животных и растений, малочисленность и эпохальные изменения флористической и фаунистической лексики делают любые этногенетические выводы, основанные на анализе зооботанических терминов, малодоказательными. Из зоотерминологии для определения прародины славян важны, пожалуй, только названия проходных рыб — лосося и угря. Поскольку эти термины восходят к праславянскому языку, нужно допустить, что славянский регион древнейшей поры находился в пределах обитания этих рыб, т. е. в бассейнах рек, впадающих в Балтийское море.

Для изучения этногенеза славян перспективны некоторые внутрилингвистические методы исследования. Известно, что фонологическая система того или иного языка перестраивается под воздействием иноязычного субстрата. При этом замечено, что чем больше фонологическая система отлична от первоначальной, тем дальше удалены ее носители от прародины. Отсюда неизбежен вывод о максимальной близости современных диалектов, распространенных на территории прародины, к общему языку той или иной системы.

Согласно наблюдениям В. В. Мартынова, занимавшегося реконструкцией элементов фонологической системы праславянского языка, наиболее последовательно праславянские фонологические черты выявляются в великопольских говорах. В юго-восточном направлении от ареала последних праславянские фонологические особенности в современных славянских диалектах заметно ослабевают, а в южном (в Придунавье и на Балканском полуострове) — пропадают вовсе [*Мартынов В. В. Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья.* — Советское славяноведение, 1965, №4, с.69 — 81.].

Сравнительно-историческое языкознание установило, что в тот период, когда праславянский язык выделился из индоевропейского и стал развиваться самостоятельно, славяне имели языковые контакты с балтами, германцами, иранцами и, может быть, с фракийцами и кельтами. Это вовсе не значит, что славяне древнейшей поры занимали все пространство между ареалами балтов, иранцев, германцев, фракийцев и кельтов. Весьма вероятно, что в этом пространстве наряду со славянами жили и иные этнические группировки.

Наиболее существенные связи праславянский язык имел с балтскими. Из всех индоевропейских языков славянский наиболее близок к балтско-му, что явилось основой для предположения о существовании в древности единого балто-славянского языка, в результате распада которого и образовались самостоятельные славянский и балтский языки. Дискуссия по вопросу о балто-славянских языковых отношениях, развернувшаяся в связи с IV Международным съездом славистов, показала, что сходство между балтским и славянским языками и наличие балто-славянских изоглосс могут быть объяснены

длительным контактом славян с балтами (балто-славянская сообщность) [См.: Славянская филология, т. I. М., 1958.]. Независимо от того, в какой форме проявлялись эти контакты, остается несомненным, что праславяне длительное время соседствовали с балтскими племенами.

В I тысячелетии до н. э. и в начале нашей эры балты занимали обширную область, простиравшуюся от юго-восточного побережья Балтийского моря до верхней Оки. На вопрос о том, где проходила граница между славянами и балтами, лингвисты отвечают неоднозначно. Одни исследователи считают, что праславяне жили южнее балтов, т. е. в Среднем Поднепровье и Припятском Полесье, другие локализуют праславян юго-западнее балтского ареала, т. е. в бассейне Вислы и Одера.

Для определения праславянской территории существенно, что многие древние балто-славянские изоглоссы не охватывают всех балтских языков. Балто-славянская сообщность относится в основном, очевидно, к тому времени, когда прабалтский язык уже дифференцировался на группы диалектов. На основе данных балтской диалектологии время распада общебалтского языка (выделение западной, восточной и днепровской диалектных групп) определяется концом II тысячелетия до н. э. [*Мажюлис В.* Лингвистические заметки к балтийскому этногенезу. М., 1964.].

Праславяне находились в тесном общении, прежде всего, с западной группой балтов. «Нет сомнения в том, — подчеркивает в этой связи С. Б. Бернштейн, — что балто-славянская сообщность охватила, прежде всего, праславянский, прусский и ятвяжский языки» [*Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики..., с. 34.]. В лингвистической литературе высказывались предположения о формировании праславянского языка на основе одного из окраинных западнобалтских диалектов или, наоборот, о происхождении западнобалтских диалектов от одной из групп праславянских говоров. Согласно этим представлениям в древности существовала единая языковая общность, которая на основной территории сохранила свои основные особенности, характерные для балтской языковой группы, а на западной окраине подверглась изменениям, превратившись в славянскую [*Иванов В. В., Топоров В. Н.* К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958; Топоров В. Н. К проблеме балто-славянских языковых отношений. — В кн.: Актуальные проблемы славяноведения М., 1961, с. 211 — 218. В. Мажюлис полагает, что славянский язык развился из периферийного диалекта балто-славянской общности, а западнобалтийский был периферийным относительно прабалтского языка (Maziulis V. Baltu ir kitu indoeuropieciu kalbu santykiai (Deklinacija). Vilnius, 1970, p. 314 — 317.]. Как бы ни решался этот вопрос, остается несомненным, что славяне в древности могли быть только западными или юго-западными соседями балтов.

Очень важно исследование славяно-иранских языковых связей. Время господства иранских (скифо-сарматских) племен в Юго-Восточной Европе и территория их расселения выяснены наукой, поэтому изучение славяноиранских отношений могло бы ответить на вопрос, когда и где праславяне соседствовали с иранскими племенами Северного Причерноморья.

Собранные к настоящему времени факты свидетельствуют о значительности славяно-иранских лексических схождений и об иранском воздействии на славянскую фонетику и грамматику [*Зализняк А. А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, 6. М., 1962, с. 28 — 45.]. Эти данные, сведенные воедино, легли в основу предположения, что праславяне жили в тесном соседстве с иранскими племенами, и позволили размещать славянскую прародину в Среднем Поднепровье. Суммарное рассмотрение славяно-иранских связей породило гипотезу о непрерывном контакте славян с северными иранцами. Между тем большое число славяно-иранских схождений еще не дает оснований для утверждения, что в течение многовекового периода праславянской истории контакты славян со скифо-сарматами не прерывались. Поэтому одной из первостепенных задач в

области изучения славяно-иранских связей является их хронологическая периодизация.

Первый серьезный шаг в этом направлении сделан О. Н. Трубачевым. В статье, посвященной лексическим иранизмам в славянских языках [*Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений. — В кн.: Этимология 1965. М., 1967, с. 3 — 81.*], исследователь вполне справедливо исключает из числа собственно иранских прежде всего те лексические схождения, которые восходят к эпохе контактов диалектов праиндоевропейского языка. Далее, оказалось, что большинство иранских лексических заимствований в славянских языках является локальным — они охватывают не весь славянский мир, а либо только восточнославянские языки, а иногда лишь часть их, либо только южнославянские, либо только западнославянские. Естественно, что локальные лексические заимствования не отражают древнейшие праславяно-иранские связи, а принадлежат в основном к относительно позднему периоду — к эпохе членения общеславянского языка на диалекты и отчасти ко времени формирования отдельных славянских языков.

Общеславянские лексические заимствования из иранского единичны. Таковы, *bogъ* ('бог'), *kotъ* ('загон, небольшой хлев'), *gun'a* ('шерстяная одежда') и *toporъ* ('топор'). Кроме первого, все эти иранизмы принадлежат к культурным терминам, обычно самостоятельно передвигающимся из языка в язык, независимо от миграций и соседства самого населения. Так, иранское *kata* достигло Скандинавии, а *taraqa* — западнофинского ареала.

Фонетическое (изменение взрывного *g* в задненёбный фрикативный *h*) и грамматические (выражение совершенного вида глаголов с помощью превербов, появление генетива-аккузатива, беспредложный локатив-да-тив) воздействия иранцев также не охватывают всех славян, а носят региональный характер [*Абаев В. И. О происхождении фонемы у(h) в славянском языке. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 115 — 121; он же. Превербы и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе. — Там же, с. 90 — 99; Топоров В. Н. Об одной ирано-славянской параллели в области синтаксиса. — Краткие сообщения Института славяноведения, 28, 1960, с. 3 — 11.*]. Правда, некоторые исследователи (В. Пизани, Ф. П. Филин) предполагают, что переход согласного *s* в *sh* после *i, u, g, k* в праславянском языке является результатом влияния иранских языков [*Филин Ф. П. Образование языка восточных славян, с. 139, 140.*]. Несостоятельность этого предположения была продемонстрирована А. А. Зализняком [*Зализняк А. А. О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сар-матскими племенами. — Краткие сообщения Института славяноведения, 38, 1963, с. 22.*].

Отсюда неизбежен вывод, что праславяне на раннем этапе жили где-то в стороне от скифского населения Северного Причерноморья [Среди региональных лексических иранизмов, свойственных части западнославянских языков, О. Н. Трубачев обнаруживает древнеиранские (Трубачев О. Н. Из славяноиранских лексических отношений, с. 44 — 80). Предполагать, что далекие предки поляков занимали в скифское время восточную часть славянского ареала, на этом основании преждевременно. Лексические ирано-польские связи, по-видимому, являются результатом проникновения на рубеже нашей эры иранского населения в южную Балтику (Седов В. В. Скифо-сарматское воздействие на культуру-религию древних германцев Скандинавии и южной Балтики. — В кн.: Тезисы докладов VI Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, ч. I. Таллин, 1973, с. 109; Sulimirski T. Sarmaci nie tylko w kontuszach. — *Z otchłani wieków*, 1977, N 2, s. 102 — 110).]. Движение славянских племен в юго-восточном направлении, по-видимому, началось уже после падения скифского царства. Поэтому значительное иранское воздействие, о чем подробнее будет сказано дальше, затронуло только часть славян, расселившихся в Среднем Поднепровье и Причерноморье.

До недавнего времени лингвисты полагали, что славяне, жившие в Среднем Поднепровье, разграничивали скифо-сарматское и балтское население. Но, как оказалось,

балты находились в тесном контакте с иранцами, что зафиксировано десятками балтских лексических заимствований из иранского и совместными новообразованиями. «В итоге, — замечает О. Н. Трубачев, — мы уже сейчас представляем себе балто-иранские лексические отношения как довольно значительный и плодотворный эпизод в истории обеих языковых групп» [*Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений, с. 20.].

Где-то на юго-западе своего ареала балты, очевидно, соприкасались с фракийским населением. Параллели в балтских и фракийских языках, говорящие о древнем балто-фракийском контакте, неоднократно отмечались специалистами [*Wiesner J.* Die Thraken. Stuttgart, 1963, S. 43; *Nalepa J.* O sasiedztwie prabaltow г pratrakami. — *Sprakliga Bidrag*, v. 5, N 23, 1966, s. 207, 208; *Duridanov J.* Thrakisch-dakische Studien. Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969; *Топоров В. Н.* К фракийско-балтийским языковым параллелям. — В кн.: Балканское языкознание. М., 1973, с. 30 — 63.]. Определить время этого контакта лингвистика пока не может.

Учитывая все эти наблюдения, можно полагать, что на раннем этапе развития праславянского языка славяне соседствовали с западными балтами, какое-то время были отделены от североиранских племен фракийцами и жили, очевидно, где-то в бассейне Вислы.

Теоретически можно допустить, что южными соседями славян были фракийцы и между ними могли быть тесные связи. «Однако выделить фракийские слова в праславянском не представляется возможным, так как наши сведения о фракийской лексике смутны и неопределенны. Нет вполне надежных и фонетических критериев для того, чтобы отделить общееиндоевропейское от заимствованного» [*Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики..., с. 93.].

Такие же трудности возникают и при исследовании древнекельтского влияния на праславянскую речь. Можно думать, что славянам в древности приходилось общаться с кельтскими племенами. Однако от кельтских языков Средней Европы не осталось почти никаких следов, а западнокельтские диалекты существенно отличны от них. Поэтому гипотезы о славяно-кельтских языковых связях часто не принимаются во внимание. Остаются несомненными лишь несколько праславянских слов, хорошо этимологизирующихся на почве кельтских языков [*Treimer K.* Ethnogenese der Slawen. Wien, 1954, S. 32—34; *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики..., с. 94, 95.].

В этой связи интересными и важными представляются наблюдения О. Н. Трубачева, исследовавшего этнонимии древней Европы, еще не охваченной государственными образованиями. Оказывается, что тип раннего славянского этнонима ближе всего стоит к иллирийской, фракийской и кельтской этнонимии. Поскольку рассматриваемые этнонимы являются порождением уже обособленных этнолингвистических групп индоевропейцев, то близость этнонимии может быть объяснена только контактными связями славян с кельтами, фракийцами и иллирийцами [*Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян — ВЯ, 1974, №6, с. 48 — 67.].

Большой интерес для освещения проблемы прародины и ранней истории славян представляют славяно-германские отношения. Нет сомнения в том, что древние славяне заимствовали много слов от различных германских племен. Однако почти все германизмы в праславянском языке являются не общегерманскими, а диалектными, и следовательно, отражающе-славяно-германские связи не древнейшей поры. Поэтому с полной уверенностью о славяно-германском языковом взаимодействии можно говорить только с первых веков нашей эры.

В В. Мартынов пытается показать вероятность древнейшего славяно-германского лексического взаимопроникновения, относимого к середине I тысячелетия до н. э. [*Мартынов В. В.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963; *Он же.* О надежности примеров славяно-германского лексического взаимопроникновения. — В кн.: Типология и взаимодействие славянских и германских

языков. Минск, 1969, с. 100 — 113.]. Кажется, в пользу этого говорят не только данные лексики, но и иные языковые материалы [*Савченко А. Н.* О генетической связи праславянского языка с прагерманским. — В кн.: Типология и взаимодействие славянских и германских языков. Минск, 1969, с. 39 — 48.]. Если так, то славяне уже на раннем этапе жили где-то по соседству с прагерманцами, может быть, не находясь с ними в тесном контакте [Компаративистика выявляет бесспорный пласт древних германских заимствований в балтских языках и архаический характер германо-балтских языковых связей (Сравнительная грамматика германских языков, т. I. М., 1962, с. 70 — 79). Из этого следует, что уже в раннюю пору (I тысячелетие до н. э.) балты жили по соседству с германскими племенами. Пограничная полоса между ними проходила, нужно полагать, где-то на южном побережье Балтийского моря.]

Сказанным, пожалуй, исчерпывается все, что могут дать в настоящее время данные языкознания для освещения проблемы происхождения и древнейшей истории славян. Хотя язык и представляется наиболее надежным признаком этнической единицы, однако в изучении деталей этногенетического процесса славян лингвистика далеко не всесильна. Лингвистическим данным явно недостает пространственной, хронологической и конкретно-исторической определенности. Поэтому привлечение на помощь лингвистике материалов археологии, антропологии и других смежных дисциплин, способных осветить неясные стороны славянского этногенеза, является насущной необходимостью.

Значение топонимики в изучении этногенеза славян

Попытки использовать топонимические материалы для локализации славянской прародины предпринимались многими исследователями. Установлено, что из всех географических названий для этноисторических выводов наиболее полезны ввиду их архаичности гидронимы. На них и было обращено основное внимание.

Однако до недавнего времени в научной литературе господствовало ошибочное положение, согласно которому областью первоначального жительства славян считались районы наибольшего сосредоточения славянской гидронимики или районы с чисто славянскими водными названиями. В действительности наблюдается обратная картина — области сосредоточения гидронимики определенной языковой принадлежности оказываются районами миграции соответствующих этнических групп. «Чистота» славянских названий вовсе не говорит о древности заселения славянами этого региона, ибо последние есть и в областях бесспорно позднего освоения.

Для изучения этногенеза славян, прежде всего, необходимо разработать стратиграфию славянской гидронимики. Вполне очевидно, что чем древнее славянские водные названия, тем более древнюю территорию славян они обрисовывают. Если бы удалось среди славянской гидронимики вычленить праславянскую, а последнюю дифференцировать на несколько слоев, соответствующих трем периодам эволюции праславянского языка, то картография этих слоев позволила бы очертить области расселения славян на отдельных этапах их ранней истории.

Однако праславянская гидронимика пока не поддается стратиграфическому членению. На современном этапе развития ономастики среди славянских географических названий могут быть выявлены лишь отдельные общеславянские элементы (например, древнерус. Дорогобуж, чеш. Drahoř, серб.-хорв. Драгобуж; рус. Лупоголова, словац. Lipoglav, серб.-хорв. Лупоглав) [*Трубачев О. М.* Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східно-слов'янської топонімії. — Мовознавство, 1971, № 6, с. 3 — 17.].

При исследовании водных названий Украины выделен слой архаических славянских гидронимов [*Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968,

с. 270 — 273.]. Но все эти названия могли образоваться в разные периоды развития праславянского языка, в частности и в самое позднее время. Судя по наличию подобных праславянских гидронимов на Балканском полуострове, заселение которого славянами зафиксировано в письменных источниках и датируется временем не раньше VI столетия, они указывают не на прародину славян, а на область их расселения к концу общеславянского периода.

На той территории, где началось формирование праславянского языка, нужно полагать, население пользовалось старыми (индоевропейскими и древнеевропейскими) названиями вод. Формирование языка славян было длительным процессом и бесспорно не сопровождалось переименованием гидронимов. К тому же, для сложения собственно славянской топонимики нужно было какое-то время. Следовательно, славянскую прародину — колыбель оформления славян — нужно искать в ареале древне-европейской гидронимики. И только позднее, когда сложились основы праславянской языковой системы, и выработалась собственно славянская гидронимика, в процессе освоения новых территорий славяне стали давать рекам и озерам славянские наименования.

Топонимии принадлежит значительная роль в исследованиях направлений и путей славянского расселения, как в раннее время, так и в эпоху средневековья. Исследователи уже давно обратили внимание на то, что систематическая повторяемость водных названий в определенных направлениях отражает пути расселения племен и народностей.

Представляют интерес наблюдения Т. Лер-Сплавинского относительно водных названий на пространстве между Одером и Днестром. Здесь были выделены два ареала — зона первичной гидронимики (бассейны Одера и Вислы) и зона с производными словообразовательными формами по отношению к первичным (Среднее Поднепровье) [*Lehr-Splawinski T.* Rozmieszczenie geograficzne prasłowiańskich nazw wodnych. — *Rocznik sławistyczny*, XXI, 1960, s. 5 — 22.]. К такому же выводу на основе структурно-словообразовательного анализа славянских водных названий склоняется и польский топонимист С. Роспонд [*Rospond S.* Prasłowianie w świetle onomastyki. — In: I Międzynarodowy kongres ar-cheologii słowiańskiej, II. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, s. 109 — 170.]. Если это так, то междуречье Вислы и Одера нужно рассматривать в качестве более древнего славянского ареала.

Из работ, рассматривающих поздний этап праславянской истории, большой интерес представляет книга болгарского исследователя Й. Заимова [*Заимов И.* Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. София, 1967.]. На основе топонимических данных ему удалось нарисовать обстоятельную и детальную картину славянского заселения восточной части Балканского полуострова.

Древние авторы о славянах

Самые ранние сведения о славянах в античных письменных источниках относятся к сравнительно позднему времени — к первым векам нашей эры. Эти данные весьма отрывочны, а в географическом отношении не конкретны. Для исследования проблемы происхождения и этногенеза ранних славян они имеют вспомогательное значение.

Своим именем славяне в античных источниках не называются. Античные авторы знают венедов, и имеются все основания считать, что под этим этнонимом скрываются славяне. Историк VI в. Иордан прямо свидетельствует, что «многолюдное племя венетов» в его время было известно под разными названиями: «...все же преимущественно они называются склавенами и антами» или «...ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавленов» [*Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. *Getica*.

М., 1960, с. 71, 72, 90.]. Косвенным подтверждением служит и то, что вплоть до настоящего времени соседи славян — германцы и прибалтийскофинские народы — называют славян венетами [*Погодин А. Л.* Из истории славянских передвижений. СПб., 1901, с. 17.].

Впервые этноним венеды [Не считая упоминания Геродотом племени энетов, обитавших на северном побережье Адриатического моря (*Геродот.* История в девяти книгах. Л., 1972, с. 73, 240, 241). Имеется ли связь между энетами и венетами первых веков нашей эры,— об этом трудно сказать что-нибудь определенное.] встречается в Естественной истории Плиния, погибшего при извержении Везувия в 79 г. н. э. Автор называет венедов в числе племен, соседящих на востоке с группой германских племен — ингвонами: «...земли до реки Вистулы обитаемы сарматами, венетами, скифами, гиррами» [*Plinius Secundus C.* Naturalis historia, III. Leipzig, 1895, p. 97.].

Ингвеоны (ингвеоны) занимали побережье Северного моря и низовья Рейна, Везера и Эльбы. Где-то в более восточных областях от них и жили венеды. Скорее всего это были области в бассейне Вислы (Вистулы) и, может быть, более восточные земли.

К концу I в. н. э. относятся известия о венетах Тацита. Рассказывая о племенах, живших восточнее германцев, он называет певкинов, венедов и финнов. «Венеды переняли многое от певкинов, ради грабежей рыщут по лесам и горам, какие только существуют между певкинами и феннами» [*Корнелий Тацит.* Сочинения в двух томах, I. Л., 1969, с. 372.]. Певкины во времена Тацита занимали северную часть Нижнего Подунавья. Фенны — финские племена, заселявшие в тот период обширнейшую территорию лесной полосы Восточной Европы от Прибалтики до Урала. Где между финнами и певкинами локализируются венеды, сказать невозможно.

Тацит колебался, относить ли венедов к сарматам или к германцам. С одной стороны, венеды многое заимствовали из нравов и образа жизни певкинов, которые сильно перемешались с сарматами путем браков, с другой — они «сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой, все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне» [Там же, с. 372, 373.].

Несколько конкретнее этногеографические сведения автора второй половины II в. н. э. Клавдия Птолемея, использовавшего не дошедшее до нас сочинение географа I в. н. э. Марина Тирского. Согласно Птолемею венеды — одно из крупнейших племен Европейской Сарматии, пределом которой на западе была р. Висла (Вистула). У ее истоков начиналась уже территория германских племен. С юга Сарматия ограничивалась Карпатские горы и северный берег Понта (Черного моря), а с севера — Венедский залив Сарматского океана (побережье Балтийского моря). «Заселяют Сарматия очень многочисленные племена: Венеды — по всему Венедскому заливу; выше Дакии — Певкины и Бастерны; по всему берегу Меотиды — Языги и Роксоланы; далее за ними внутрь страны — Амаксонии и Скифы-Аланы» [*Клавдий Птолемей.* Географическое руководство. — В кн.: *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, вып. 1. СПб., с. 231.].

Учитывая сообщение Тацита о соседстве венедов с певкинами, венедов следует локализовать между побережьем Балтийского моря и территорией певкинов и бастарнов, т. е. в бассейне Вислы. В Повисленье, судя по Птолемею, жили и менее значительные племена — гифоны, ава-рины и др. По-видимому, они не дожили до раннего средневековья, растворившись среди венедского и германского населения. Как далеко простиралась земля венедов на восток, определить по данным Птолемея не представляется возможным.

Древние авторы обычно определяли границы между народами по большим рекам, поскольку они были хорошими и единственными ориентирами в малоизвестных странах. Так, рубежом между Германией и Сарматией для римлян была Висла; границей между Галлией и Германией — Рейн; земли антов по Иордану простиралась «до

Данапра». Однако точно выяснено, что германцы времен Цезаря жили по обе стороны Рейна, а антские поселения, судя по археологическим материалам, распространялись по обе стороны Днепра. Следовательно, указания древних авторов о рубежах между народами нельзя трактовать буквально, и сведения римлян, что Германия доходила до Вислы, не противоречат локализации венедов по обе стороны этой реки.

На Певтингеровой карте (конец III — начало IV в. н. э.) венеды обозначены в двух местах. Один раз венеды-сарматы локализованы южнее Балтийского моря и северо-западнее бастарнов, второй раз — рядом с гетами и даками, между Дунаем и Днестром [*Miller K. Weltkarte des Castorius genant die Peutingerichte Tafel. Ravensburg, 1888.*]. По-видимому, это — не две отдельные венедские области, а скорее свидетельство об обширности территории расселения венедов. Е. Ч. Скржинская высказала предположение, что, поскольку Певтингеровы таблицы отражают сведения о дорогах времени римского императора Августа, обозначение венедов в двух местах обусловлено пересечением их территории двумя путями, один из которых соединял земли венедов с областью бастарнов, а другой — с регионом даков [*Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Комментарии, с. 219.*].

Информация о венедах в письменных источниках первой половины I тысячелетия н. э. этим и ограничивается. На основе данных Плиния, Тацита и Птолемея можно полагать, что в первых столетиях нашей эры славяне обитали где-то между Балтийским морем и Карпатами, в бассейне Вислы, а может быть, и в более восточных районах. В III — IV вв. н. э. их территория расширяется, охватывая области Поднестровья.

Сведения о славянах середины I тысячелетия н. э. более значительны и разнообразны. Теперь славяне называются своим именем. Наряду с собственным этнонимом упоминаются анты, а Иордан знает и прежнее имя — венеды. Византийские авторы (Прокопий Кесарийский, Агафий, Менандр Протиктор, Феофилакт Симокатта, Маврикий, или Псевдо-Маврикий) [*Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1959; Феофилакт Симокатта. История. М., 1957; Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. — ВДИ, 1941, № 1, с. 230 — 284.*] описывают в основном славян Подунавья и Балканского полуострова, что обусловлено историческими событиями VI — VII вв. — славяне в ту пору переходят Дунай и вторгаются в пределы Восточно-римской империи.

В сочинениях византийских историков имеются сведения о различных сторонах жизни и быта славян. Рассказывается о военном искусстве, боевых успехах и неудачах славян, об их политической организации и вождях, о поселениях и жилищах, об отношениях с Византией, аварами и другими племенами.

Византийские авторы сообщают очень важные сведения для изучения вопроса о славянском освоении Балканского полуострова. Другая информация о географии славян в этих источниках почти отсутствует. Только в сочинении Прокопия имеются данные об этногеографии племен Северного Причерноморья, в том числе об одной из славянских группировок того времени — антах. По Прокопию анты вместе со славянами жили, с одной стороны, на северном берегу Истра (нижнего Дуная), с другой — к северу от утригуров, обитавших по побережью Меотиды (Азовского моря) [*Прокопий из Кесарии. Война с готами, с. 156, 298, 384.*]. Таким образом, получается, что антам принадлежали области Причерноморья между нижним Дунаем и Приазовьем, где уже обитали тюркские племена кутригуров и утригуров.

Для исследования проблемы этногенеза славян более существенное значение имеет сочинение готского епископа Иордана, жившего в VI в. [*Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Иордан. О происхождении и деяниях гетов.*] «*Getica*» была закончена в 551 г. Труд посвящен истории готов начиная с того времени, когда они расселились в устье Вислы, покинув Скандинавию, и кончая серединой VI столетия. В процессе изложения автор делает ряд экскурсов в историю славян.

Уже было сказано, что Иордан позволяет установить связь между славянами и

венедрами античных писателей. По Иордану, венеды суть славяне. Он сообщает: «Между этими реками [Тисой, Олтом и Дунаем] лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают скалистые Альпы [Карпаты]. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы [Вислы], на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов» [*Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 71.*]. Эта информация как бы подчеркивает сведения античных авторов о том, что древнейшей областью венедов был регион, связанный с бассейном Вислы.

К середине VI в. венеды-славяне уже расселились на широких пространствах Европы и были известны под именами венедов, славян [склавлен] и антов. «Склавлены живут, — пишет Иордан, — от города Новиетуна [по-видимому, Невиодун на правом берегу Савы, ниже нынешней Любляны] [*Скржинская Е. Ч. О склавенах и антах, о Мурманском озере и городе Новиетуне. — Византийский временник, XII, 1957, с. 2 — 30.*] и озера, именуемого Мурсианским [по Е. Ч. Скржинской озеро Балатон] [*Скржинская Е. Ч. О склавенах и антах...*], до Данастра [Днестра], а на север — до Вислы [Вислы]... Анты же... распространяются от Данастра до Данапра [Днепра], там, где Понтийское [Чёное] море образует излучину» [*Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 72.*]. Таким образом, славяне во времена Иордана заселяли широкую полосу, простирающуюся от Среднего Подунавья до нижнего Днепра. Из сообщений этого историка видно, что западными соседями славян были германские племена, на юго-западе они соприкасались с фракийцами, на востоке — с тюркоязычными племенами, а на северо-востоке, по-видимому, — с эсти-ями (балтами), земли которых находились между юго-восточным побережьем Балтийского моря, и акацирами, обитавшими в бассейне Дона. Сочинение Иордана ценно и тем, что в нем имеются некоторые исторические сведения о славянах периода IV — V вв.

Некоторые сведения о славянах содержатся в сочинениях сирийских авторов VI в. (Евграфия, Иоанна Эфесского и других) [*Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.— Л., 1941.*]. Однако они не касаются вопросов славянского этногенеза. Известия западноевропейских географов и историков относятся уже к сравнительно позднему времени — к IX и последующим столетиям — и не дают надежных материалов для реконструкции этнической истории ранних славян.

Только составитель древнейшей русской летописи — Повести временных лет — попытался отразить начало славянской истории и ответить на вопрос, откуда и как появились славяне. Отрывок из этой летописи, повествующий о расселении славян из Нижнего Подунавья и Паннонии, приведен в историографическом разделе (см. с. 7).

Б. А. Рыбаков на основе текстологического анализа вводного раздела Повести временных лет пришел к заключению, что летописная фраза «По мнозехъ же времянех сели суть словени до Дунаеви...» должна быть переставлена в другое место — туда, где описываются миграции кочевнических орд на Балканы. И, следовательно, в этногеографическом введении летописи речь идет не о размещении Нестором прародины славян на Дунае, а о славянском освоении Балканского полуострова, в V-VI вв. н. э. [*Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 219 — 247.*].

Антропологическая карта славян в средние века

К комплексу наук, исследующих этногенетическую проблематику, относится антропология. Ей принадлежит решающее слово в изучении физического родства племен и народностей, что составляет важный аспект этногенеза, а краниологические материалы позволяют искать истоки антропологических особенностей в глубокой древности.

В решении проблемы происхождения и ранней истории славян много можно

было бы ожидать от палеоантропологии, если бы у славянских племен длительное время, вплоть до последнего столетия I тысячелетия н. э., не господствовал обряд кремации умерших. Полное отсутствие краниологических материалов по ранней истории славян делает антропологию в исследовании славянского этногенетического процесса вспомогательной наукой.

Материалы антропологии в изучении славянского этногенеза использовались Л. Нидерле, Я. Чекановским и другими исследователями. Однако в те годы антропологические данные были ещё в значительной степени не собраны и не систематизированы. Первое сводное исследование по антропологии средневековых славян принадлежит И. Швидецкой [*Schwidetzky I. Rassenkunde der Altslawen. Stuttgart, 1938.*]. Восточнославянские краниологические материалы X — XIV вв. получили современную научную характеристику в работах Г. Ф. Дебеца и Т. А. Трофимовой [*Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М. — Л., 1948; Трофимова Т. А. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии. — СЭ, 1946. №1, с. 91 — 136.*], а в последнее время стали объектом специального изучения Т. И. Алексеевой [*Aleksiejewa T. Wschodnioslawianskie czaszki z kurhanow plemiennych. — Materialy i prace antropologiczne, N 72, 1966, s. 3 — 142; Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.*]. Т. И. Алексеевой принадлежит также небольшое исследование по средневековым славянам в целом [*Алексеева Т. И. Славяне и их соседи (по данным антропологии). — Antropologie (Brno), 1966, N2, с. 3 — 37.*]. Палеоантропология южных славян получила освещение в интересной работе болгарского исследователя П. Боева [*Boev P. Die Rassentypen der Balkanhalbinsel und der Ostagaischen Inselwelt und deren Bedeutung fur die Herkunft ihrer Bevolkerung. Sofia, 1972.*].

В результате можно сделать следующие заключения по антропологии средневековых славян.

1. Славяне в разных регионах своего расселения имели различное антропологическое строение. Антропологического типа, характерного исключительно для славян, в средние века, а очевидно, и в более раннее время, не существовало.

2. Особенности антропологического строения славянского населения на окраинах их территории закономерно объясняются исследователями взаимодействием с субстратными племенами. Так, в восточных районах Балканского полуострова многие признаки краниологии славян сопоставимы с особенностями антропологических серий предшествующего периода. Несомненно, участие финно-угорского субстрата в формировании антропологического строения славянского населения Владимиро-Суздальской и Новгородской земель. Субстратное воздействие на антропологию славян в меньшей степени проявляется и в некоторых других регионах славянского ареала.

3. В антропологическом облике средневековых славян отразилась вся сложность и многогранность их этногенетической истории. Антропология не позволяет определять этноязыковую принадлежность каждой конкретной исследуемой серии черепов. Наблюдения Т. И. Алексеевой, что германцы в целом по сравнению со славянами относительно более узконосы, низкоорбитны, низкоголовы и более массивны по абсолютным размерам черепов, носят самый общий характер. Среди достоверно славянских краниологических серий встречаются такие, которые характеризуются перечисленными признаками, и наоборот, среди германских серий имеются вполне сопоставимые со славянскими.

4. На территории славянского расселения в средние века выявляется зона относительной широколиственности, которая по Т. И. Алексеевой ограничена с севера Западной Двиной, с запада — Вислой, с востока — Днепром и с юга — Дунаем. Поскольку эта зона в самых общих чертах совпадает с древнеславянским ареалом, намеченным Л. Нидерле, исследовательница полагает, что таким образом определяется область формирования антропологической общности славян, или, иными словами, прародина славян. Такой вывод весьма и весьма проблематичен. Поскольку в эпоху

средневековья широколициесть была свойственна также балтам, то не исключено, что на какой-то части «предполагаемой прародины славян» широколициесть славянского населения является всего-навсего отражением балтского субстрата. Во-вторых, зона широколициести в эпоху средневековья не ограничивалась бассейном Вислы, а простиралась дальше на запад. В частности, этот признак весьма характерен для ряда сепий германских черепов (сходных и по некоторым другим признакам со славянскими) из средневековых могильников Тюрингии [*Kurth G. Ergebnisse der anthropologischen Untersuchung fruhdeutscher Reihengraeber aus Thuringen. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universitat Jena, Mathematisch-Naturwissenschaftliche Reihe, 3, H. 1, 1953—1954, S. 19 — 38.*].

5 Поскольку антропологические данные по племенам, заселявшим среднеевропейские области в I тысячелетии до н. э. и в I тысячелетии н. э., отсутствуют, некоторые исследователи (Т. А. Трофимова, Т. И. Алексеева и другие) ведут поиски истоков антропологического строения средневековых славян в материалах эпохи неолита и бронзы. Они обычно обращаются к широколицым долихокрамам, известным по памятникам культур боевых топоров и фатьяновской. Сопоставление антропологических материалов, разорванных трехтысячелетним периодом господства обряда трупосожжения, носит гипотетический характер и не может быть использовано для серьезных выводов. В частности, для решения конкретных вопросов этнической истории славянства оно абсолютно ничего не дает. Очевидно, что носителями культуры боевых топоров были индоевропейские племена. Поскольку они занимали территории, впоследствии принадлежащие славянам, балтам и германцам, то их вклад в антропологическое строение этих трех этнических массивов средневековья закономерен.

Как это ни парадоксально, до сих пор исследователями не составлена антропологическая карта славян в эпоху средневековья. Опубликованные до настоящего времени карты-схемы обычно покоятся на ограниченных материалах. Постараюсь восполнить этот пробел в настоящей работе (рис. 3).

Серии черепов составлены по отдельным археологическим памятникам — могильникам или кладбищам, исследованным в городах или близ крупных поселений. Датируются краниологические материалы в целом временем от X до XIV столетия. Исключение представляют серии черепов из славяно-аварских могильников Подунавья, относящихся к более раннему времени — VI — VIII вв.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что основные различия между сериями славянских черепов средневековья проявляются по двум признакам — черепному указателю и скуловому диаметру.

На предлагаемой антропологической карте краниологические серии средневековых славян распределены по антропологическим типам, выделенным на основе комбинации этих признаков (табл. 1).

Карта (рис. 3) выявляет чрезвычайную пестроту антропологического строения средневековых славян. Она, очевидно, отражает как взаимодействие славян с различными другими этноязыковыми группами европейского населения, так и миграционные процессы самих славянских племен. Исключительно на антропологических материалах разобраться и интерпретировать все эти исторические события не представляется возможным. Отдельные вопросы, касающиеся антропологического строения славян, будут рассмотрены далее в связи с материалами археологии.

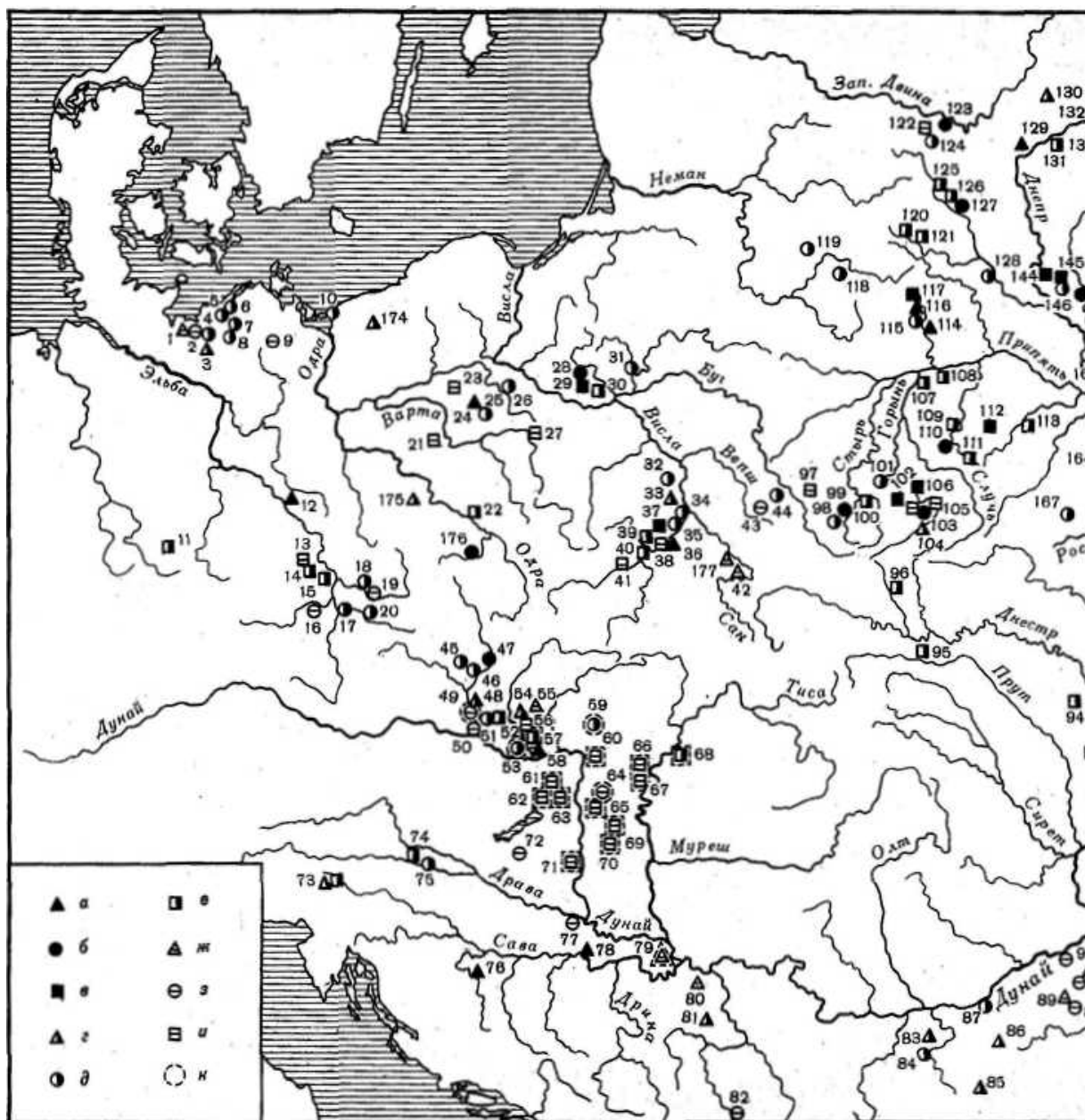

Рис. 3. Антропологическая карта славян в эпоху средневековья

- а — долихокраинный узколиций тип;
- б — долихокраинный средяелиций тип;
- в — долихоиранный относительно широколицый тип;
- г — мезокранный узколиций тип;
- д — мезокранный среднелиций тип;
- е — мезокранный относительно широколицый тип;
- ж — суббрахикранный узколиций тип;
- з — суббрахикранный среднелиций тип;
- и — суббрахикранный относительно широколицый тип;
- к — славяно-аварские и аварские могильники

- 1 — Гамель;
- 2 — Мекленбург;
- 3 — Шверин;
- 4 — Густавель;
- 5 — Призанневитц;

- 6 — Альт-Бартельсдорф;
- 7 — Целендорф;
- 8 — Бобцин;
- 9 — Баргендорф;
- 10 — Млынувка-Волин;
- 11 — Эспенферд;
- 12 — Альтоммачш;
- 13 — Теплиц;
- 14 — Билина;
- 15 — Сулейовице;
- 16 — Брандишек;
- 17 — Лаховице;
- 18 — Либице;
- 19 — Ошкобр;
- 20 — Стара Коуржим;
- 21 — Неленгово;
- 22 — Густоржин;
- 23 — Руднице;
- 24 — Слабощево;
- 25 — Острув Ледницкий;
- 26 — Крушвица;
- 27 — Скарбаново;
- 28 — Красино-Плонск;
- 29 — Туров Плонский;
- 30 — Коржибя Малая;
- 31 — Базар Новы;
- 32 — Радом;
- 33 — Коньские;
- 34 — Сандомиж;
- 35 — Самборжец;
- 36 — Гориславице;
- 37 — Злота;
- 38 — Вислица;
- 39 — Злота Пинчовске;
- 40 — Лентковице;
- 41 — Кранов;
- 42 — Пшемысль;
- 43 — Сансяндка;
- 44 — Гродек-над-Бугом;
- 45 — Иозофове;
- 46 — Микульчице;
- 47 — Угерске Скалице;
- 48 — Моравский Ян;
- 49 — Девинска Кова Весь;
- 50 — Девин;
- 51 — Дольны Ятов;
- 52 — Абрахам;
- 53 — Голиар;
- 54 — Млинарце;
- 55 — Зобор;
- 56 — Бешенев;

- 57 — Новый Замок;
- 58 — Житавска Тонь;
- 59 — Желовце;
- 60 — Вацхартян;
- 61 — Мор-Акастодомб,
- 62 — Ёшкю;
- 63 — Чакберень;
- 64 — Юллё;
- 65 — Апоркаи-Юрбёпуста;
- 66 — Алатгьян-Тулат;
- 67 — Яношхнда-Тоткерпуста;
- 68 — Тисадерж;
- 69 — Кишкереш-Вагохид;
- 70 — Кецел;
- 71 — Себень;
- 72 — Кеппусцта;
- 73 — Блед;
- 74 — Турнищце;
- 75 — Птуй;
- 76 — Балтне-Баре;
- 77 — Бело Брдо;
- 78 — Барац-Башняцина;
- 79 — Бойка;
- 80 — Брестовик;
- 81 — Добрача;
- 82 — Ново Брдо;
- 83 — Плевен;
- 84 — Ловеч;
- 85 — Казанлын;
- 86 — Луковит;
- 87 — Стырмен;
- 88 — Преслав;
- 89 — Мадара;
- 90 — Нови-Пазар;
- 91 — Плиска;
- 92 — Попина;
- 93 — Ханска;
- 94 — Бранешты;
- 95 — Васильев;
- 96 — Семеново;
- 97 — Новоселки;
- 98 — Усичи;
- 99 — Вечулки;
- 100 — Теремно;
- 101 — Гродек;
- 102 — Белев;
- 103 — Старый Жуков;
- 104 — Пересопница;
- 105 — Радимин;
- 106 — Колоденка;
- 107 — Давид-Городок;

- 108 — Туров;
- 109 — Олевск;
- 110 — Зубковичи;
- 111 — Андреевичи;
- 112 — Норинск;
- 113 — Речица;
- 114 — Милковичи;
- 115 — Митяевичи
- 116 — Огородники;
- 117 — Падзеры;
- 118 — Новогрудок;
- 119 — Салапятишки;
- 120 — Заславль;
- 121 — Минск;
- 122 — Кубличи;
- 123 — Славены;
- 124 — Городец;
- 125 — Борисов;
- 126 — Оздятичи;
- 127 — Мурава;
- 128 — Языль;
- 129 — Грозивец;
- 130 — Зубово;
- 131 — Смоленск;
- 132 — Старая Рудня;
- 133 — Берёзовка;
- 134 — Волочек;
- 135 — Ведерники;
- 136 — Старая Рязань;
- 137 — Юхново;
- 138 — Коханы;
- 139 — Шуя;
- 140 — Ивановичи;
- 141 — Загорье;
- 142 — Азобичи;
- 143 — Доброносичи;
- 144 — Гадилавичи;
- 145 — Курганье;
- 146 — Песчанка;
- 147 — Бердыш;
- 148 — Новозыбков;
- 149 — Мериновва;
- 150 — Лебедка;
- 151 — Моисеевское;
- 152 — Липино;
- 153 — Гочево;
- 154 — Белгород-Николаевский монастырь;
- 155 — Медвежье;
- 156 — Липовое;
- 157 — Конотоп;
- 158 — Бахмач;

- 159 — Троицкий монастырь;
 160 — Чернигов;
 161 — Любеч;
 162 — Гушино;
 163 — Шестовицы;
 164 — Киев;
 165 — Переяславль Хмельницкий;
 166 — Витачев;
 167 — Ягнятин;
 168 — Родня;
 169 — Липлява;
 170 — Лубны;
 171 — Броварки;
 172 — Хутор-Половецкий;
 173 — Николаевка;
 174 — Любишево;
 175 — Бжег Глогувский;
 176 — Томице;
 117 — Ярослав

Таблица 1. Краниологическая типология средневековых славян

Таблица 1. Краниологическая типология средневековых славян

Типы	Основные признаки	
	черепной указатель	скуло
Долихокранный узколицый	69,5–72,9	12
Долихокранный среднелицкий	70,0–72,9	13
Долихокранный широколицый	67,2–72,9	13
Мезокранный узколицый	73,0–76,9	12
Мезокранный среднелицкий	73,0–76,9	13
Мезокранный широколицый	73,0–76,9	13
Суббрахикранный узколицый	77,0–83,8	12
Суббрахикранный среднелицкий	77,0–83,8	13
Суббрахикранный широколицый	77,0–87,2	13

Этнография и фольклористика

К сожалению, этнографы и фольклористы до сих пор сделали очень немного для разрешения вопросов этногенеза славян. Между тем и материалы этнографии, и фольклористика могут оказать существенную помощь в изучении ранних этапов

славянской истории. И этнография, и фольклористика являются составной частью комплекса наук, изучающих проблему происхождения славян.

Однако огромнейшие данные, которыми располагают эти науки, данные, собранные на протяжении двух последних столетий по самой различной методике, специалистами и неспециалистами, научно не обработаны и не систематизированы. К изучению проблемы славянского этногенеза этнографы активно смогут подключиться лишь после составления общеславянских и региональных этнографических атласов.

Археология и этногенез славян

Языком — наиболее надежным признаком этнической единицы — пользуется вполне определенная группа людей, создающих свою, особую материальную и духовную культуру. Наряду с языком и антропологическим строением культуру можно считать признаком развития жизни человеческих коллективов, основанных на физическом родстве индивидуумов. Поэтому в исследовании древнейшей истории славян археологии принадлежит ведущее место. В отличие от лингвистических данных, которым часто недостает пространственной и хронологической определенности, материалы археологии конкретно-историчны. Ныне вопросы этногенеза славян нельзя решать без учета данных археологии.

На первых этапах этногенетических исследований археологи должны решать вопросы самостоятельно, независимо от данных лингвистики или других смежных наук. Археологу, прежде всего, необходимо приложить максимум усилий для этнического определения той или иной археологической культуры по данным своей науки, и только потом допустимы сопоставления полученных результатов с выводами других наук.

Непременным условием для заключения о единстве этноса должна быть генетическая преемственность при смене одной археологической культуры другой. Если полной преемственности не обнаруживается, то неизбежен вывод о смене одного этноса другим или о наслоении одной этноязыковой единицы на другую. Поэтому ведущая роль в этногенетических построениях археологов принадлежит ретроспективному методу исследования, заключающемуся в поэтапном прослеживании истоков основных элементов археологических культур. От культур достоверно славянских, относящихся к раннему средневековью, надлежит продвигаться в глубь столетий к тем древностям, которые генетически связаны с ран-несредневековыми, а от них — еще на ступень глубже и т. д.

Ещё на заре этногенетической археологии этот метод был применен О. Монтелиусом, попытавшимся показать, что культурное развитие Скандинавских стран от неолита до эпохи викингов не обнаруживает разрыва и, следовательно, древние германские племена жили на севере Европы ещё в эпоху неолита [*Montelius O. Uber die Einwanderung unserer Vorvater in den Norden. — Archiv fur Anthropologie, Bd 17, 1888, S. 151 — 160.*].

После О. Монтелиуса ретроспективный метод стал основным во многих археологических исследованиях. В частности, им активно пользовался видный германский археолог Г. Коссинна. Идя ретроспективным путем, утверждал исследователь, можно проследить корни поздних археологических культур в более ранних и, таким образом, можно переносить названия известных исторических народов на далекие доисторические культуры. «Этот метод пользуется выводами по аналогии, так как они позволяют осветить древние, темные времена ретроспективно, идя от ясной современности или от тоже древних, но обладающих богатыми источниками эпох» [*Kossinna G. Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchaologie. Wurzburg, 1911, S. 3.*].

В 30 — 50-х годах в археологии шли споры по поводу этого метода, особенно обострившиеся в связи с националистическими концепциями Г. Коссинны. Основная его идея о полном соответствии всякой археологической культуры этносу подверглась в европейской литературе серьезной критике и не может быть в настоящее время принята безоговорочно. У некоторых археологов возникло скептическое отношение к возможности исследования этногенеза методами их науки. Однако археологическая практика показала, что ретроспективный метод в этногенетических построениях имеет первостепенное значение.

«Этническая интерпретация, — пишет К.-Г. Отто, — тесно связана с ретроспективным методом исследования. Правомерность для археологии освещать историю народов или племен и племенных групп таким путем ретроспективно — неоспорима. Очевидно, что сегодня нет больше никаких серьезных возражений против этого; это значило бы отрицать историческое развитие вообще или оспаривать участие археологии в реконструкции древнейшей истории» [*Otto K.-H. Archaologische Kulturen und die Erforschung der konkreten Geschichte von Stämmen und Völkerschaften. — In: Ethnographisch-archaologische Forschungen, Bd I. Berlin, 1953, S. 2, 3.*].

Изучая этническую историю, современная археология исходит из признания устойчивости этнографических признаков. С течением времени они могут трансформироваться и заменяться новыми, но в распоряжении археологии имеются не статические факты, а материалы, отражающие эпохальную изменчивость. В распоряжении археологии находятся не отрывочные разрозненные данные, а целый комплекс материалов, отражающих пространственные и временные изменения. Поэтому, исследуя этнографические особенности материальной и духовной культуры того или иного народа или племени, ретроспективным путем можно проследить историю того или иного этноса.

В археологической литературе изредка и сейчас проявляется скептическое отношение к ретроспективному методу [*Монгайт А. Л. Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований). — Народы Азии и Африки, 1967, №1, с. 53 — 59.*], что обусловлено трудностями, возникающими при этногенетических построениях. При этом встает прежде всего вопрос о соотношении археологической культуры и этноса. На этот вопрос нельзя дать однозначный ответ [*Брюсов А. Я. Археологические культуры и этнические общности. — СА, XXVI, 1956, с. 5 — 27; Третьяков П. Н. Этногенетический процесс в археологии. — СА, 1962, № 4, с. 3 — 15; Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация. — СА, 1970, № 2, с. 18 — 36.*]. Археологические культуры, охватывающие устойчивые, многократно повторяющиеся однотипные сочетания особенностей материальной и духовной культуры, связанные с определенным ареалом в течение более или менее длительного времени, очевидно, соответствуют этническим общностям. Такие специфические черты культуры, как жилище, одежда, обряды, обычаи, искусство, в общем или в частности, наряду с языком и антропологическим строением отличают этнические образования друг от друга во все времена их существования.

Необходимо учитывать, что при выделении некоторых археологических культур наряду с признаками этнографического порядка бывают использованы и особенности, обусловленные географической средой, или элементы, связанные с производственной деятельностью и социальным развитием. Поэтому не исключено, что отдельные археологические культуры, в частности те, которые выявлены не на основе комплекса признаков, а на базе единичных культурных элементов, могут и не соответствовать этническим общностям.

Однако это не основание для пессимистического отношения к этногенетическим построениям археологов. По мере дальнейшего накопления фактического материала по той или иной археологической культуре, после выяснения ее происхождения и судеб ее носителей обычно проясняется и этническая сущность культурных общностей,

выделенных по археологическим данным.

Так, близкие между собой археологические культуры I тысячелетия до н. э. Юго-Восточной Европы на основе ряда общих элементов были названы археологами скифскими. Согласно точке зрения, долгое время господствовавшей в историко-археологической литературе, на территории распространения всех скифских культур обитало ираноязычное население [*Rostovzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, p. 83 — 112.*]. В 40 — 50-х годах в советской археологической литературе распространилось мнение о нескифской принадлежности племен — носителей лесостепных скифских культур. Например, М. И. Артамонов в ряде статей утверждал, что в пределах распространения археологически сходных скифских культур находились как скифские (собственно иранские), так и нескифские (в том числе и славянские) племена, воспринявшие скифскую культуру [*Артамонов М. И. Венеды, невры и будины в славянском этногенезе. — Вестник ЛГУ, 1946, № 2, с. 70 — 86; он же. Этногеография скифов. — Уч. зап. ЛГУ, 85, 1949, с. 129 — 171; он же. Этнический состав населения Скифии. — В кн.: Доклады VI Научной конференции Института археологии АН УССР. Киев, 1953, с. 169 — 196.*].

Новейшие изыскания в области топонимики показали, что иранские водные названия имеются не только в степной части Скифии. Они довольно многочисленны в ее лесостепных регионах [*Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; Трубачев О. Н. Название рек Правобережной Украины.*]. Выявлены следы непосредственного контакта ираноязычного населения с балтами, занимавшими в период раннего железа обширные области Верхнего Поднепровья [*Седов В. В. Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье. — СА, 1965, № 4 с. 52 — 62.*]. Работами антропологов установлено, что черепа из скифских памятников Днепровского лесостепного правобережья тождественны черепам из других районов ареала скифских культур [*Кондукторова Т. С. Антропология древнего населения Украины. М., 1972, с. 3 — 27.*]. Следовательно, мысль о принадлежности племен лесостепных скифских культур какому-то неираноязычному населению пришла в противоречие с очевидными фактами, и от нее пришлось отказаться [*Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. М., 1974.*]. Впрочем, из описаний Геродота можно догадываться, что у всех скифских племен был один язык (иранский, как определено лингвистами).

Можно привести и другие примеры, подтверждающие на основе данных смежных наук положение о соответствии археологических культур этносам. Уже упоминалась работа Р. Хахманна, Г. Коссака и Х. Кюна, очень убедительно свидетельствующая о надежности этнических выводов на основе археологии.

Однако среди археологических культур имеются и полиэтничные. Это вполне объяснимо, ибо в древней истории человечества неоднократно имели место миграции и взаимопроникновения одной или нескольких этнических групп на территории других. Такие археологические культуры выделяются среди прочих прежде всего разнохарактерностью погребального обряда, разнотипностью домостроительства, разношерстностью прочих элементов культуры. Если моноэтнические археологические культуры формируются на основе одной или нескольких близкородственных культур и некоторая неоднородность, наблюдаемая в начальной их стадии, быстро нивелируется, то полиэтничные культуры складываются в результате взаимодействия нескольких неродственных культур.

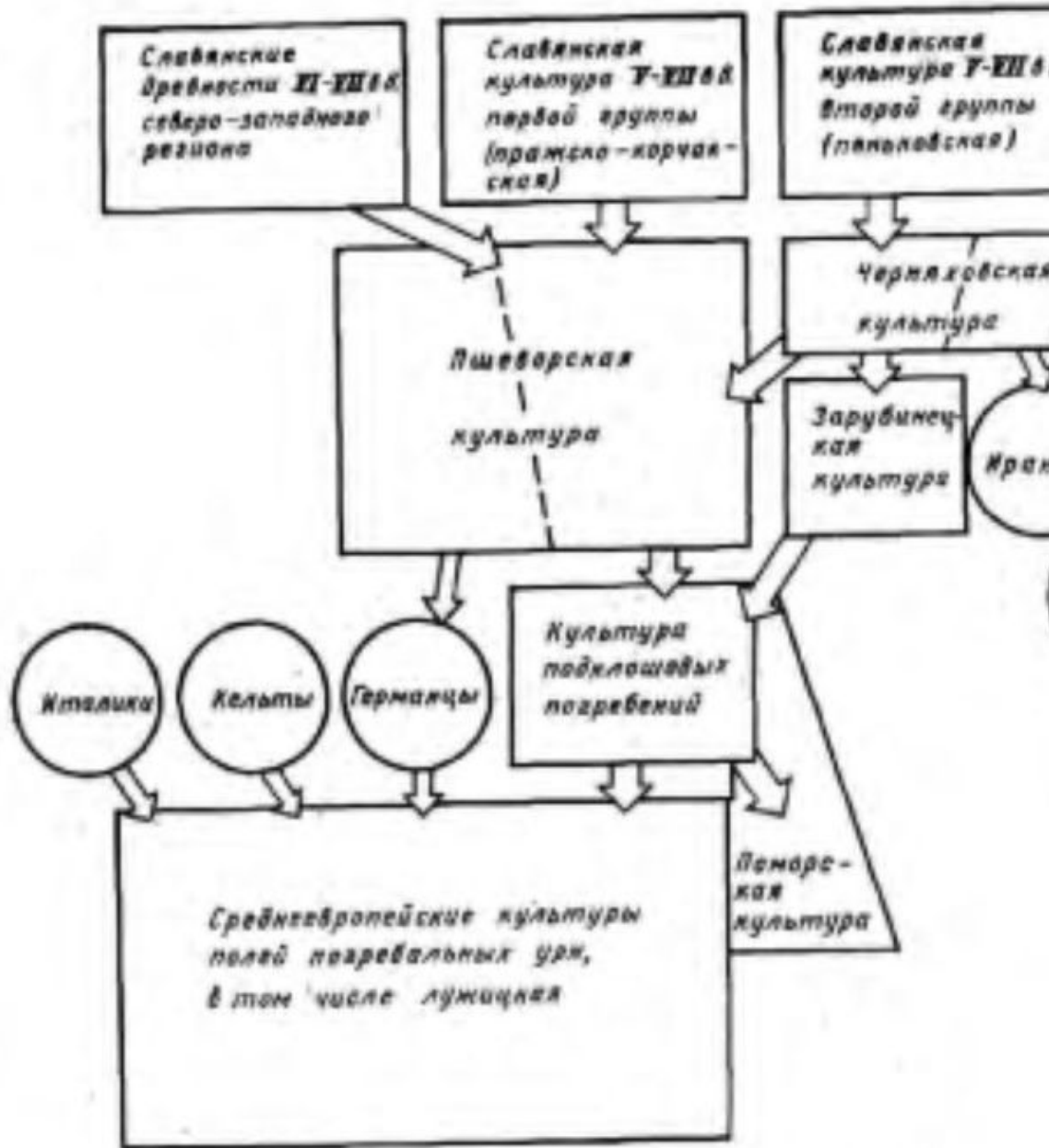

Рис. 4 Ретроспективная схема развития славянских древностей

Рис. 4 Ретроспективная схема развития славянских древностей

Такова, в частности, черняховская культура, объединяющая в единое памятники с очень разнотипным домостроительством и многоликой лепной керамикой, могильники с разнохарактерными захоронениями. Очевидно, что в составе населения, оставившего черняховскую культуру, было несколько племенных групп.

Исследователи, пользуясь ретроспективным методом в изучении генезиса тех или иных этноязыковых групп и встречаясь с многоэтничными культурами, наталкиваются на целый ряд препятствий.

На заре славянской государственности и письменности славянские народы обладали довольно однородной культурой, распространение которой хорошо совпадает с границами расселения славян, устанавливаемыми по многочисленным письменным источникам. Спустившись на ступеньку ниже, обнаруживаем славянскую культуру VI — VII вв., по всем показателям генетически связанную со славянскими древностями VIII—

IX вв. А на следующей ступеньке цепочка обрывается — археологических культур первой половины I тысячелетия н. э., из которых можно было бы вывести славянские культуры VI — VII вв., не существует.

Славянским древностям третьей четверти I тысячелетия н. э. всюду территориально предшествуют или полиэтнические археологические культуры, или культуры, явно неславянские. Очевидно, нужно допустить, что в римское время славяне территориально в значительной степени смешались с иноязычными племенами. Территориальная перемешанность и сильное воздействие провинциально-римской культуры способствовали некоторой культурной интеграции славян с соседним населением. Однако все этнографические элементы культуры славян не были сnivelированы при этом. Полная аккультурация является следствием ассимиляционного процесса. Славяне же, как свидетельствуют материалы второй половины I тысячелетия н. э., не подверглись ассимиляции в римское время, а вышли на историческую арену крепким этноязыковым массивом, вероятно, включившим в себя и некоторые неславянские племена.

Очевидно, что при таких обстоятельствах полной эволюционной преемственности между славянскими культурами VI — VII вв. и предшествующими им быть не может. По-видимому, первоочередная задача археологов, работающих над проблемой славянского этногенеза, состоит в выявлении и изучении тех этнографических черт археологических культур римского времени, которые могут рассматриваться как славянские. Они должны быть генетически связаны с важнейшими культурными элементами славян второй половины I тысячелетия н. э.

Посредством ретроспекции славянские этнографические элементы выявляются в погребальном обряде, домостроительстве и керамических материалах пшеворской и черняховской культур римского времени. Определив культурные особенности славян римского времени, можно спуститься еще на одну ступеньку, а затем еще ниже в глубь веков.

Настоящее исследование начальной истории славянства выполнено именно таким путем (рис. 4). Материалы археологии были препарированы ретроспективным методом от эпохи средневековья в глубь столетий. Таким образом, построена длинная цепь существенных компонентов археологических культур, которые этнографичны для славянства в разные периоды его истории. Ретроспективный путь, заключающийся в переходе от известного к неизвестному и являющийся единственным удовлетворительным путем для археологического изучения этногенеза, плодотворен и перспективен в кабинетной работе, но неприемлем при изложении результатов исследования. Поэтому этногенез славян в этой книге изложен в исторической последовательности.

Все историко-археологические выводы и построения в работе обосновываются исключительно материалами археологии и не зависят от данных других наук. При изложении ранней истории славян эти выводы и наблюдения сопоставляются (как бы «оцениваются») с заключениями и наблюдениями, полученными как лингвистами на материалах языкознания, так и представителями других смежных наук.

НАЧАЛО СЛАВЯН

Нижним звеном в цепи археологических культур, долженствующих ретроспективным путем продлить славянский этногенез в глубь веков, оказывается культура подклошových погребений, распространенная в V — II вв. до н. э. в междуречье Вислы и Одера. Формируется она в результате взаимодействия двух культур — лужицкой и поморской, вызванного миграцией племен поморской культуры в восточные районы

лужицкого ареала. Однако ни лужицкую, ни поморскую культуру невозможно относить к славянам.

Лужицкая культура получила распространение в Центральной Европе (между верхней Эльбой и Вислой, включая северные области Среднего Подунавья) в последних столетиях II и в первой половине I тысячелетия до н. э. Ее приписывали германцам, кельтам, славянам, иллирийцам, фракийцам. Однако, поскольку позднейшие археологические культуры, достоверно принадлежащие этим индоевропейским группам, не обнаруживают прямой генетической преемственности с лужицкой, ее, естественно, нельзя связывать с какой-либо одной из названных этноязыковых группировок.

Лужицкие древности являются составной частью культур полей погребальных урн, характерных для Европы в конце бронзового и в самом начале железного века. На раннем этапе в ареале этих культур наблюдается еще довольно пестрая картина. Зато в начале I тысячелетия до н. э. ареальные различия нивелируются, и можно говорить о сложении и существовании в Европе единой культурной общности полей погребальных урн [*Piggott S.* Ancient Europe from the Beginnings of Agriculture to Classical Antiquity. Edinburgh, 1965, p. 145, 146, 168 — 174; *Gimbutas M.* Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Paris — The Hague — London, 1965, p. 296 — 355.].

Эта культурная общность (рис. 5) лежит в основе культуры прапелетов (верхний Рейн), праиталиков (Приальпийский регион), иллирийцев (на юго-востоке), прагерманцев (древнейшая германская культура — ясторфская — сложилась на основе местных древностей эпохи бронзы при участии проникшей с юга культуры полей погребений), славян (восточный регион лужицкой культуры) и, по-видимому, некоторых других европейских этносов. Это позволило В. Киммигу отождествить культуру полей погребальных урн с древнеевропейской общностью, описанной Х. Крае [*Kimmig W.* Seevolkerbewegung und Urnenfelderkultur. Ein archaologisch-historischer Versuch. — In: Studien aus Alteuropa, I. Köln, 1964, S. 220 — 283.].

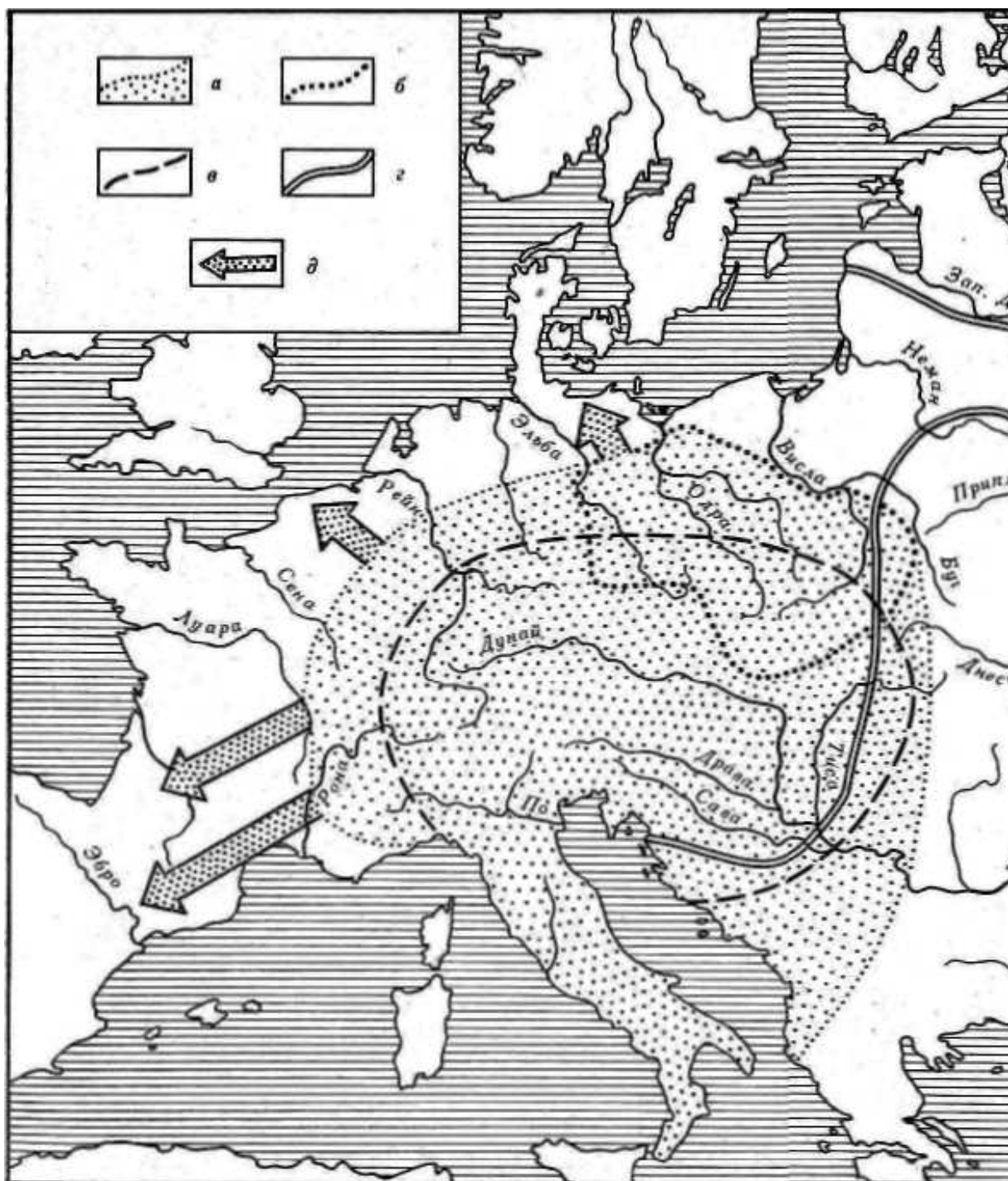

Рис. 5. Древнеевропейская общность
а — ареал культур полей погребальных урн на рубеже II и I тысячелетий до н. э. (по 9. Киммигу);
б — лужицкая культура;
в — центральноевропейский культурно-исторический ареал (по О. Н. Трубочеву);
г — восточная граница распространения древнеевропейской гидронимии,
д — направления расселения племен — носителей культуры полей погребальных урн.

Следовательно, лужицкую культуру нужно относить к одной из диалектных

группировок древнеевропейского населения. В эту эпоху население Средней Европы еще говорило на близких между собой индоевропейских диалектах, из которых позднее сформировались италийский, кельтский, иллирийский, германский и славянский языки. Выделяемый О. Н. Трубачевым на основе анализа ремесленной терминологии центрально-европейский культурно-исторический регион, по всей вероятности, по времени и территориально соответствует культурной общности полей погребальных урн, а может быть, и более ранним древностям — культурам курганных погребений и унетицкой [Некоторые археологи считают, что культуры унетицкая, курганная и полей погребений являются хронологическими этапами эволюции одного и того же центрально-европейского населения (*Gimbutas M. Bronze Age Cultures...*, p. 245 — 355).].

Поморская культура на первом этапе (вельковейский этап, VII — VI вв. до н. э.) занимала сравнительно небольшую территорию Польского Поморья от нижней Вислы до Одера. Ее происхождение сложно и спорно. Сформировалась поморская культура, по-видимому, в основном в процессе эволюции культуры эпохи бронзы на Кашубской возвышенности.

В последние годы в польской литературе распространилось мнение о сложении поморской культуры на основе особой группы лужицкой культуры, получившей название восточнопоморской [*Kostrzewski J. Pradzieje Pomorza. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, s. 70 — 89.*]. Действительно, в бассейнах рек Слупы и Лупавы, которые входят в ареал поморской культуры, известны памятники периода поздней бронзы, принадлежащие к лужицкой культуре. Однако этого явно недостаточно для утверждения об эволюции поморской культуры из лужицких древностей. Поморские и лужицкие древности, в особенности погребальный обряд и керамический материал, настолько различны между собой, что не может быть речи ни о развитии первых из вторых, ни об их происхождении от единого корня. По-видимому, лужицкие племена приняли какое-то участие в генезисе поморской культуры, а основу последней, очевидно, составили местные древности периода поздней бронзы.

Кроме того, в сложении поморской культуры какой-то долей участвовали и пришлые элементы. Если предметы из Скандинавии (бронзовые сосуды, браслеты с концами в виде трубочек и др.), появляющиеся в кашубских памятниках поздней бронзы, можно считать продуктами обмена, то распространение домковых и лицевых урн в памятниках начала железного века уже отражает миграцию в области Польского Поморья иноплеменного населения.

Этническая принадлежность поморской культуры не установлена. Первоначально было высказано предположение о ее германской принадлежности. Оно основано на преувеличении роли пришлого компонента в сложении поморских древностей. Исходные положения этой концепции были сформулированы Г. Коссинной, который считал, что лицевые урны сначала получили распространение среди германского населения Скандинавии, а потом в результате переселения германцев — в поморских памятниках нижней Вислы.

Мысль о славянском этносе племен поморской культуры основана исключительно на предположении, что она эволюционирует из лужицкой, которую часть исследователей считает славянской. Но поскольку славянство лужицкой культуры доказать нельзя, а развитие поморской культуры из лужицкой представляется необоснованным, то предположение о славянской принадлежности поморской культуры остается ничем не аргументированным.

Ещё в 20—30-х годах XX в. польские археологи, сравнивая поморские древности с синхронной культурой восточнопруссских курганов, склонны были относить поморскую культуру к культурам балтов [*Kostrzewski I. Kultura przedhistoryczna województwa pomorskiego. — In: Pamiętnik Instytutu Bałtyckiego, 1. Toruń, 1929; Waga T. Pomorze w czasach przedhistorycznych. Toruń, 1934.*]. Действительно, сходство этих культур очевидно. Для поморской культуры и восточно-прусской курганов общи

каменные ящики, устраиваемые для захоронений, многие типы глиняной посуды (круглодонные горшки и миски, грушевидные сосуды, усеченноконические миски и др.), некоторые типы украшений и орудия труда. Существенно и то, что поморская культура и культура восточнопруссских курганов имеют общую основу — единую культуру бронзового века [*Gimbutas M.* Bronze Age Cultures..., p. 389 — 452.].

В последнее время мысль о балтской принадлежности поморской культуры получила некоторое лингвистическое обоснование — по всему ареалу поморской культуры VII — VI вв. выявлены следы балтской гидронимики [*Kilian L.* Baltische Ortsnamen westlichder Weichsel.—'Altpreußen, 1939, N3; *Schall H.* Baltische Sprachreste zwischen Elbe und Weichsel. — Forschungen und Fortschritte, Bd 36,1962, S. 56 — 61; *idem.* Baltische Dialekte im Namengut Nordwestslawiens. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, Bd 79, H. 1-2, 1964, S. 123 — 170; *Тоноров В. Н.* О балтийских элементах в гидронимии и топонимии к западу от Вислы.— Slavica pragensia, VIII, 1966, с. 255 — 263; *он же.* К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы. — In: Baltistica, 1(2). Vilnius, 1966, с. 103 — 111.]. Поэтому представляется очень вероятным, что носители поморской культуры говорили на одном из окраинных диалектов балтско-го языка. По-видимому, балты одними из первых отделились от древне-европейской общности. Об этом свидетельствует и то, что их ремесленная лексика вырабатывалась изолированно от центральноевропейского культурно-исторического региона [*Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966 с. 392, 393.], и то, что, как показывает современная диалектология, балтской языковой общности в I тысячелетии до н. э. уже не существовало — балты разделились на западную, восточную и днепровскую группы [*Мажюлис В.* Лингвистические заметки к балтийскому этногенезу. М., 1964.].

Поскольку в сложении поморской культуры, несомненно, участвовали и лужицкие племена, вполне допустимо предположение, что носители поморской культуры на вельковейском этапе в языковом отношении принадлежали к промежуточному древнеевропейско-балтскому диалекту.

Начиная с 550 г. до н. э. носители поморской культуры постепенно расселялись в южном направлении. В течение двух столетий они заселили почти все Повисленье и восточные районы бассейна Одера, до этого занятые восточными группами лужицких племен. Миграции поморского населения на территорию племен лужицкой культуры предшествовали набеги скифов. Многие лужицкие городища при этом были разрушены или сожжены скифами. Набеги скифов в некоторой степени ослабили мощь лужицких племен, что облегчило продвижение с севера на лужицкие земли поморского населения. Незанятыми остались отдельные области лужицкой культуры в Силезии, верховьях Варты, Малой Польше и Любусской земле. Здесь лужицкая культура просуществовала до последних веков I тысячелетия до н. э.

Вторжение поморских племен в области лужицкого населения не привело к его уничтожению или вытеснению. На первых порах поморские и лужицкие поселения и сопутствующие им могильники существовали на одной территории раздельно. Но скоро пришельцы смешиваются с местным населением, образуются совместные поселения и общие могильники. В таких могильниках число погребений в каменных ящиках или обставленных камнями, характерных для поморской культуры, постепенно уменьшается. Зато увеличивается количество захоронений в виде ям ссыпанными в них остатками погребального костра. Это — характерный позднелужицкий похоронный ритуал (население лужицкой культуры, как и поморской, сжигало умерших). Уменьшается количество коллективных захоронений, уступая место обычным для лужицкой культуры одиночным погребениям. В бассейне Вислы получает широкое распространение обычай накрывать остатки трупосожжений большим колоколовидным сосудом-клошом, перевернутым вверх дном.

Таким образом, в районах лужицкой культуры, занятых поморскими

племенами, наблюдается постепенное слияние культуры пришельцев с культурой местного населения. В результате в V — IV вв. до н. э. здесь формируется одна общая культура — культура подклошковых погребений (рис. 6), получившая название по одному из распространенных в ее могильниках виду захоронений [Некоторые польские исследователи считают культуру подклошковых погребений не отдельной культурой, а этапом или вариантом поморской (*Matinowski T.* Obr-za.dek pogrzebowy ludnosci kultury pomorskiej. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1969). Однако различные ареалы этих культур, своеобразия в строении их погребальных сооружений и некоторые различия в вещевых инвентарях дают основание для выделения особой культуры подклошковых погребений.]

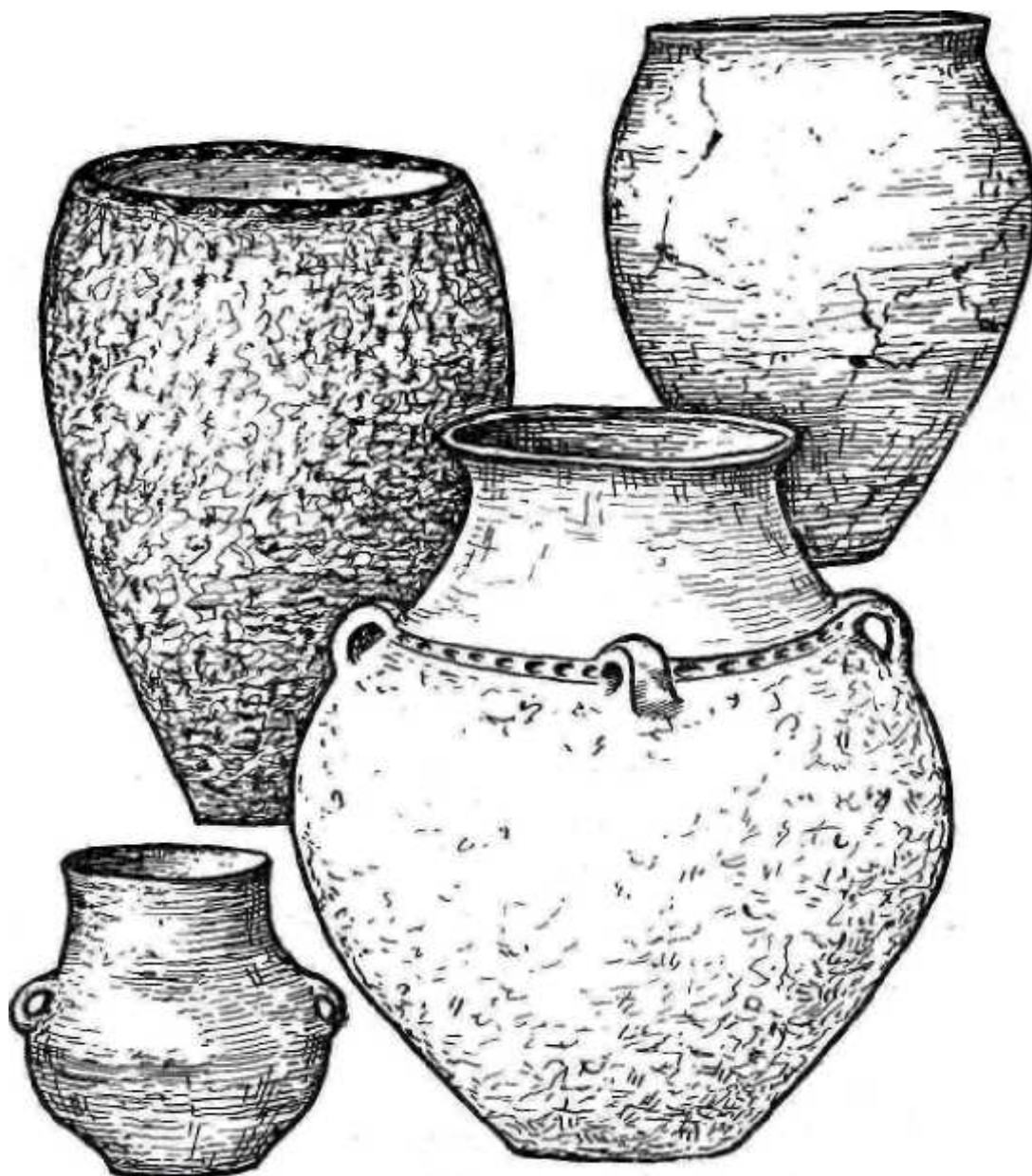

Рис 6 Глиняные сосуды культуры подклошковых погребений

Поселения этой культуры неукрепленные. Раскопки, проведенные на некоторых из них, показали, что жилищами служили полуземлянки и наземные дома столбовой конструкции. Обряд погребения — трупосожжение. Остатки кремации умерших помещали в глиняные сосуды-урны, а иногда ссыпали непосредственно на дно

могильной ямы. Часто захоронения прикрывали сверху опрокинутым вверх дном клошом. В некоторых погребениях урны обсыпали остатками погребального костра. Остатки костра бывают и в безурновых захоронениях. Могильники, как правило, бескурганые. В погребениях, кроме урн, иногда находятся булавки, фибулы, кольца, глиняные сосуды и т. д.

Керамика культуры подклошковых погребений частично продолжает поморские традиции (урны и клоши со специально ошершавленным, так называемым хроповатым туловом и гладким верхом, миски с ребристыми краями и ушками и слегка отогнутыми наружу венчиками, амфоровидные сосуды с «хроповатым» туловом, различные кувшины и кубки), частично развивается из лужицкой (клоши яйцевидных форм, округлобокие горшки с ушками, миски с загнутыми наружу краями, выпукло-бокие амфоры, кубки, плоские круглые крышки). Такое же смешение наблюдается и в украшениях этой культуры. Так, среди булавок обычны и поморские с дисковидной головкой, и лужицкие со спиральной или свернутой в ушко головкой. Встречаемые на памятниках культуры подклошковых погребений чертозские и раннелатенские фибулы характерны как для поморских, так и для лужицких древностей.

Культура подклошковых погребений относится к 400 — 100 гг. до н. э. Территориально памятники ее охватывают бассейны средней и частично верхней Вислы и почти целиком бассейн Варты. В среднелатенское время могильники культуры подклошковых погребений достигают среднего течения Одера на западе и Припятского Полесья и Волыни на востоке (рис. 7).

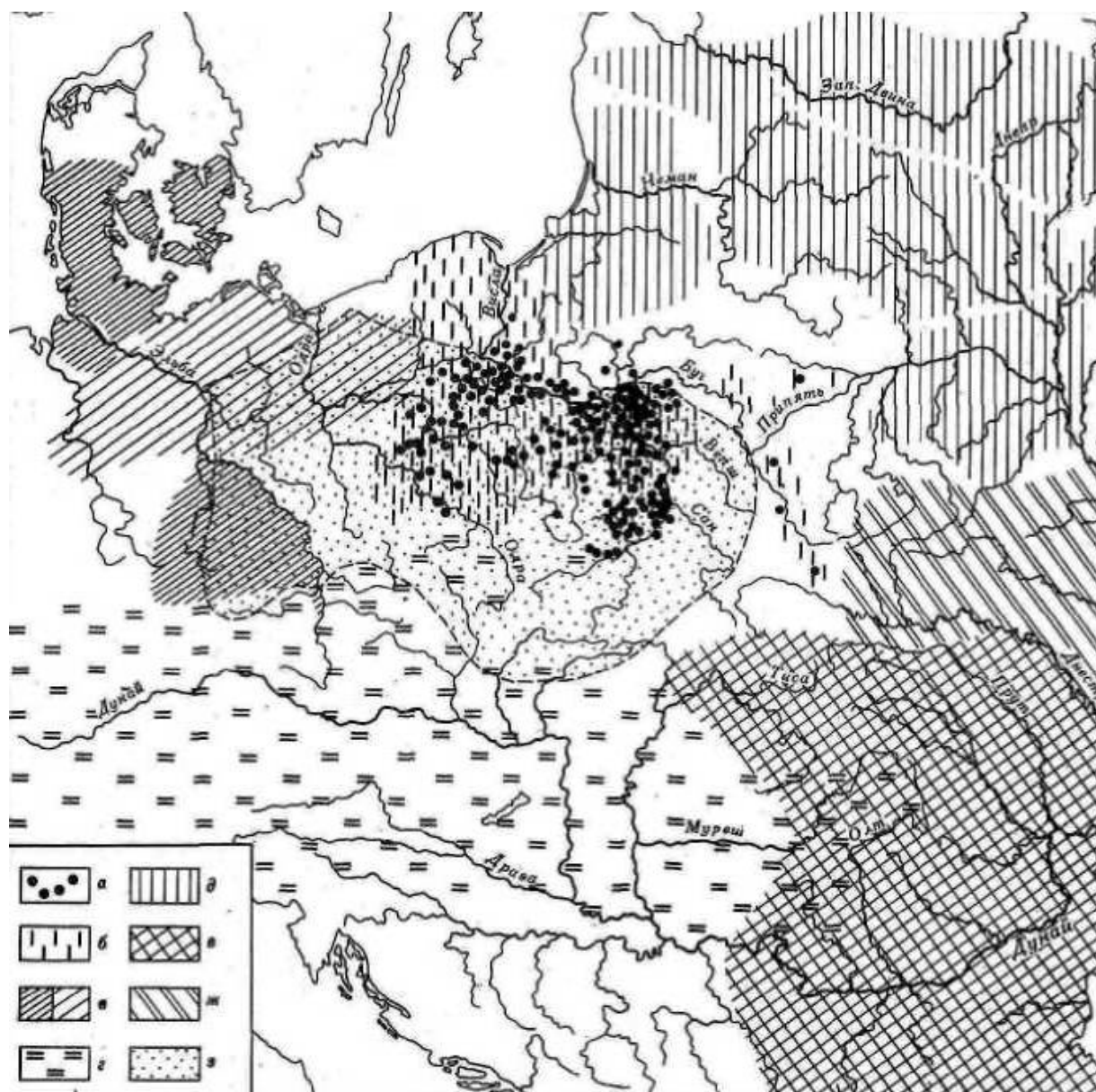

Рис 7. Средняя Европа около 400 г до н.э.
а — памятники культуры подклошевых погребений,
б — ареал поморской культуры,
в — ястрофская и синхронные ей культуры германских племён,
г — территория, занятая кельтами,
д — ареал культур, оставленных балтскими племенами,
е — область франкийских древностей,
ж — ареал скафской культуры,
з — лужицкая культура.

Можно полагать, что носители культуры подклошевых погребений были самыми ранними славянами. Начиная с этого времени удастся выявить элементы преемственности в развитии культуры вплоть до славянских древностей раннего средневековья. Анализ этих древностей ретроспективным методом через посредство целого ряда археологических культур приводит именно к культуре подклошевых погребений (рис. 4). Предшествующие ей культуры, как показано выше, не могут быть причислены к собственно славянским.

Следовательно, судя по данным археологии, славяне как самостоятельная

этноязыковая единица начали формироваться в середине I тысячелетия до н.э. в результате взаимодействия и метисации носителей восточной части лужицкой культуры (в языковом отношении древнеевропейские племена) с расселившимися на их территории племенами поморской культуры (говорившие на окраиннобалтском или на промежуточном древнеевропейско-балтском диалекте). По-видимому, племена поморской культуры и внесли в славянский язык какую-то часть особенностей, которые объединяют его с балтским. Наоборот, ремесленная и земледельческая лексика славян, находящая параллели в италийских, кельтских и германских языках, является наследием древнеевропейского диалекта.

По времени культура подклошковых погребений соответствует первому этапу развития праславянского языка (по Ф. П. Филину). Это период когда славянский язык только что начал самостоятельное развитие, постепенно вырабатывая собственную структуру и свою лексику.

Среди лингвистических материалов нет таких, которые бы противоречили предлагаемым историко-археологическим построениям. Ареал культуры подклошковых погребений полностью покрывает область великопольских говоров, в которых, как говорилось выше, праславянские фонетические особенности проявляются наиболее последовательно. Древнейший славянский регион, или славянская прародина, судя по лексическим материалам, находился в стороне от моря, в лесной равнинной зоне с болотами и озерами, но, как следует из общеславянских названий рыб — лосося и угря, в пределах рек, впадающих в Балтийское море. Области культуры подклошковых погребений полностью соответствуют этим географическим признакам.

На северо-востоке носители культуры подклошковых погребений вплотную соприкасались с западнобалтскими племенами. В результате соседских отношений в балтской культуре восточнопруссских курганов распространяются некоторые типы глиняной посуды, характерные для Повисленья, и наоборот, в области культуры подклошковых погребений появляются керамика и отдельные вещи из ареала восточнопруссских курганов. Некоторые металлические предметы (массивные шейные гривны, браслеты, топоры и др.) общие как для культуры подклошковых погребений, так и для культуры восточнопруссских курганов. Следовательно, нужно полагать, что в IV — VI вв. до н.э. славяне находились в тесных контактах с западными балтами.

Северо-западными соседями славян в это время были германские племена — носители ясторфской культуры — наиболее ранней достоверно германской культуры на Европейском континенте [*Schwantes G.* Die Jastorf-Zivilisation. — In: Reinecke Festschrift zum 75 Geburtstag. Mainz, 1950; Germanen — Slawen — Deutsche. Forschungen in ihrer Ethnogenese. Berlin, 1969.]. Славяно-германские лексические взаимопроникновения древнейшей поры, датируемые В. В. Мартыновым I тысячелетием до н.э., относятся ко времени соседства культуры подклошковых погребений с ясторфской. Культурное взаимодействие было не таким тесным, как между культурой подклошковых погребений и западнобалтскими древностями. Зато отчетливо выступают следы тесного контакта между ясторфской и западнобалтскими культурами. Все это как будто соответствует выводам сравнительно-исторического языкознания о древнейших славяно-балтских, славяно-германских и балто-германских отношениях.

Около 400 г. до н.э. начинается движение кельтов в Центральную Европу. Постепенно кельтские племена занимают Верхнее и Среднее По-дунавье, проникают в Адриатику и, двигаясь вдоль Карпат, достигают Чёрного моря [*Filip J.* Keltové ve střední Evropě. Praha, 1956.]. В III — II вв. до н.э. кельты расселяются в Силезии и Малой Польше [*Wozniak Z.* Celtowie w Polsce. Krakow, 1968] и, очевидно, приходят в соприкосновение со славянами — носителями культуры подклошковых погребений. Таким образом, юго-западными соседями ранних славян некоторое время были кельты. Как отмечалось выше, следы славяно-кельтских языковых контактов выявляются, но полностью оценить их из-за исчезновения восточнокельтских языков не представляется

возможным.

Имеются некоторые косвенные свидетельства археологии, говорящие о непосредственных и тесных контактах славян с кельтами в древности. Так, языческий храм славян VII — VIII вв., остатки которого были выявлены и изучены раскопками в Грос Радене в Шверинском округе ГДР, по внешнему облику и деталям оказался очень похожим на культовые постройки кельтов. В этой связи И. Херрманн полагает, что распространенные в раннем средневековье среди северо-западных славянских племен языческие храмовые постройки (они известны по описаниям современников) своим происхождением уходят в глубокую древность и обусловлены культурными контактами части славян с кельтским миром, очевидно, где-то в нынешних южнопольских землях [*Schuldt E.* Der altslawische Tempel von Gross Raden. Schwerin, 1976; *Herrmann J.* Zu den kulturgeschichtlichen Wurzeln und zur historischen Rolle nordwestslawischer Tempel des fruhen Mittelalters. — *Slovenska archeologia*, 1978, N 1, S. 19 — 27.].

На юге ближайшими соседями славян были фракийские племена. Однако их, по-видимому, разделяли Карпатские горы, и поэтому о тесных славяно-фракийских взаимоотношениях говорить не приходится.

В латенское время отдельные могильники культуры подклошových погребений появляются восточнее верхнего течения Буга. Славяне, видимо, пришли в соприкосновение с ираноязычным населением Северного Причерноморья. Предположение о более ранних славяно-иранских культурных контактах не имеет каких-либо оснований.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СМОТРИ — СЛАВЯНЕ В ПОЗДНОЛАТЕНСКУЮ И РИМСКУЮ ЭПОХУ

СЕДОВ Валентин Васильевич
Происхождение и ранняя история славян

СЛАВЯНЕ В ПОЗДНОЛАТЕНСКУЮ И РИМСКУЮ ЭПОХУ

Пшеворская культура

В конце II в. до н. э. на территории, занятой культурой подклошových погребений, складывается пшеворская культура, просуществовавшая до начала V в. н. э. Название свое она получила по первому большому исследованному могильнику близ г. Пшеворска на юго-востоке Польши.

Границы распространения пшеворской культуры в процессе её эволюции не оставались неизменными (рис. 8). Пшеворские памятники позднелатенского времени известны кроме территории, прежде принадлежавшей культуре подклошových погребений, в более западных регионах — на среднем Одере и в низовьях Варты, на средней Эльбе и ее притоках Мульде и Заале. В римский период в бассейне Эльбы и в низовьях Варты пшеворских древностей уже нет, зато происходит движение пшеворских племен далеко на юго-восток. Теперь ареал пшеворской культуры охватывает на юго-востоке Верхнее Поднестровье и верхнюю часть бассейна Тисы [*Dabrowska T.* Wschodnia granica kultury przeworskiej w poznyim okresie latenskim i wczesnym okresie rzymskim. — In: *Materialy starozytne i wczesnosredniowieczne*, II. Wroclaw — Warszawa — Krakow — Gdansk, 1973, s. 127 — 253; *Tejral J.* K interpretaci severovychodnich prvku v hmotne kulture Moravske oblasti na sklonku starsi doby rimske. — *Pamatky archeologicke*, 1970, N 1, s. 184 — 215.].

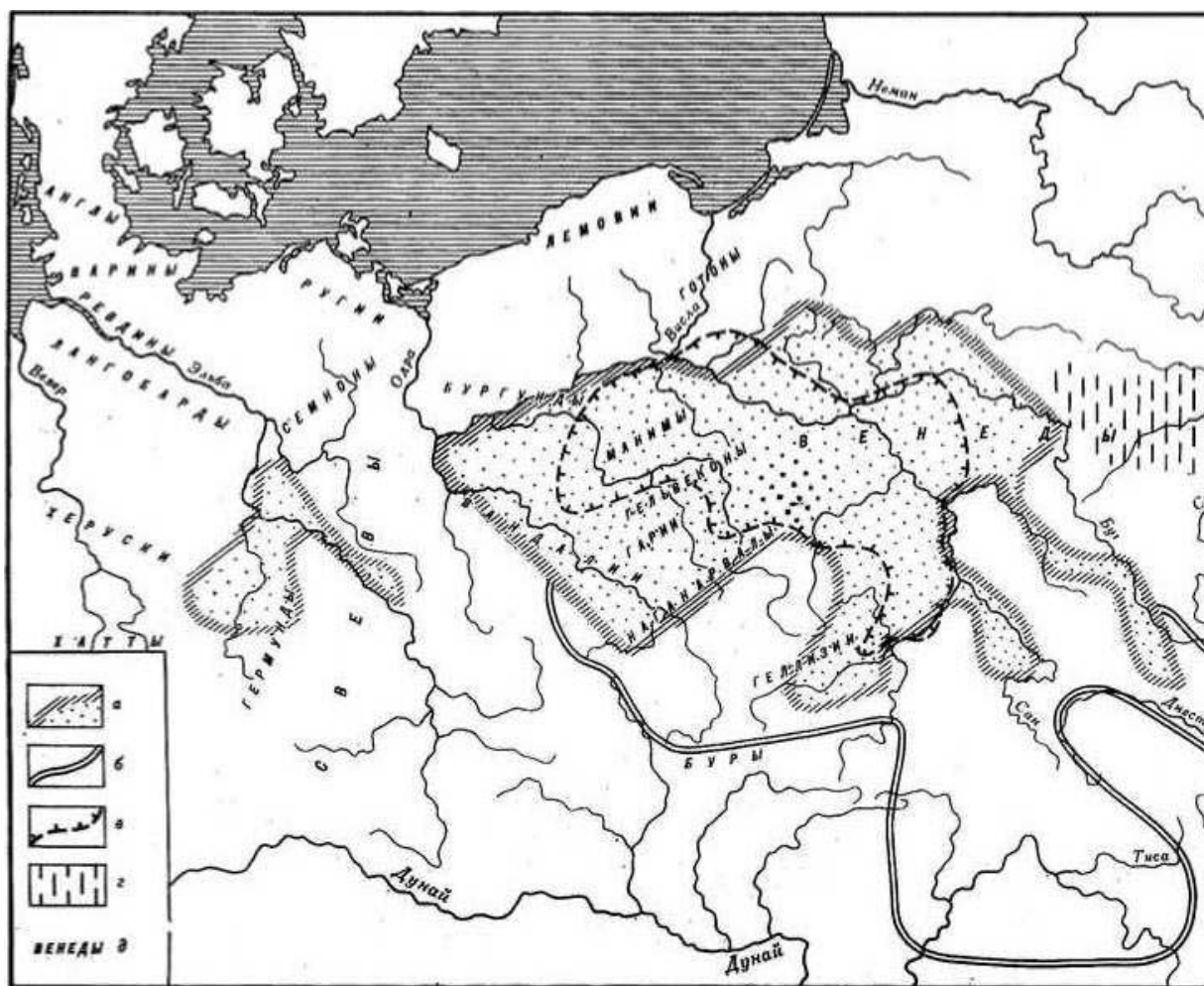

Рис 8. Славяне на рубеже нашей эры
а — ареал пшеворской культуры на рубеже нашей эры,
б — граница распространения пшеворской культуры в римское время,
в — культура подклошных погребений,
г — зарубинецкая культура,
д — локализация племён, названных в древних письменных памятниках.

Поселения пшеворской культуры, как и в предшествующее время, неукрепленные и характеризуют обычную картину жизни и быта земледельческого населения. В районах с плодородными почвами плотность пшеворских поселений значительна, здесь они часто находятся в непосредственной близости друг от друга. Обычно для поселений выбирались прибрежные возвышения, иногда труднодоступные места — например, среди заболоченных низин.

Основным типом жилищ пшеворских поселений были наземные дома столбовой конструкции. Форма их главным образом прямоугольная, иногда встречаются и трапециевидные в плане постройки. Средняя площадь жилищ равна 30 — 35 кв. м. Более крупные постройки очень редки. Например, на поселении Вулька Ласецкая исследована наземная постройка столбовой конструкции длиной 16,2 м при ширине 8,5 м. В большинстве случаев дома состояли из одной камеры, зафиксировано несколько двухкамерных построек. Отмечены многочисленные случаи присоединения к основным постройкам небольших пристроек легкой столбовой конструкции. Некоторые дома имели ещё сени или навес.

В большинстве домов обнаружены остатки каменных или глинобитных очагов. Возможно, в отдельных жилищах вместо открытых очагов имелись печи, сложенные из

каменной и глины.

На некоторых поселениях кроме остатков жилищ были обнаружены и следы небольших наземных сооружений хозяйственного назначения. На всех пшеворских поселениях, помимо того, около домов обычно находятся различные ямы-погребца.

По всему ареалу пшеворской культуры вместе с наземными жилищами встречаются полуземлянки. Обычно они имеют прямоугольную форму, площадь 12 — 18 кв. м. Скорее всего полуземлянки, более теплые, чем наземные постройки, служили зимними жилищами, а наземные дома использовались в остальное время года. В пользу этого как будто бы говорят случаи расположения полуземлянок в непосредственной близости от наземных построек. Так, на поселении Турнава в Опольском повяте полуземлянки группировались с наземными домами [*Godlowski K.* Budownictwo, rozplanowanie i wielkosc osad kultury przeworskiej na Gornym Slasku. — WA, XXXIV, 3 — 4, 1969, s. 306 — 316.]. На некоторых пшеворских поселениях раскопками открыты преимущественно углубленные постройки. Отчасти это может быть обусловлено трудностями обнаружения наземных построек и легкостью их разрушения. Но, не исключено, что имелись поселения, где полуземлянки были господствующим типом жилых построек.

Поселения пшеворской культуры на территории Силезии состояли из отдельных, образованных одной-двумя жилыми и несколькими хозяйственными постройками групп, разделенных участками, на которых отсутствуют следы строений [*Godlowski K.* Budownictwo, rozplanowanie i wielkosc..., s. 305 — 328.]. На других поселениях можно предполагать кучевую застройку [См., например: *Przewozna K.* Osada i cmentarzysko z okresu rzymskiego w Slopano-wie, pow. Szamatuly. — Fontes archaeologici Posnanienses, V, 1955, s. 63 — 97.].

Могильники пшеворской культуры бескурганые [Погребальный ритуал этой культуры обстоятельно исследован в работе Г. Ф. Никитиной «Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.» (В кн.: Погребальный обряд племён Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э. М., 1974, с. 55 — 90).]. В редких случаях места погребений обозначены камнями. Состоят могильники из нескольких десятков, часто — сотен захоронений. В конце II — I в. до н. э. господствовал обряд кремации умерших. Остатки трупосожжений обычно ссыпали непосредственно в могильную яму. Это — продолжение традиции погребального ритуала населения культуры подклошовых погребений. Однако теперь остатки трупосожжений, как правило, не накрывали опрокинутыми вверх дном глиняными сосудами. Иногда встречаются и урно-вые захоронения, но число их среди погребений, относящихся к поздне-латенскому времени, невелико.

В I — IV вв. н. э. в пшеворских могильниках заметно увеличивается количество урновых захоронений. В III — IV вв. н. э. появляются и получают некоторое распространение так называемые послойные, или пластовые, захоронения, в которых остатки кремации разбросаны в виде тонкой прослойки по всему дну неглубокой ямы, а иногда и прямо на поверхности. Если в раннее время пережженные кости покойников в могильных ямах лежали вместе с остатками погребального костра, то в позднеримское время появляются погребения, в которых кальцинированные кости умерших тщательно очищены от остатков погребального костра.

В ямных, т. е. безурновых, погребениях часто встречаются обломки глиняных сосудов, ритуально разбитых в момент захоронения. Большинство таких погребений — безынвентарные, в сравнительно немногих из них найдены железные ножи, шилья, пряжки.

В урновых захоронениях, кроме урн, иногда имеются сосуды-приставки. Возможно, их ставили в захоронения с ритуальной пищей. В погребениях встречено довольно много различных бытовых предметов, украшений, оружия. В ряде случаев они

повреждены огнем, а предметы вооружения нередко поломаны или согнуты согласно ритуалу.

В некоторых могильниках пшеворской культуры обнаружены единичные захоронения по обряду труположения. Скелеты лежат в овальных или неправильной формы ямах, изредка — в деревянных колодах. Положение и ориентировка умерших различны.

На территорию распространения пшеворской культуры, кроме того, заходят так называемые княжеские погребения. Часто это курганные погребения по обряду труположения. Они совершены в обширных прямоугольных ямах, обложенных камнем или деревянными стенками и перекрытых сверху настилом из бревен. Эти погребения выделяются богатством инвентаря, включающего римские импортные изделия. Вполне очевидно, что труположения, как рядовые, так и «княжеские», в пшеворской культуре составляют инородный элемент. В польской литературе уже давно укоренилось мнение, что единичные труположения в пшеворской культуре появились в результате воздействия кельтских племен, погребальный обряд которых характеризуется исключительно ингумацией умерших [*Kostrzewski J.* Groby szkieletowe poznolatkenskie w Wielkopolsce. — Sprawozdania Polskiej Akademii nauk, 41, 1936, s. 180 — 183; *Wozniak Z.* Osadnictwo celtyckie w Polsce. — Archeologia Polski, XV, 1, 1970, s. 181.]. Г. Ф. Никитина указала на два серьезных аргумента, мешающих согласиться с этой точкой зрения. Во-первых, для кельтских погребений характерны вытянутые на спине труположения, а в пшеворских памятниках захоронения скорченные, причём часто умершие погребены на боку, что вообще неизвестно в кельтских древностях. Во-вторых, пшеворские и кельтские труположения серьезно отличаются по ориентировке — для кельтских погребений характерна северная ориентировка, а среди пшеворских преобладает южная [*Никитина Г. Ф.* Погребальный обряд культур полей погребений..., с. 68 — 71.]. Всё же возможность появления части труположений в пшеворских могильниках под влиянием кельтской похоронной обрядности не исключена. Более приемлемой, однако, представляется гипотеза о распространении обряда труположений в пшеворском ареале, в Южной Прибалтике и Скандинавии в результате рассредоточенной инфильтрации скифо-сарматского населения из областей Северного Причерноморья. В пользу этого говорят и сходство деталей (устройство могильных ям, сооружение деревянных камер, положение костяков и пр.) погребальных сооружений так называемых княжеских погребений со скифскими, и свидетельства античных авторов о сарматах на южном побережье Балтийского моря, и отдельные соответствия скандинавской и иранской мифологии [*Седов В. В.* Скифо-сарматское воздействие на культуру древних германцев Скандинавии и Южной Балтики.— В кн.: Тезисы докладов Шестой всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, ч. 1. Таллин, 1973, с. 109.].

Как и в погребальном обряде, в керамике пшеворских памятников прослеживается преемственность с керамикой культуры подклошовых погребений. На первых порах лепная глиняная посуда пшеворской культуры мало отлична от керамики культуры подклошовых захоронений. Это яйцевидные горшки с двумя ушками наверху, миски с загнутым наружу краем, чаши с ушком и др. Поверхность сосудов лощеная или сглаженная, есть сосуды с «хротоватым» туловом. В то же время в пшеворских памятниках появляются, по-видимому, под кельтским влиянием, кувшинообразные сосуды так называемой обратнотрушевидной формы, а также вазовидные сосуды с характерным граненым венчиком.

В самом начале нашей эры пшеворская керамика эволюционирует — сосуды становятся более тонкостенными, исчезают некоторые их формы, зато распространяются лепные чернолощеные горшки и высокие вазообразные миски, нередко украшенные геометрическим или меандровым орнаментом. В развитии пшеворской глиняной посуды, безусловно, сказывается латенское воздействие.

Начиная с III в. н. э. на памятниках пшеворской культуры появляются сосуды, изготовленные на гончарном круге. Это главным образом горшки, кувшины, миски с ручками с серой заглаженной или шершавой поверхностью. С распространением гончарной керамики происходит огрубение форм и выделки лепных сосудов. На смену нарядным, часто черно-лощеному сосудам приходят грубые выпуклобокие горшки с nelloщеной, иногда «хророватой» поверхностью.

Коллекции металлических орудий труда, оружия и бытовых предметов из памятников пшеворской культуры многочисленны и весьма разнообразны. Среди них в раннее время наряду с изделиями, развившимися из местных форм предшествующего времени, появляются новые типы, возникшие в результате кельтского культурного воздействия. Таковы предметы вооружения и воинского снаряжения — двулезвийные мечи ла-тенского типа, листовидные наконечники копий, железные ножны.

Металлические детали одежды представлены фибулами, поясными скрепами и пряжками. Распространенные в культуре подклошковых погребений булавки почти полностью вытесняются фибулами. Весьма ходовые в раннее время фибулы с ножкой, отогнутой наружу и соединенной со спинкой (лучковой, прямоугольной или трапециевидной), возникли под латенским влиянием. Поясные пряжки отчасти наследуют формы предшествующего времени, отчасти проникают с северо-запада, из германских областей. В пшеворских погребениях, относящихся к римскому времени, встречаются стеклянные бусы и немногочисленные нагрудные привески.

Среди орудий труда и предметов быта имеются железные ножи пружинные ножницы, бритвы, шилья, топоры. В раннеримское время на пшеворских памятниках появляются ключи, замки и костяные гребни.

С начала нашей эры ощущаются связи населения пшеворской культуры с Римской империей. На пшеворских памятниках I — IV вв. н. э. встречаются дорогие серебряные, бронзовые и стеклянные сосуды, terra sigillata, некоторые орудия труда и предметы вооружения, привезенные из метрополии Римской империи или ее провинций. В то же время в ареале пшеворской культуры появляются римские монеты, клады которых сосредоточены в основном вдоль так называемого янтарного пути проходящего от Балтийского моря к Дунайской низменности по Варте и Одере.

Основу хозяйственной жизни пшеворских племен составляло земледелие. На пшеворских поселениях обнаружены железные сошники свидетельствующие о совершенствовании сельскохозяйственных орудий труда. Судя по обугленным зернам, найденным при раскопках, возделывали пшеницу, рожь, ячмень, просо, овес, гречиху, горох и коноплю.

В состав стада пшеворских поселений входили коровы, лошади свиньи, овцы и козы.

В римское время у пшеворских племен наряду с домашними ремеслами существовали особые центры по производству железа и изготовлению металлических изделий и глиняной посуды. В окрестностях Кракова (Иголомья, Тропишов, Зофиполь) исследовано более сотни гончарных горнов. Гончарные сосуды, изготовленные в этих центрах, поступали во многие районы пшеворского ареала. Известно и несколько специализированных центров, выплавляющих железо из местных руд для целой округи (Свентокшиские горы, Новая Гута, Тархалице и др.).

Имеются все основания полагать, что в своей основе пшеворская культура развилась из предшествующей ей культуры подклошковых погребений. Большинство элементов погребальной обрядности пшеворской культуры продолжает традиции, свойственные похоронному ритуалу культуры подклошковых захоронений (табл. 2). Различия между ними (широкое распространение безурновых захоронений в пшеворской культуре, увеличение процента погребений с остатками погребального костра появление ритуала разбивания глиняных сосудов при похоронах и т. п.) могут быть объяснены эволюцией похоронной обрядности. Что же касается различий между пшеворскими

древностями и древностями предшествующего времени, наблюдаемых в материальной культуре, то они в значительной степени обусловлены явным воздействием на племена Повисленья и Висло-Одерского междуречья латенской и провинциально-римской культур.

Вместе с тем пшеворская культура характеризуется и такими существенными элементами, которые не могут быть результатом эволюции местной погребальной обрядности. К их числу принадлежит обычай класть в могилы предметы вооружения — мечи, копья, дротики, умбоны щитов. Этот ритуал не был известен ни в культуре подклошковых погребений, ни в лужицких могильниках. Зато он широко представлен в более западных культурах германских племён.

Таблица 2. Генетические связи культур подклошковых погребений и пшеворской

Таблица 2. Генетические связи культур подклочовых погребений

Особенности, свойственные только культуре подклочовых погребений	Элементы, общие для культур подклочовых погребений и пшеворской	Новые элементы пшеворской культуры
Обычай накрывать захоронения большим оссудом-клошом, опрокинутым вверх дном	Селища с наземными домами столбовой конструкции и полуземлянки Хозяйственная деятельность Бескурганные могильники с индивидуальными захоронениями по обряду труносожжения на стороне Обычай ссыпать сожженные кости с остатками погребального костра непосредственно в могильную яму Слабопрофилированные горшки с наибольшим расширением в верхней трети Яйцевидные сосуды с двумя ушками Миски с загнутым наружу краем Чаши с ушками Сосуды с оперишавленной («хроповатой») поверхностью Поясные пряжки	Обычай разбивать сосуды при захоронениях Обычай класть оружие в могилы Обычай вбивать оружие или колющие орудия в захоронение Ритуал помещения костей птиц в могилы Некоторые орнаментальные мотивы Кувшины Безобразные сосуды Фибулы Типы предметов вооружения Единичные труноположения

В пшеворской культуре известен также новый для её ареала обычай вбивать оружие или орудия труда в захоронения. Для этого использовались чаще всего копья, реже — ножи, ножницы или мечи. Этот ритуал, по-видимому, порожден был поверием, согласно которому умерший может выйти из состояния неподвижности и причинить вред живым. Колющими и режущими предметами пробивали останки умерших, помещенные в урны или ямы, чтобы лишить покойника возможности покинуть могилу.

Этот ритуал был распространен у германских племен. В латенское время обычай вбивать оружие или орудия труда в могилы неоднократно отмечен в могильниках ясторфской культуры. В Скандинавии этот обычай бытовал и в средневековый период, вплоть до распространения христианства.

Новая существенная деталь пшеворских погребений — находки в могилах костей птиц, а в редких случаях — костей медведя и домашних животных. Они отражают обычай сопровождать захоронения заупокойной пищей или ритуалы иного смысла. Появление птичьих костей в погребениях безусловно связано с религиозными представлениями древних племен и не может быть результатом культурных контактов с соседями.

Эта деталь погребальной обрядности пшеворского населения опять-таки имеет параллели в могильных памятниках германских племен. На Готланде кости птиц встречаются в погребениях латенского периода, а в Скандинавии — в могильниках римского времени и позднее, в средневековье.

Эти особенности похоронной обрядности пшеворской культуры не были известны населению культуры подклошковых погребений. С другой стороны, они исчезают в Висло-Одерском междуречье вместе с пшеворскими поселениями и могильниками, не имея какого-либо продолжения в дальнейшем. Следовательно, перечисленные особенности пшеворской обрядности являются инородными элементами для исследуемого ареала.

К числу инородных элементов нужно отнести и некоторые орнаментальные мотивы пшеворской керамики. Ю. Костшевский отметил, что орнаменты на пшеворской керамике, нанесенные зубчатыми колесиками, по своим видам и символике имеют прямые аналогии в синхронных германских древностях более западных областей [*Kostrzewski J.* Die ostgermanische Kultur der Spätlatenezeit, I. Leipzig — Würzburg, 1919, S. 197 — 204.]. Известно, что орнаментация в большей степени, чем другие элементы культуры, связана с этносом.

Всё это позволяет допустить, что в момент сложения пшеворской культуры в ареале культуры подклошковых погребений имела место инфильтрация иноэтнического населения. Была ли она значительной или ничтожной, единовременной или продолжительной, — пока сказать трудно. Зато ясно, что осуществлялась эта инфильтрация с запада или северо-запада, из области расселения германских племен, и следовательно, пришлым этническим компонентом в составе племен — носителей пшеворской культуры, очевидно, были германцы.

О том, что в ареале пшеворской культуры наряду с венедами-славянами жили и германские племена, говорят и письменные источники. Выше (см. раздел «Древние авторы о славянах») речь шла исключительно о венедах, занимавших в первые века нашей эры какую-то часть территории между Балтийским морем и Карпатами. Но из сочинений античных авторов видно, что в том же ареале жили и восточногерманские племена.

Плиний подразделяет германцев на пять групп, из которых одну составляли восточногерманские племена вандалов (вандалов). На этом основании некоторые исследователи называют восточногерманские племена вандалскими. По Плинию в эту группу входили бургундионы, варины, харины и гутоны [*Plinius Secundus C* Naturalis historia, IV. Leipzig, 1895, p. 96 — 99.].

Большой достоверностью отличаются сведения о расселении германских племен Тацита — автора сочинения «О происхождении германцев и местоположении Германии» (98 г. н. э.) [*Корнелий Тацит.* Сочинения в двух томах, т. I. Л., 1969, с. 353 — 373. Тацит говорит о германцах и в других своих исторических сочинениях.]. Хотя сам Тацит и не бывал в Германии, он располагал широкой информацией, почерпнутой из не дошедших до нас сочинений более ранних авторов, а также из донесений римских полководцев и рассказов римских легионеров и купцов, побывавших за Рейном.

Тацит называет следующие восточногерманские племена: вандилии, лугии, ругии, бургундионы, лемовии, готоны, манимы, гелвеконы, гарнии, наганарвалы, гелизии. На востоке он упоминает еще пеукинов (бастар-нов), но не знает, следует ли их причислять к германцам.

К середине II в. н. э. относятся сведения о германских племенах греческого

географа Птолея, а исторические события III — V вв. н. э. нашли отражение в сочинениях многих современников [Древние германцы. Сборник документов. М., 1937.].

На основе данных различных авторов в I — II вв. н. э. готы отчетливо локализируются в нижнем течении Вислы (там же жили гепиды — первоначально одно из готских племен), лемовии и ругии (ульмеругии Птолея) — по побережью Балтийского моря, на запад от Вислы (рис. 8). Бургунды (бургундионы) помещены Птолемеем, по-видимому, в бассейне Варты, в ближайшем соседстве с западными (приэльбскими) германцами. К северу от Карпат, между Одером и Вислой, обитали германские племена гарнии, гелизии, гелвеконы, мнимы и наганарвалы, входившие в состав племенного объединения лугиев. По среднему течению Одера жили вандилии (вандалы). Со II в. н. э. они стали постепенно продвигаться на юг. Согласно Диону Кассию, вандалы-силинги и вандалы-хаздинги занимали верхнюю часть бассейна Одера. «Готский (т. е. восточногерманский по современной терминологии. — **В.С.**) диалект занимает, таким образом, — писал Ф. Энгельс, — довольно компактную территорию между Вандальскими (Исполиновыми) горами, Одером и Балтийским морем до Вислы и за этой рекой» [*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 484.].

Этническая интерпретация пшеворской культуры в археологической литературе имеет два основных направления. Большинство польских ученых называют эту культуру венедской, поскольку она находится на той же территории и относится к тому же времени, что и упоминаемые античными авторами венеды-славяне. Другим аргументом в пользу славянской принадлежности пшеворской культуры для польских археологов служит непрерывное, якобы, культурное развитие в пшеворском ареале до периода, когда здесь живут документированные раннесредневековыми источниками славяне. Заметные отличия культуры славян раннего средневековья от пшеворской, по мнению этих исследователей, обусловлены хозяйственными и социальными сдвигами [*Kostrzewski J.* Zagadnienie ciaglosci zaludnienia ziem polskich. Poznan, 1961; *idem.* Zur Frage der Siedlungsstetigkeit in der Urgeschichte Polens von der Mitte des II Jahrtausends v. u. Z. bis zum fruhen Mittelalter. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1965.].

Напротив, многие немецкие ученые рассматривали пшеворскую культуру как германскую. Большинство исследователей при этом просто ссылались на свидетельства античных авторов о расселении германских племен в ареале пшеворской культуры. Однако имеются и попытки археологического обоснования этой точки зрения. Так, было обращено внимание на близость части пшеворской керамики Силезии к глиняной посуде области Вендсиссель на севере Ютландского полуострова. Обнаружилось и некоторое сходство в погребальной обрядности тех же территорий. На этом основании была построена теория, что германское племя вандалов (название местности Вендсиссель будто бы связано с этим этнонимом) до рубежа II — I вв. до н. э. жило на северной окраине Ютландии, а потом переселилось в междуречье Одера и Вислы, создав здесь пшеворскую культуру [*Pescheck Chr.* Die friuhwandalische Kultur in Mittelslesi Wandalen. Leipzig, 1939; *Jahn M.* Die Wandalen. — In: Vorgeschichte der deutschen Stamme, III. Berlin, 1940, S. 946 — 951.].

Основной ошибкой этих исследователей является невнимание к местным элементам в развитии пшеворской культуры. Например, погребения по обряду трупосожжения в грунтовых ямах без урн имеют в пшеворском ареале глубокие местные традиции, а не привнесены из Ютландии. Сходство же в керамике германских племен северной Ютландии и носители пшеворской культуры Силезии, как отметил датский археолог О. Клиндт-Иенсен, могло быть обусловлено независимым развитием форм глиняной посуды, заимствованных из одного и того же источника — кельтской культуры [*Klindt-Jensen O.* Denmark. London, 1962, p. 99, 100.].

В археологической литературе предпринимались попытки связать регионы пшеворской культуры с отдельными германскими племенами. Так, юго-западный регион пшеворского ареала обычно приписывали си-лингам — одному из вандальских племен.

Недавно Р. Хахманн на основе показаний античных авторов высказал предположение, что готы в I — II вв. н. э. жили не в низовьях Вислы, как обычно считается в литературе, а южнее, в среднем течении этой реки. Исследователь связал с готами мазовецкую локальную группу пшеворской культуры [*Hachmann R. Die Goten und Skandinavien. Berlin, 1970.*]. Гипотеза Р. Хахманна встречает непреодолимые препятствия — мазовецкая группа пшеворской культуры сформировалась на основе эволюции культуры подклошовых погребений, а последнюю, как и поморскую культуру, ни в коем случае невозможно считать германской.

Отвергая как недостаточно обоснованные попытки приписать пшеворскую культуру целиком германцам, все же нельзя не признавать наличия в этой культуре германских черт и отрицать свидетельства письменных источников о расселении восточногерманских племен в части пшеворского ареала. Очевидно, нужно полагать, что на территории распространения пшеворской культуры наряду с венедами-славянами жило и германское население. Видимо, пшеворская культура объединила в себе элементы, связанные с различными этническими общностями. Эти элементы были в значительной степени сивелированы воздействием латенской и лровинциальноримской культур. Их нивелировке способствовало значительное территориальное смешение славянских и германских племен и неизбежная при этом метисация.

Вопрос о дифференциации пшеворских древностей на венедакие (славянские) и германские находится в самой начальной стадии изучения. Высказываемое в научной литературе предположение о принадлежности славянам-венедам восточных районов территории пшеворской культуры и о германском этносе носителей этой культуры в ее западной части пока остается не аргументированным [*Jankuhn H. Germanen und Slawen. — In: Berichte über den II Internationalen Kongress für Slawische Archäologie, Bd I. Berlin, 1970, S. 55 — 74.*].

Материальная культура племен, обитавших в пределах пшеворского региона, в целом была однородной. Очевидно, что пшеворское население пользовалось одинаковыми орудиями труда, предметами вооружения и бытовым инвентарем. Эти вещи, являясь продуктом ремесленного производства, не могут быть использованы для этнической характеристики носителей пшеворской культуры. Среди женских украшений пшеворских племен не было этноопределяющих. Население несмотря на этническую неоднородность пользовалось, видимо, однообразными украшениями и металлическими принадлежностями одежды, которые также не могут быть использованы для этнической дифференциации пшеворского населения.

Не исключено, что в дальнейшем, когда будут в достаточном числе и гіб всему региону пшеворской культуры исследованы поселения, удастся выявить её этнические компоненты по особенностям домостроительства. Но пока единственным источником для этой цели остаются могильники. Для этнической дифференциации весьма существенны мельчайшие детали погребальной обрядности. К сожалению, в распоряжении исследователей имеются лишь сведения по единичным могильникам, раскопанным в основном в последние десятилетия. Эти данные пока недостаточны для анализа этнической структуры пшеворских племен.

Пшеворские погребения, прежде всего, подразделяются на урновые и ямные (безурновые). Такое сочетание свойственно целому ряду археологических культур, в том числе и таким, моноэтничность которых не подлежит сомнению. Однако в последних вещевые материалы и керамика урновых и безурновых захоронений обычно не отличаются друг от друга: и те и другие более или менее равномерно рассредоточены по ареалам этих культур. Анализ же пшеворских урновых и ямных могил обнаруживает некоторые различия в их вещевых инвентарях и их неравномерное географическое распределение.

Так, сразу же обращают на себя внимание количественные различия сопровождающих вещей урновых и ямных погребений. Если урновые содержат, как

правило, самые различные предметы (оружие, бытовые вещи, украшения, принадлежности одежды, глиняные сосуды), то ямные обычно вообще безынвентарны или сопровождаются немногочисленными, порой единичными изделиями. Различаются они и по составу вещевого материал

Результаты сравнительного анализа урновых и ямных захоронений пшеворской культуры приведены в таблицах 3 и 4, в которые включены материалы шести наиболее исследованных могильников — Вымыслово Гостыньского повята [*Jasnosz S.* Smentarzysko z okresu pozno-latenskiego i rzymskiego w Wymyslowie, pow. Gostyn. — In: *Fontes praehistorici Posnanienses*, II, 1952, s. 1 — 284.], Домарадзице Равичского повята [*Kostrzewski B.* Smentarzysko z okresu pozno-latenskiego i rzymskiego w Domaradzicach, pow. Rawicz. — In: *Fontes archaeologici Posnanienses*, IV, 1954, s.143 — 274.], Карчевец Венгровского повята [*Dabrowska T.* Smentarzysko kultury przeworskiej w Karczewou, pow. Wesrow. — In: *Materialy starozvlne \ vvozesnosredniowieczne*, II. Wroclaw — Warszawa — Krakow — Gdansk. 1973. s. 383 — 531.], Конин одноименного повята [*Kostrzewski B.* Smentarzysko z okresu rzymskiego w Koninie (woj. Poznanski). — *Przeglad archeologiczny*, VII, 2, 1947, s. 192 — 294.], Млодзиковоповята, Сродского повята [*Dymaczewski A.* Smentarzysko z okresu rzymskiego w Mlodzikowie. pow. Sroda. — In: *Fontes archacologici Posnanieaiscs*, VIII — IX, 1958, s. 179 — 442.] и Хорула Крапковицкого повята [*Szydlowski J.* Smentarzysko z okresu wplywow rzymskich w Chhoruli, pow. Krapko-wice. Wroclaw — Warszawa — Krakow. 1964.].

Из таблиц 3 и 4 видно, что урновые захоронения характеризуются специфическими особенностями, почти не свойственными ямным погребениям. К числу таковых принадлежит обычай класть в могилу предметы вооружения. В рассматриваемых шести могильниках около трети урновых захоронений содержат оружие — копья, мечи, дротики, стрелы, умбоны (сюда же можно отнести и находки шпор, поскольку они в пшеворское время были принадлежностью воина-всадника), в то время как ямные погребения с оружием единичны. К тому же следует заметить, что ямные могилы, как правило, содержат единичные предметы вооружения — одно копьё, или обломки умбона, или шпоры, тогда как в урновых погребениях эти вещи часто встречаются комплексно — два копья, умбон, две шпоры.

Довольно характерны для урновых погребений также ножницы, кресала, замки и ключи. В ямных захоронениях многих пшеворских могильников, а также в могильниках, где господствуют безурновые погребения, эти вещи почти не встречаются.

Выделяются урновые захоронения и наличием сосудов-приставок. Свыше трети урновых погребений отмеченных шести могильников (табл. 3, 4) содержат по одному или несколько глиняных сосудов, поставленных видимо, с ритуальными целями.

Обычай сопровождать умершего заупокойной пищей, отражённый в находках костей птиц, оказывается характерным также для урновых захоронений. Так, в могильнике Хорула из 28 погребений с находками птичьих костей 26 были урновыми. Интересно, что в десяти из них найдены копья, в семи — умбоны, в четырёх — шпоры, в шести — ножницы, в пяти — кресала, в стольких же — замки, в четырёх — ключи. Очевидно, ритуал отражённый находками в погребениях костей птиц, характерен, прежде всего, для урновых захоронений с предметами вооружения и другими типичными для них вещами.

Таблица 3. Различия урновых и ямных погребений пшеворских могильников по вещевому инвентарю (количественно)

Таблица 3. Различия урновых и ямных погребений пшеворских могильников по вещевому инвентарю (количественно)

Тип погребения	Могильники	Вещевой инвентарь									
		Без инвентаря	С сосудами-стаканами	С мечами	С копьями	С дротиками и стрелами	С уборами	Со шпорами	С поясами	С креслами	С пряжками
Урновые	Вымыслово	8	35	2	15	1	4	3	6	4	9
	Домарадице	1	12	3	9	0	7	4	6	2	5
	Карчевец	2	6	0	2	1	1	0	0	0	0
	Копни	9	12	0	7	2	4	1	0	0	5
	Млодзиково	9	56	3	26	2	8	6	9	13	19
	Хорула	6	9	0	38	8	24	14	28	20	14
	Итого:	35	130	8	97	14	48	28	49	39	52
Ямные	Вымыслово	100	4	0	5	0	4	2	3	1	0
	Домарадице	66	0	0	5	1	2	1	1	0	2
	Карчевец	88	4	1	8	0	0	2	0	0	0
	Копни	9	0	0	3	0	0	0	0	0	1
	Млодзиково	60	9	0	3	0	4	4	0	6	3
	Хорула	15	0	0	4	1	2	2	0	2	0
	Итого:	338	17	1	28	2	12	11	4	9	6

Таблица 4. Различия урновых и ямных погребений пшеворских могильников по вещевому инвентарю (в %)

Таблица 4. Различия урновых и ямных погребений пшеворских могильников по вещевому инвентарю (в %)

Типы погребений	Могильники	Безвещные	С сосудами-приманками	С оружием	С позвонками	С иглами	С заклепками и кнопками
Урновые	Вымыслово	9,9	40,7	24,7	7,4	4,9	13,6
	Домарадице	3,3	40,0	36,7	20,0	6,7	16,7
	Карчевец	18,2	54,5	18,2	—	—	—
	Копли	18,4	24,5	16,3	—	—	16,3
	Млодзихово	8,5	52,4	27,4	5,7	8,5	26,4
	Хорула	6,0	9,0	47,0	28,0	20,0	16,0
	Итого:	9,3	34,5	30,5	13,0	10,3	18,0
Ямные	Вымыслово	49,0	2,0	4,4	1,5	0,5	0
	Домарадице	52,0	0	6,3	0,8	0	2,4
	Карчевец	54,2	2,5	5,0	—	—	—
	Копли	24,3	0	8,1	—	—	8,1
	Млодзихово	36,8	5,5	6,1	2,4	0	6,8
	Хорула	35,7	0	14,3	0	4,8	9,5
	Итого:	46,0	2,3	6,1	0,5	1,2	2,6

Различие урновых и ямных захоронений в шести пшеворских могильниках наглядно иллюстрирует график (рис. 9).

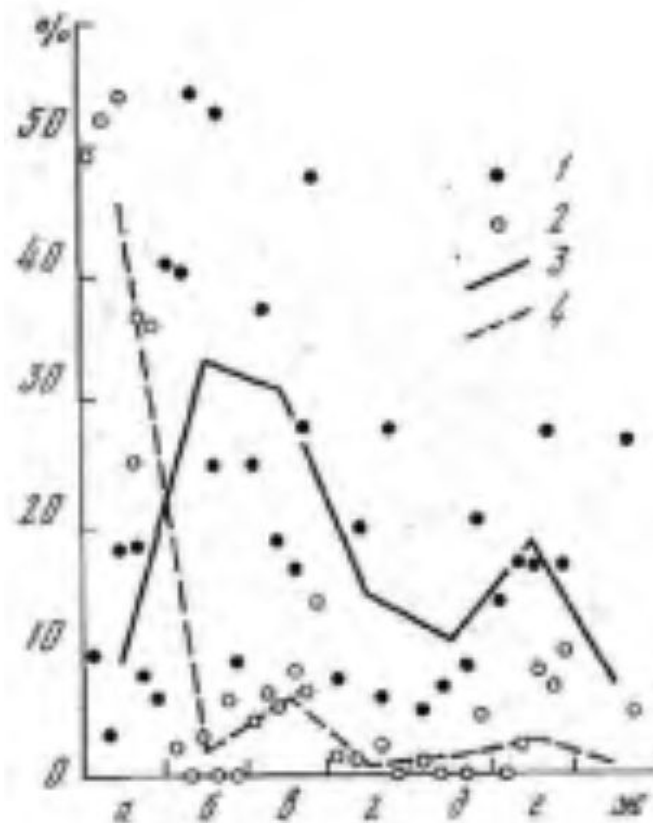

Рис. 9. График распределения урновых и ямных погребений шести могильников пшеворской культуры (Вымыслово, Домараdziце, Карчевец, Конин, Млодзиково, Хорула)

- 1 — урновые могилы,**
- 2 — ямные могилы,**
- 3 — средняя урновых погребений,**
- 4 — средняя ямных захоронений.**
- а — безынвентарные погребения,**
- б — могилы с сосудами-приставками,**
- в — могилы с оружием,**
- г — могилы с ножницами;**
- д — могилы с кресалами;**
- е — могилы с замками и ключами;**
- ж — могилы с костями птиц.**

Аналогичное различие урновых и безурновых погребений выявляется и при анализе других могильников пшеворской культуры. В могильниках состоящих целиком из ямных захоронений, предметы вооружения, ножницы, кресала, ключи, замки и глиняные сосуды-приставки обычно не встречаются или попадают как редкое исключение. Так, в могильнике римского времени в Грудзицах, где все исследованные захоронения были безурновыми, такие предметы не обнаружены вовсе [Godlowski K. Cmentarzysko z okresu wplywow rzymskich w Grudziaczach w pow. Opolskim. — Przegląd archeologiczny, XVI, 1964, s. 154 — 162.]. Предметы характерные для урновых погребений, иногда отсутствуют и в могильниках, в которых ямные захоронения составляют свыше 90% (например, могильник Щитно, где на 40 исследованных погребений приходится 38 безурновых) [Miskiewicz J. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w miejscowosci Szczytno pow. Wroclawek. — In: Materiały starożytne, V. Warszawa, 1959, s. 259 — 289.].

Выявляемое различие урновых и ямных захоронений пшеворской культуры могло бы быть объяснено какими-либо иными, неэтнографическими обстоятельствами, если бы не анализ лепной керамики. Изготовленная без помощи гончарного круга глиняная посуда имеет первостепенное значение для этнической дифференциации пшеворской культуры.

Корреляция определенных форм глиняной посуды с урновыми и ямными захоронениями непосредственно не может быть установлена, так как ямные погребения, как правило, не содержат целых сосудов. Фрагменты же керамики, сопутствующие как урновым, так и ямным погребениям и отражающие определенный ритуал погребальной обрядности, не могут быть использованы для этих целей. Поэтому типы лепной посуды здесь рассматриваются в связи с присутствием или отсутствием предметов вооружения, ножиц, ключей и замков, т. е. вещей, характерных для урновых погребений.

Таблица, составленная по материалам пшеворского могильника Спицымеж [Kietlinska A., Dabrowska T. Cmentarzysko z okresu wplywow rzymskich w wsi Spicymierz, pow. Turek. — In: Materiały starożytne, IX. Wrocław — Warszawa — Kraków. 1963, s. 143 — 254.] и проверенная по данным других кладбищ (рис. 10), определенно показывает, что захоронениям с предметами вооружения и другими вещами, характерными для урновых погребений, свойственны в основном сосуды трёх типов. Это, во-первых, округлобокие горшки с наибольшим расширением посередине высоты и примерно равными по диаметру дном и горлом; во-вторых, биконические горшки, с наибольшим диаметром также в средней части и равными по диаметру горлом и дном; в-третьих, миски с ребристым профилем, поддоном и ушками. Наоборот, для захоронений, не сопровождаемых оружием и другими предметами, свойственными урновым могилам, характерны иные формы лепных сосудов. Это, во-первых, сравнительно высокие горшки с наибольшим расширением в верхней трети их высоты, с усеченноконическим туловом и слабопрофилированным венчиком. Сразу же

можно отметить, что по форме и пропорциям такие сосуды очень сходны со славянскими горшками VI — VII вв., получившими название керамики пражского типа. Во-вторых, это невысокие, относительно широкие сосуды, опять-таки с наибольшим расширением в верхней трети, усеченноконическим туловом и почти цилиндрическим верхом. Они также напоминают славянские горшки более позднего времени.

Количество захоронений	В том числе с оружием (в %)	Типы сосудов
13	8 61,5%	
12	7 58,3%	
19	13 68,4%	
25	2 8%	
33	5 15,1%	

Рис. 10. Типы лепной керамики могильника Спицымеж и их встречаемость в могилах с оружием.

В пшеворских могильниках и на поселениях горшки, близкие к сосудам пражского типа, встречаются нередко. Они бытовали в течение всего периода существования этой культуры. Аналогичные по форме сосуды очень характерны для культуры подклошовых погребений. Очевидно, рассматриваемая пшеворская керамика продолжает традиций глиняной посуды культуры подклошовых захоронений. С другой стороны, из этой пшеворской посуды развилась славянская керамика пражского типа, о чем пойдет речь ниже.

На основе анализа лепной керамики можно уверенно говорить об этнографическом своеобразии пшеворских погребений с оружием. Поскольку эти погребения обычно бывают урновыми, нужно полагать, что выявленное выше различие между урновыми и ямными захоронениями отражает биэтничность пшеворского населения.

Возникающие по этому поводу сомнения снимает картография урновых и ямных захоронений пшеворской культуры. Картирование погребений этих типов выявляет в пшеворском ареале два региона (рис. 11): восточный, или Висленский (рис. 12), в котором господствуют могильники с заметным преобладанием ямных захоронений, и западный, или Одерский (рис. 13), где большинство составляют могильники преимущественно с урновыми захоронениями. Вполне понятно, что какое-то число могильников с преобладанием ямных захоронений есть и на среднем Одере и, наоборот, могильники с урновыми погребениями попадают в Повисленье. Очевидно, жесткой границы между намечаемыми этнографическими группами внутри пшеворской территории не могло быть.

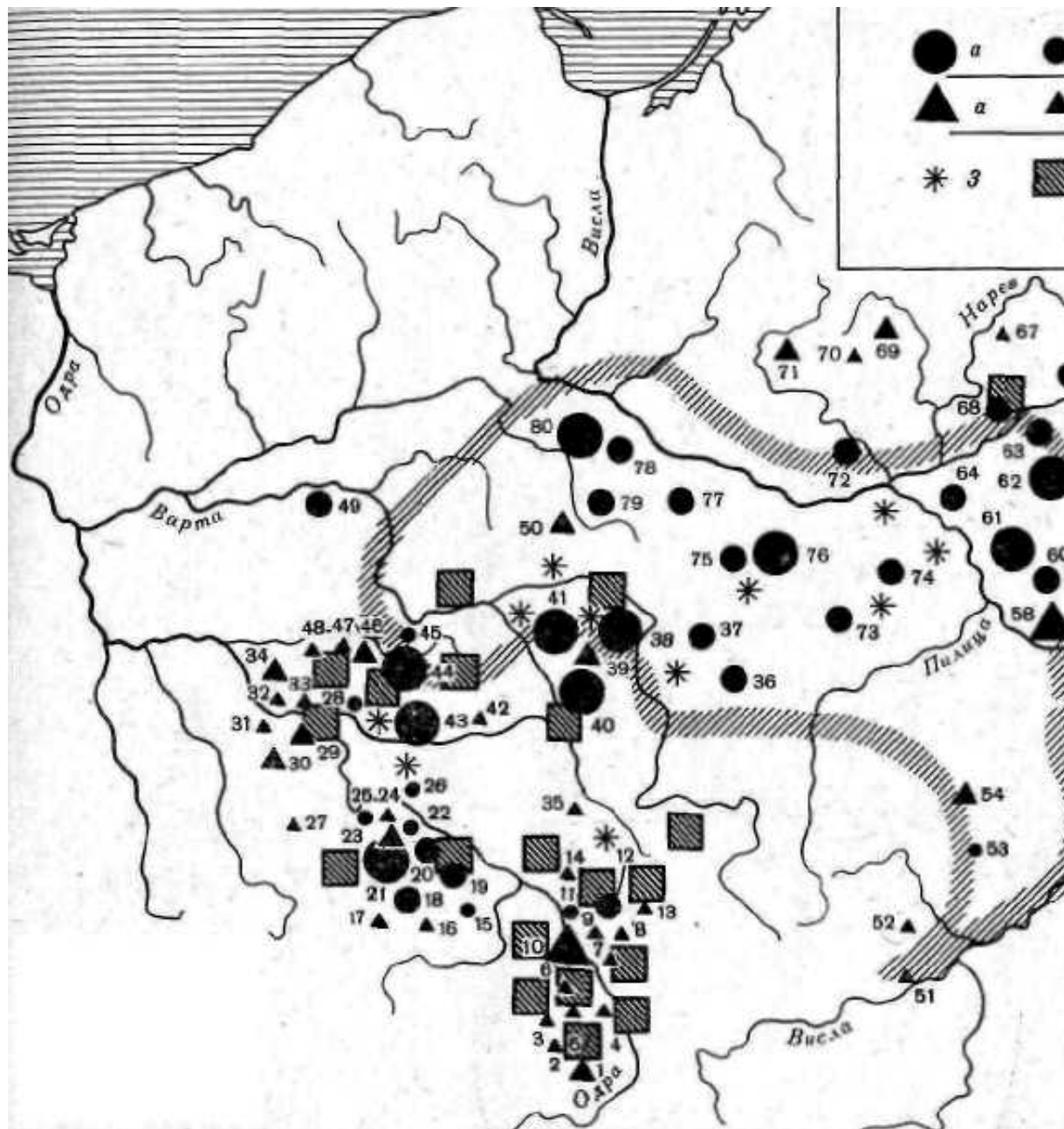

Рис. 11. Два региона пшеворской культуры

- 1 — могильники с преобладанием (более 60%) ямных захоронений:**
 - а — исследовано свыше 50 погребений;**
 - б — исследовано от 10 до 50 погребений,**
 - в — исследовано до 10 погребений (могильники с единичными раскопанными погребениями не картированы);**
- 2 — могильники с преобладанием (более 60%) урновых захоронений (значения а, б, в — те же);**
- 3 — могильники, в которых найдены урны — прототипы первой группы славянской керамики VI — VII вв.;**
- 4 — могильники с находками костей птиц в захоронениях;**
- 5 — ареал культуры подклошковых погребений**

- 1 — Кетж;**
- 2 — Нова Церква;**
- 3 — Лисице;**

- 4 — Реньска Вєсь;
- 5 — Грудына Мала;
- 6 — Глуб-цице;
- 7 — Гоголин-Стжебнюв;
- 8 — Калиновице;
- 9 — Стжебнюв;
- 10 — Хорула;
- 11 — Грудзице;
- 12 — Избицко;
- 13 — Шумишув;
- 14 — Шчедзык;
- 15 — Гродзешовице;
- 16 — Клокочице;
- 17 — Иор-данов Шленски;
- 18 — Яксонув;
- 19 — Собоциско;
- 20 — Жерники Бельки;
- 21 — Нова Вєсь Вроц-лавєка;
- 22 — Казанув (Вроцлав);
- 23 — Опорув (Вроцлав);
- 24 — Страховице;
- 25 — Любянж;
- 26 — Кобылице;
- 27 — Нова Вєсь Легницка;
- 28 — Вансош;
- 29 — Носоцице;
- 30 — Данковице;
- 31 — Глогув,
- 32 — Богомице;
- 33 — Сербы;
- 34 — Котла;
- 35 — Цецежин;
- 36 — Залєв;
- 37 — Лежницы Бельки;
- 38 — Спицымеж;
- 39 — Жезав;
- 40 — Задовице;
- 41 — Вєсульки,
- 42 — Коможно;
- 43 — Домарадзице;
- 44 — Вымыслово;
- 45 — Пышанц;
- 46 — Нацлав;
- 47 — Чаньча;
- 48 — Кокочин;
- 49 — Слопаново;
- 50 — Лахмировице;
- 51 — Гняздовице;
- 52 — Кавчице;
- 53 — Пєстжец;
- 54 — Страховице;

- 55 — Гаць;
- 56 — Копки;
- 57 — Ящув;
- 58 — Масув;
- 59 — Клочев;
- 60 — Нецеплин;
- 61 — Осецк;
- 62 — Карчевец;
- 63 — Стара Весь;
- 64 — Кавенчин;
- 65 — Гриневиче;
- 66 — Брулино-Коски;
- 67 — Росткы;
- 68 — Тухлин;
- 69 — Пястув;
- 70 — Славогура;
- 71 — Ксензы Двур,
- 72 — Дроздово;
- 73 — Доморадзин;
- 74 — Гродзиск Мазовецкий;
- 75 — Здуны;
- 76 — Белавы-Лубы;
- 77 — Щитно;
- 78 — Адольфин;
- 79 — Пиотркув;
- 80 — Бодзаново.

Рис. 12. Могильник Спицымеж. Предметы из погребений, характерных для восточного региона пшеворской культуры

- 1 — погребение 115;
- 2—8 — погребение 138;
- 9—11 — погребение 129;
- 12 — погребение 190;
- 13—19 — погребение 175;
- 20, 21 — погребение 191.

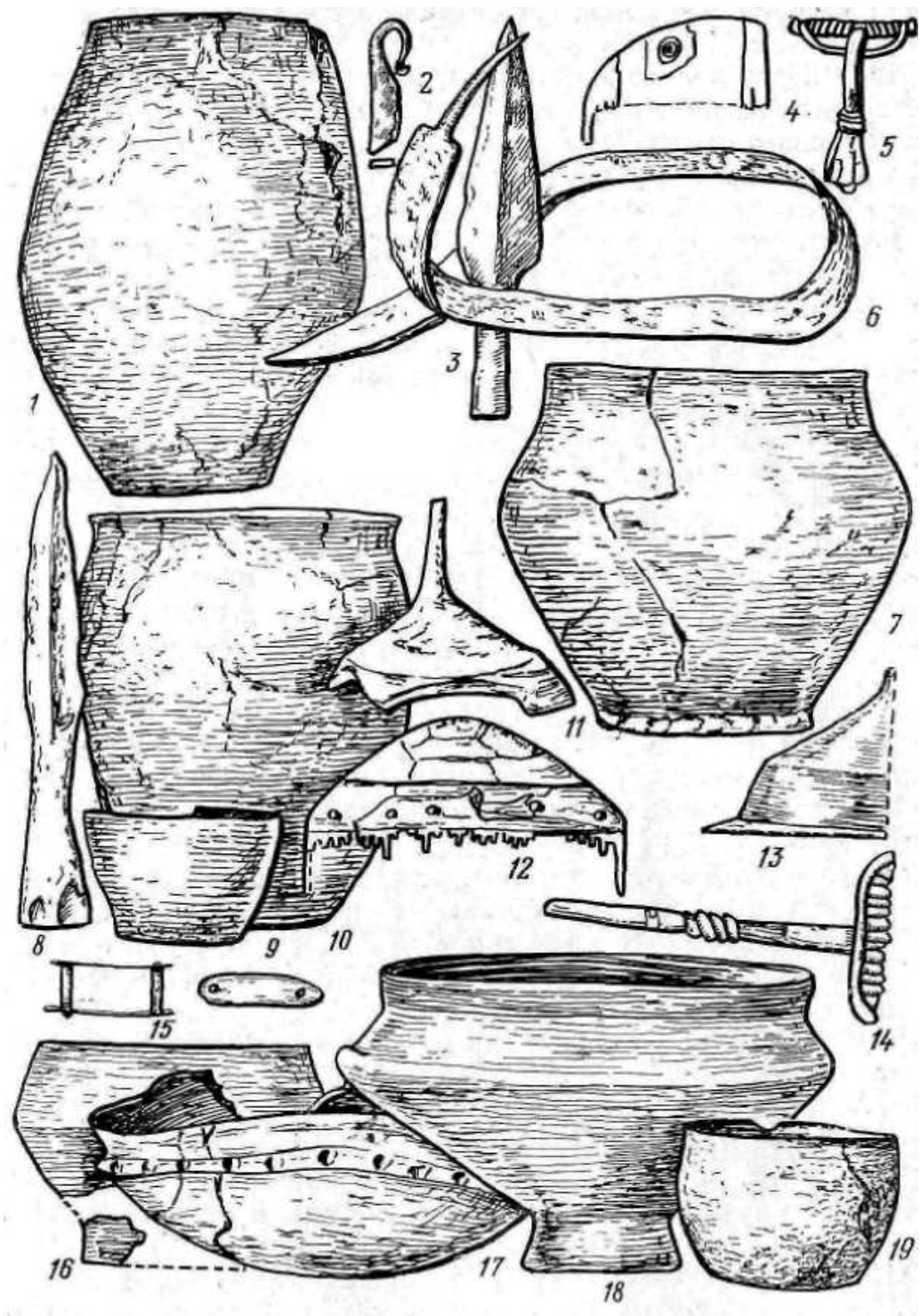

Рис. 13 а.

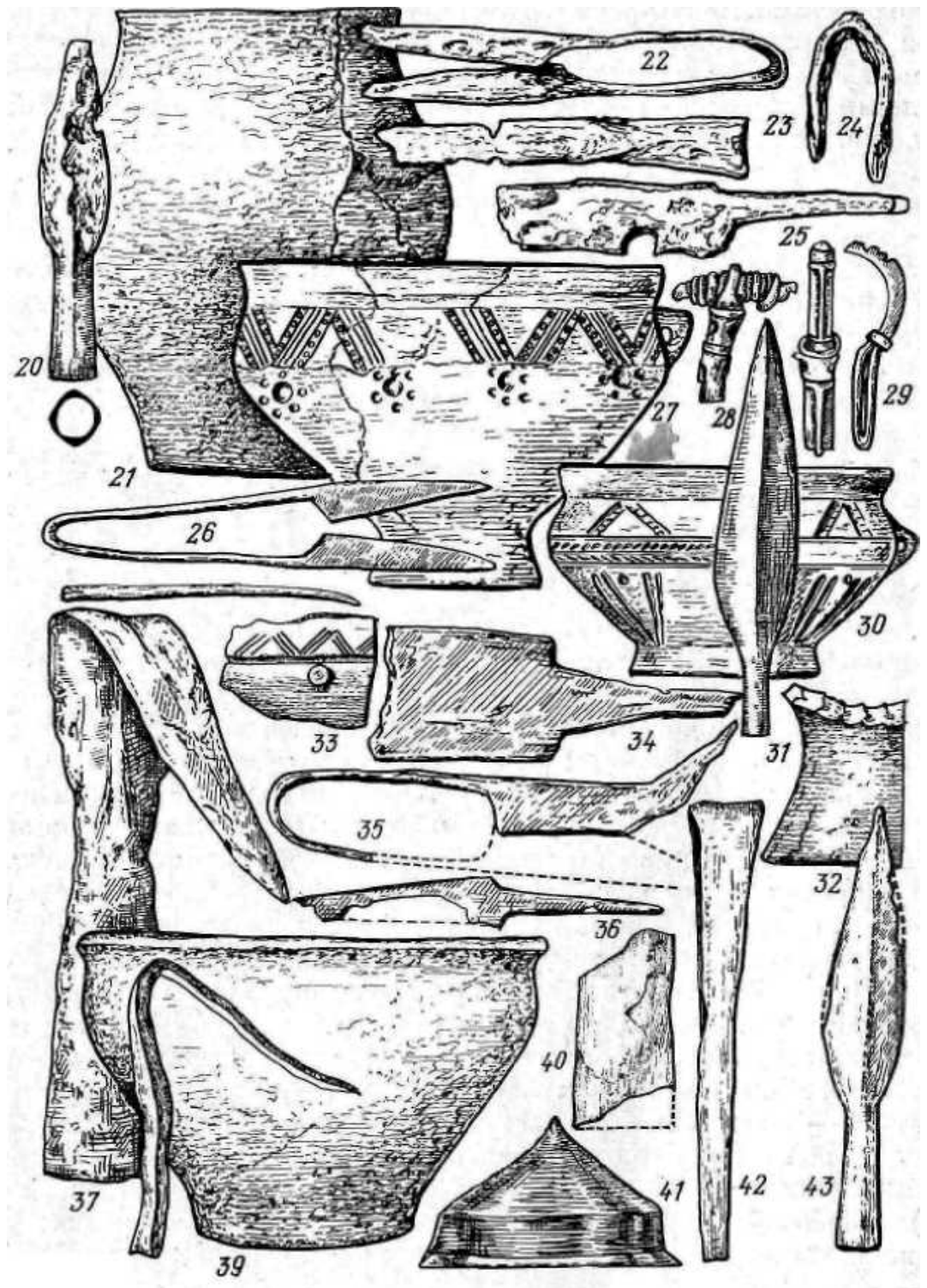

Рис. 13 б.

Рис. 13 а, б. Могильник Спицымеж. Предметы из погребений, характерных для западного региона шеворской культуры

- 1—3 — погребение 38;
- 4—7 — погребение 50;
- 8—12 — погребение 79;
- 13—19—погребение 107;
- 20—25 — погребение 223;

26—29 — погребение 224,
30—32 — погребение 226;
33—43 — погребение 274.

Правомерность выделения двух этнографических регионов в пшеворской культуре подкрепляют следующие наблюдения. Свыше 95% могил с находками птичьих костей, отражающих важный для этнографии ритуал, принадлежат Одерскому региону. В этом же регионе находится свыше 80 % погребений, в которых отмечен ритуал вбивания в дно могильной ямы или в содержимое погребальной ярыны оружия или орудий труда. Почти все пшеворские захоронения с камнем над погребением расположены в пределах западного региона.

Членение территории пшеворской культуры на западный и восточный регионы подтверждается картографией ряда вещевых находок. Так, основная масса широких железных фибул с цилиндрическими головками, имеющих аналогии в германских древностях, происходит из западного региона [*Tejral J.* K interpretaci severovychodnich prvku..., s. 201, obr. 6.]. Преимущественно с этим регионом связаны и находки бронзовых изделий, происходящих из Нижнего Повисленья [*Tejral J.* K interpretaci severovychodnich prvku..., s. 204, obr. 7.]. Только в западном регионе встречены специфически германские привески (Kapfe lanhanger) [*Kleemann O.* Zwei ostgermanische Kapfelanhanger aus Glogau und die Verbreitung der Kapfelanhanger. — In: Altschlesien, Bd 8. Breslau, 1939, S. 76 — 85, Abb. 10.].

Восточный регион пшеворской культуры характеризуется широким распространением лепной керамики, близкой по форме славянским сосудам пражского типа. Здесь эта керамика обычна не только в могильниках, но сравнительно часта и на поселениях.

Существенно и то, что восточный регион пшеворской культуры целиком находится в пределах территории распространения культуры под-клошковых погребений и, очевидно, сформировался на основе последней. Наоборот, западный регион пшеворской культуры лежит главным образом за пределами культуры подклошковых погребений, видимо, его сложение происходило в иных условиях. Отмеченные выше особенности Одерского региона — ритуал вбивания в дно могильной ямы острых или колющих предметов, ритуал, связанный с находками костей птиц в захоронениях, и др. — никак не связаны с обрядностью культуры подклошковых погребений.

Со славянской культурой раннего средневековья эволюционно связываются пшеворские древности Висленского региона. Преемственность устанавливается как по формам лепной керамики, так и по погребальной обрядности. Еще Л. Нидерле показал, что славянские захоронения средневековья, в отличие от погребений соседних племен — балтских, финно-угорских и др., безынвентарны или сопровождаются единичными вещами, поврежденными на погребальном костре. Предметы вооружения, орудия труда, глиняные сосуды-приставки не свойственны славянским захоронениям. Именно таковы и многие пшеворские погребения восточного региона.

Ряд особенностей западного региона пшеворской культуры обнаруживает параллели в достоверно германских древностях, что наряду со свидетельствами письменных источников позволяет говорить о принадлежности значительной части пшеворского населения бассейна Одера восточным германцам.

В связи с предлагаемой дифференциацией пшеворской культуры необходимо сделать одну оговорку. Выявляемые различия урновых и ямных погребений и их неравномерное распределение по территории не дают оснований рассматривать присутствие или отсутствие урны в захоронениях в качестве этноопределяющего признака. Ни в коем случае нельзя все урновые захоронения считать германскими, а безурновые — славянскими.

Безусловно, что среди ямных захоронений пшеворских могильников немало неславянских и, наоборот, какая-то часть урновых могил оставлена славянами. К тому же совместное и длительное проживание двух этнических групп на одной территории вело к метисации населения. В пшеворском ареале славяне и германцы жили не изолированно друг от друга. Очевидно, здесь имелись и общие славяно-германские поселения, следствием чего было двуязычие в отдельных местах. В результате брачных связей этнографические признаки нивелировались. Археология пока еще не может выявить детали процесса взаимодействия двух этнических групп в течение многих поколений. В этих условиях было бы нецелесообразно определять этническую принадлежность каждого индивидуального пшеворского погребения. Дифференциация пшеворских древностей позволяет говорить лишь о наличии в этой культуре двух этнических компонентов и о различной их концентрации в Висленском и Одерском регионах.

Хронологически пшеворская культура соответствует среднему этапу развития праславянского языка (по периодизации Ф. П. Филина). Как уже отмечалось, этот этап характеризуется серьезными фонетическими изменениями и эволюцией в грамматике языка славян, что, по всей видимости, явилось результатом тесного взаимодействия славян с другим этносом.

Лексические материалы свидетельствуют, что именно в это время (судя по фонетическим особенностям) славянский язык пополнился значительным числом германских терминов. Таковы, в частности, *kъnezь* ('князь'), *chleбъ* ('печеный хлеб'), *котъль*, ('котёл'); *bl'udo* ('блюдо'); *купити* ('купить'), *chlevъ* ('хлев'), *selтмъ* ('шлем'), *хълмъ* ('холм'), *хоса* ('разбой'), *dъlgъ* ('долг'), *месъ* ('меч'), *осъль* ('осёл') и многие другие [*Kiparski V. Die gemeinславischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934; Бернштейн С. В. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 95 — 99; Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.— Л., 1962, с. 104, 137.]. Таким образом, языковедение позволяет утверждать, что наиболее тесными в то время были славяногерманские связи [Г. Шевелов утверждает, что результатом контакта славян с германцами было не только проникновение в славянский язык германской лексики, но и фонологическое воздействие на славянский язык (Shevelov G. A Prehistory of Slavic. N. Y., 1965, p. 617 — 619).].*

Независимо от лингвистики археология привела нас к тем же, но более конкретным историческим выводам.

Зарубинецкая культура

Трудно сказать, как далеко на восток от Повисленья простиралась славянская территория в период позднего латена. Не исключено, что она достигала Среднего Поднепровья. Рядом с пшеворским ареалом в Припятском Полесье и в прилегающих к нему среднеднепровских землях в конце II в. до н. э. формируется зарубинецкая культура (рис. 8), по-видимому, имеющая непосредственное отношение к славянскому этногенезу.

Сводное исследование по зарубинецким древностям выполнено Ю. В. Кухаренко [*Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура. — САИ, вып. Д1-19, 1964.]. На основе строгого анализа материалов исследователю удалось очертить область расселения собственно зарубинецких племен и датировать их памятники временем от конца II в. до н. э. до начала II в. н. э. Зарубинецкие древности Киевского Поднепровья позднее были проанализированы Е. В. Максимовым [*Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972.].**

Поселения зарубинецкой культуры принадлежат к числу неукрепленных. Некоторые из них располагались на труднодоступных возвышенностях, другие — в открытых, низких местах. Материалов, чтобы судить о размерах и планировке селищ,

пока очень мало. По-видимому, распространенным типом жилища были небольшие наземные дома (от 4x4 до 4x6 м) столбовой конструкции с открытыми очагами. Для поселений среднеднепровского региона характерны слегка углубленные в землю жилые постройки с очагом или печью в центре. В Полесье встречаются также небольшие четырехугольные полуземлянки с глинобитными очагами.

Могильники зарубинецкой культуры бескурганые. Захоронения устраивались в сравнительно неглубоких, обычно овальных, реже — круглых в плане ямах. Обряд погребения — трупосожжение. Наиболее распространены ямные захоронения, в которых остатки кремации ссыпаны в кучку или разбросаны по дну ямы. Сравнительно небольшой процент составляют урновые захоронения в округлых ямах. Редким исключением являются трупоположения, обнаруженные лишь в единичных зарубинецких могильниках. Погребения с трупосожжениями обычно содержат различные предметы — глиняные сосуды, фибулы, булавки и другие детали одежды или украшения, изредка попадаются орудия труда, бытовые предметы или оружие.

Согласно положениям Ю. В. Кухаренко, истоком формирования зарубинецкой культуры были культуры поморская и подклошовых погребений Повисленья. Зарубинецкая культура возникла как ответвление поморской, в результате расселения носителей последней на юго-восток. Первоначально поморские племена появились в западной части Принятского Полесья, где среди древностей есть достоверно поморские элементы, и оттуда распространились на восток, в области Среднего и частично Верхнего Поднепровья [*Кухаренко Ю. В.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры.— СА, 1960, № 1, с. 289 — 300.].

П. Н. Третьяков, возражая Ю. В. Кухаренко, показал, что припят-ская группа зарубинецких памятников не старше днепровских, поэтому последние не могут быть выведены из полесских древностей [*Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.— Л., 1966, с. 214, 215.]. Однако это правильное замечание П. Н. Третьякова не может служить аргументом для отрицания участия поморского населения в генезисе зарубинецкой культуры. Видимо, ближе к истине подходит Д. А. Мачинский, который, заново изучив все стороны проблемы происхождения зарубинецкой культуры, пришел к выводу о сложении трех локальных групп зарубинецкой культуры (припятской, среднеднепровской и верхнеднепровской) не путем постепенного расселения ее носителей, а за счет притока населения из разных регионов поморской культуры и культуры подклошовых погребений. Исследователь полагает, что миграция из различных районов Повисленья происходила несколькими путями [*Мачинский Д. А.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры.— КСИА, 107, 1960, с. 3 — 8.].

Вместе с тем несомненно участие местного населения в генезисе зарубинецкой культуры. Зарубинецкая культура в значительной части сформировалась на территории, принадлежавшей племенам милоградской культуры. П. Н. Третьяков и О. Н. Мельниковская, занимавшиеся вопросом о взаимоотношениях милоградских и зарубинецких древностей, настаивали на отсутствии генетической преемственности между ними [*Третьяков П. Н.* Моховское второе городище.— КСИА, 81, 1960, с. 43 — 48; *Мельниковская О. Н.* О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии (по материалам раскопок Милоградского городища).— СА, 1963, № 1, с. 32 — 41.].

Однако на Гомельщине обнаруживаются особенности, свойственные как милоградской, так и зарубинецкой культурам и объяснимые только сосуществованием их носителей на одной территории, в результате чего племена милоградской культуры были ассимилированы.

Ещё более отчетливо роль местного (очевидно, скифского) населения в сложении зарубинецкой культуры проявляется в среднеднепровских областях. Как показал Е. В. Максимов, здесь местными по происхождению оказываются нелощеная керамика, составляющая большую часть находок на поселениях, домостроительство и

отдельные детали погребального обряда [*Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры, с. 116—129.].

В итоге можно считать, что формирование зарубинецкой культуры явилось результатом взаимодействия пришлых племен — носителей поморской культуры и культуры подклошовых погребений, принесших сюда латенские культурные традиции, с местным населением — милоградски-ми племенами на севере и скифскими — на юге.

Поскольку в сложении зарубинецкой культуры, как и в генезисе пшеворской, участвовали поморско-подклошовые племена, то можно утверждать, что зарубинецкое и пшеворское (или часть его) население было родственным в этноязыковом отношении. Однако отождествлять на этом основании все зарубинецкое население со славянами было бы преждевременным. Судя по культурным остаткам, активность местного и пришлого населения в разных частях зарубинецкой территории была весьма различной. Так как зарубинецкая культура сложилась в основном в ми-лоградском ареале, принадлежавшем балтам, то не исключена ее балтская атрибуция. Ведь поморская культура в Нижнем Повисленье также связана с окраинными балтами или балто-славянами. Поэтому представляется вероятным, что зарубинецкие племена принадлежали к отдельному диалекту, занимавшему, в некоторой степени, промежуточное положение между славянским языком и очень близкими к нему западнобалтскими говорами. В зависимости от обстоятельств они могли стать и балтами, и славянами.

Формировавшаяся во II в. н. э. черняховская культура, характеристике которой посвящен следующий раздел, охватила южную часть зарубинецкого ареала. Здесь потомки зарубинецких племен, очевидно, приняли участие в генезисе славянского ядра Черняховского населения.

Севернее Черняховского ареала судьба зарубинецкого населения была иной. Еще в начале нашей эры носители зарубинецкой культуры постепенно начали расселяться в поречье Десны, среди юхновского населения. А на рубеже I и II вв. н. э. сюда направляется значительная масса зарубинецкого населения. Во всех полесских и среднеднепровских могильниках зарубинецкой культуры в это время перестают хоронить. Влияние зарубинецкой культуры на севере достигает окрестностей Смоленска и охватывает бассейны Десны, Сожа и могилевского течения Днепра.

В результате взаимодействия зарубинецкого населения с местным в Верхнем Поднепровье складывается несколько культурных группировок. Культура деснинских поселений с зарубинецкими элементами названа А. К. Амброзом почепской [*Амброз А. К.* К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. — СА, 1964, № 1, с. 56 — 71.]. На Днестре синхронные памятники обычно именуются древностями типа Абидни, а в верховьях Сожа — культурой типа среднего слоя Тушемли. Во многом близки к верхнеднепровским и деснинским поселениям позднезарубинецкие памятники северных районов Среднего Поднепровья. Это пойменные памятники типа Казаровичей. Днепровские древности II — V вв. н. э., сформировавшиеся при значительном воздействии зарубинецкой культуры, обычно объединяются общим названием «позднезарубинецкая культура» [*Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге, с. 220 — 239; Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.].

Со II — III вв. н. э. зарубинецкие элементы появляются и в древностях бассейна верхней Оки. Очевидно, потомки зарубинецкого населения из Подесенья расселились далее в северо-восточном направлении. В результате их взаимодействия с местным балтским населением в бассейне верхнего течения Оки формируется мощинская культура.

П. Н. Третьяков и его сторонники утверждают, что зарубинецкая культура оставлена славянами. Расселение носителей зарубинецкой культуры в северо-восточном направлении, по мнению этих исследователей, отражает процесс славянизации верхнеднепровских областей, ранее принадлежавших балтам. Носителями

поздnezарубинецкой культуры были славяне — потомки зарубинецких племен и славянизированное местное население. В последних работах П. Н. Третьякова исключение делается только для мощинской культуры. На верхней Оке, как утверждает П. Н. Третьяков, расселившиеся потомки зарубинецких племен оказались ассимилированы местным балтским населением [*Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге, с. 190 — 239; *он же* У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 27 — 71.].

Между тем, как известно, культурная ассимиляция далеко не всегда совпадает с этноязыковой. Результаты этнического взаимодействия зарубинецкого населения с верхнеднепровскими балтами во всех деталях пока не могут быть выяснены. Однако поздnezарубинецкие древности и эволюционирующие из них древности третьей четверти I тысячелетия н. э. типа Тушемли — Банцеровщины — Колочина не обнаруживают преемственности с верхнеднепровскими, достоверно славянскими памятниками VIII — X вв. Отсюда следует, что поздnezарубинецкие древности Верхнего Поднепровья на основе археологии нужно считать дославянскими, а согласно материалам гидронимики — балтскими.

Очевидно, нужно полагать, что расселение зарубинецких племен в северо-восточном направлении не внесло коренных изменений в этноязыковую ситуацию верхнеднепровских и верхнеокских земель. Зарубинецкие племена, в диалектном отношении в равной мере близкие как славянам, так и западным балтам, продвинувшись в области Верхнего Поднепровья и на Оку, дополнили балтское население этого края. Следы расселения зарубинецкого населения являются гидронимы западно-балтских типов, отчётливо выявляемые в левобережной части Верхнего Поднепровья и в Верхнеокском бассейне [*Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 42 — 48.].

ПРОДОЛЖЕНИЕ СМОТРИ — Черняховская культура

СЕДОВ Валентин Васильевич
Происхождение и ранняя история славян

Черняховская культура

Накануне формирования черняховской культуры этническая карта Юго-Восточной Европы выглядела следующим образом (рис. 14):

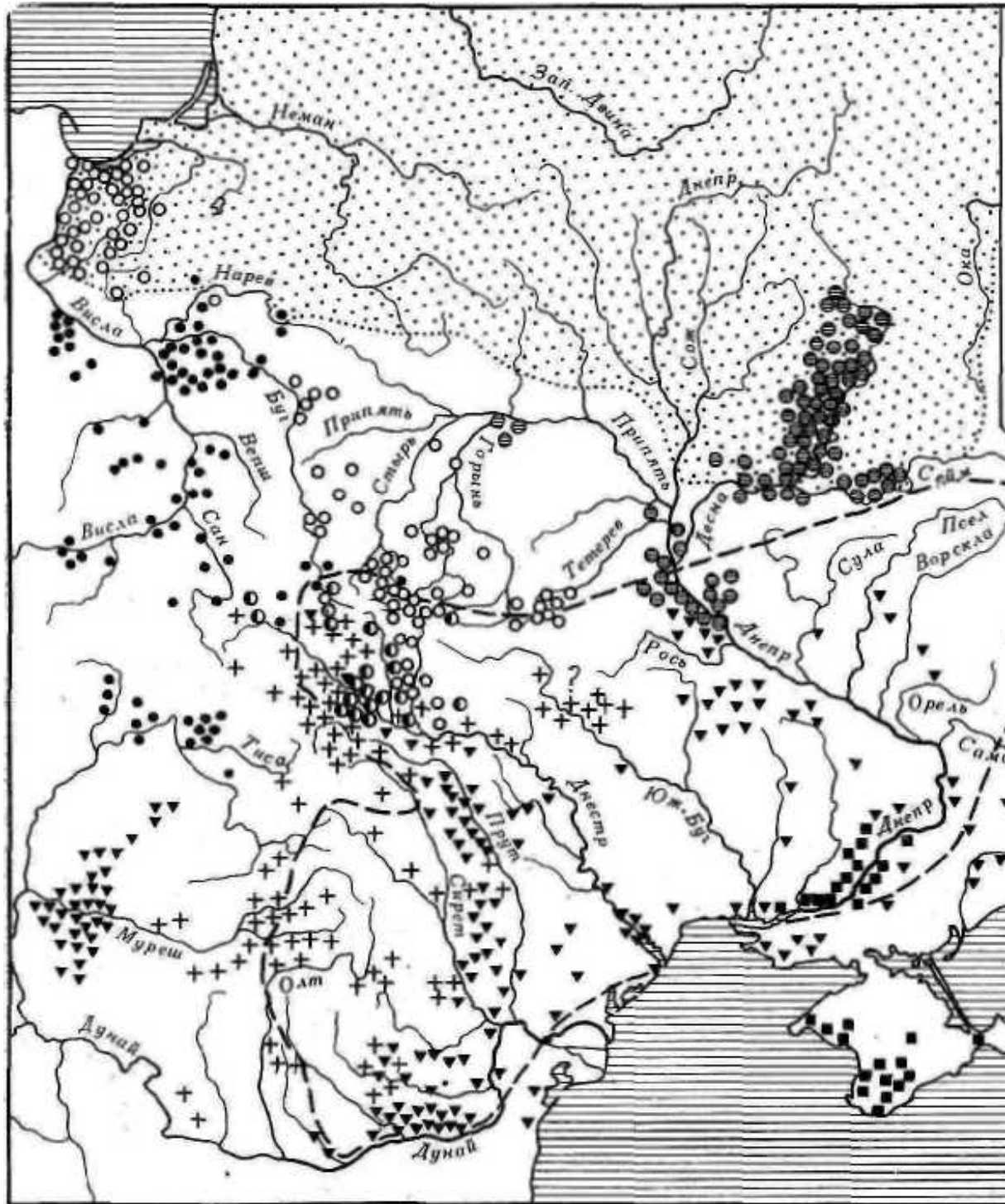

Рис. 14. Юго-Восточная Европа накануне сложения черняховской

культуры

- а — памятники пшеворской культуры;**
- б — памятники предположительно пшеворские;**
- в — во-восточнопоморско-мазовецкие памятники;**
- г — позднезарубинецкие памятники;**
- д — сарматские памятники первых веков нашей эры;**
- е — позднескифские памятники;**
- ж — фракийские памятники (поселения и могильники гето-дакские, карпские и культуры карпатских курганов);**
- з — ареал балтских племен (культуры восточнопрусская, штрихованной керамики, днепро-двинская, верхнеокская и юхновская);**
- и — общая граница черняховской культуры.**

Почти по всему будущему черняховскому ареалу, от нижнего Дуная па западе до донских и волжских степей на востоке, расселялись сарматы принадлежащие, как и скифы, к иранской языковой группе. В бассейне Днепра и в Поднепровье они занимали не только степные районы, но и лесостепь, ранее заселенную скифским населением. В низовьях Днепра и в Крыму обитали поздние скифы.

Лесные области Поднепровья с прилегающей к нему частью Волго-Окского междуречья, а также бассейны Немана и Западной Двины заселяли балты. Им, как уже говорилось, принадлежат и позднезарубинецкие древности Верхнего Поднепровья. Отдельную этническую группу, видимо, составляли остатки зарубинецкого населения в Припятском Полесье и на Киевщине.

Западными соседями сарматов были дако-карпские племена, относящиеся к фракийской языковой группе.

Начиная с первых веков нашей эры, в Верхнее Поднепровье проникают носители пшеворской культуры. К сожалению, фрагментарность материалов не позволяет определить, к какой группе — висленской или одерской — принадлежат пшеворские древности этой территории. Скорее всего пшеворское расселение в Поднепровье и на Волынь происходило из бассейна Вислы.

В западных районах Припятского Полесья и на Волыни во II в. н. э. появляются племена восточнопоморско-мазовецкой культуры. Носителями ее были готы и другие восточногерманские племена, среди которых были и иноплеменные жители Южной Балтики.

Черняховская культура формируется в основном на скифо-сарматской территории. Очевидно, однако, что ее нельзя рассматривать как результат эволюционного развития сарматской культуры. Представляется бесспорным и то, что сложение черняховской культуры не сопровождалось вытеснением или уничтожением местного ираноязычного населения. Не было и какого-либо хронологического разрыва между сарматской и черняховской культурами. В междуречье Днестра и нижнего Дуная сарматы появляются в I в. н. э., но основная масса их захоронений приходится на II — начало III в. н. э. Именно к этому времени относится здесь распространение черняховской культуры [Рикман Э. А. Вопрос датировки импортных вещей в памятниках племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья. — С А, 1972, № 4, с. 84 — 101.]. О непосредственном соприкосновении сарматских и черняховских племен свидетельствуют такие могильники, как Тыргшор [Diaconu G. Tirgisor. Necropola din secolele III — IV e. n. Bucuresti, 1965.], в которых есть захоронения того и другого населения.

В Поднепровье среди сарматских памятников имеются такие, которые определенно свидетельствуют о проживании здесь сарматов вплоть до Черняховского времени. Таковы, в частности, Журовка, где впускное сарматское погребение кургана 406 относится ко второй половине II — первой половине III в. н. э. [Бобринский А. А. Отчет о

раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губ. — ИАК, 14,1905, с. 29, 30.]; Петрик, где предметы из могилы, открытой в 1873 г., датируются временем от конца I до начала III в. н. э. [Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении.— ЗРАО, XI, 1-2, 1899, с. 261, 262.]; Цветна, где имеется погребение с вещами второй половины II — первой половины III в. н. э. [ОАК за 1896г., с. 88, 89.].

Поскольку вопрос о вкладе скифо-сарматского населения в черняхов-скую культуру, как будет показано далее, имеет непосредственное отношение к проблеме славянского этногенеза, его необходимо исследовать подробно.

Работы по этому вопросу немногочисленны. Впервые некоторые сарматские элементы в черняховских памятниках Поднепровья были описаны два десятилетия назад Ю. В. Кухаренко [*Кухаренко Ю. В.* К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях (по данным погребального обряда). — СА, XIX, 1954, с. 111 — 120.]. В то время и черняховские и сарматские древности Поднепровья и Северного Причерноморья были исследованы еще слабо, и незначительные сарматские особенности в черняховских могильниках были расценены как результат контакта черняховских племен, занимавших более северные территории, с сарматами, жившими преимущественно в степях.

В другой работе Ю. В. Кухаренко утверждал, что черняховская культура развилась из скифской. Генетическая связь их обосновывалась сходством погребальных обрядов, близостью керамических форм и совпадением территории. Черты отличия, по мнению Ю. В. Кухаренко, обусловило в основном воздействие провинциально-римской культуры [Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III — IX вв. М., 1958, с. 64 — 83.]. Напротив, Э. А. Сымонович, подчеркивая, что удельный вес скифских особенностей в материальной культуре Черняховского населения невелик, отрицал возможность развития ее из скифской [*Сымонович Э. А.* К вопросу о скифской принадлежности черняховской культуры.— СА, 1962, № 2, с. 39 — 49.]. К сожалению, исследователь сосредоточил внимание на различиях культур, оставив вне поля зрения элементы их сходства. Г. Б. Федоров рассмотрел этот вопрос на молдавских материалах и пришел к мысли о существенном вкладе сарматов в культуру черняховских племен. В частности, обряд ингумации в черняховской культуре, по его мнению, появился в результате сарматского влияния [*Федоров Г. Б.* О двух обрядах погребения в черняховской культуре (по памятникам Молдавии). — СА, 1958, № 3, с. 238 — 243.].

К настоящему времени по черняховской культуре собраны значительные материалы, позволяющие определенно решить вопрос о роли иранского компонента в ее развитии. В результате анализа черняховских древностей выявляются особенности, которые можно считать скифо-сарматскими по происхождению, поскольку ни одна из них не характерна для других археологических культур, участвовавших в формировании Черняховской.

К числу таких особенностей принадлежит, прежде всего, устройство в черняховских погребениях подбоев и земляных склепов. Подбойные могилы появляются еще в савроматское время и получают широкое распространение в прохоровской культуре [*Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, вып. Д1-10, 1963, с. 23.]. В Северном Причерноморье захоронения в подбоях представлены в сарматских могильниках последних веков до нашей эры и первых столетий нашей эры [*Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 220 — 244; *Махно Е. В.* Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці.— В кн.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. IX. Київ, 1960, с. 24 — 38; *Мелюкова А. И.* Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты, — СА, 1962, № 1, с. 195 — 208; *Фёдоров Г. Б.* Позднесарматский могильник у с. Криничное. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 248 — 253.]. По-видимому, под влиянием сарматов подбойные могилы появляются и в позднескифских могильниках

нижнего Днепра.

Погребения в земляных склепах в предчерняховское время получили распространение в позднескифских могильниках Нижнего Поднепровья и Крыма. Вход в склеп обычно закрывали вертикально поставленной каменной плитой, а входную яму заполняли камнями [*Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев, 1972.]. Подобное устройство могил выявлено и на некоторых черняховских кладбищах. Скифское происхождение таких могил, как и сарматское — подбойных, представляется бесспорным.

Труположения с согнутыми в коленях или скрещенными ногами, встречаемые в черняховских могильниках, обычны для сарматов на различных стадиях эволюции их культуры, начиная с савроматской [*Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья.— САИ, вып. Д1-9, 1963, с. 20, табл. V.] и кончая шиповским этапом [*Рикман Э. А.* Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья. — СЭ, 1966, № 1, с. 73; он же. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1976, с. 48; *Bichir Gh.* Les Sarmates sur le territoire de la Roumanie. — In: Actes du УШ Congres International des sciences prehistoriques et protohistoriques t. 1. Beograd, 1971, p. 277.]. Поэтому связь подобных черняховских захоронений с сарматским погребальным ритуалом представляется очевидной.

Отдельные труположения с перекрещенными или согнутыми ногами встречены также в немногочисленных могильниках римского времени в низовьях Вислы, на Готланде и в южной Швеции. Однако и здесь этот обряд скорее всего является отражением сарматского воздействия на культуру древних германцев [*Седов В. В.* Скифо-сарматское воздействие на культуру древних германцев Скандинавии и Южной Балтики.— В кн.: Тезисы докладов Шестой всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, ч. I. Таллин, 1973, с. 109.].

Обычай ссыпать в могилы раскаленные древесный уголь и золу отчетливо проявляется уже у савроматов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья [*Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, с. 20, табл. VI.]. В Северном Причерноморье он неоднократно зафиксирован в сарматских погребениях, относящихся к последним столетиям до нашей эры и первым векам нашей эры. Безусловно, наследием этого похоронного ритуала сарматов являются остатки костров, находимые чаще около головы или руки погребенного в черняховских могильниках.

Среди сарматских племен был распространен обычай класть в могилы пищу для «заупокойных трапез». В погребения прохоровской культуры помещали в основном куски туш баранов или овец, в редких случаях — части туши лошади. В сарматских погребениях северопричерноморских областей в качестве «заупокойной пищи» использовались также туши овец или баранов, реже в этих захоронениях встречаются кости лошади, ещё реже — кости крупного рогатого скота.

Подобный ритуал зафиксирован во многих могильниках черняховской культуры. В качестве жертвенных животных здесь также употребляли в основном мелкий рогатый скот. Свыше 70% захоронений, в которых отмечен этот обряд, содержали кости мелкого рогатого скота. В сравнительно немногих могилах обнаружены кости коровы или лошади, в единичных — кости свиньи [Так, в трёх черняховских могильниках Румынии (Тыргшор, Спанцов, Лунка) раскопано 34 погребения с костями жертвенных животных. Из них в 25 захоронениях (73,5%) встречены овечьи кости, в шести — кости быка и в четырех — кости свиньи (*Bolomey Alexandra.* Ofrande animale in necropole din secolul al IV-lea e. n. — Studii si cercetari de antropologie, 1967, N 1, p. 25 — 36).].

Состав животных, используемых для заупокойного ритуала в черняховской культуре, со всей определенностью свидетельствует о сарматском происхождении этого обряда. Обычай сопровождать умерших «заупокойной пищей» известен и другим племенам латенско-римского времени, но для этих целей они использовали других

животных. Так, в пшеворских могилах Одерского региона, как уже отмечалось, встречаются кости птиц и как редкое исключение — кости медведя и лошади, для кельтских погребений характерны преимущественно кости свиньи и т. п.

Ритуал сопровождения умерших «заупокойной пищей» отражают и глиняные сосуды, которыми обставлены некоторые Черняховские труположения. Число сосудов в таких могилах колеблется от 4 — 5 до 10 — 16. Расположение их в погребениях различно: у ног, около головы, справа и слева от туловища, иногда только вокруг головы, иногда только около ног, в частности и между ногами.

Нельзя сказать, что аналогичный обряд был широко распространен среди сарматского населения Северного Причерноморья. Обычно в сарматских могилах встречаются единичные глиняные сосуды. Однако известны и погребения, обставленные многочисленными сосудами [*Вязьмитина М. І, Іллінська В. А, Покровська Е. Ф., Тереножкін О. І., Ковпаненко Г. Т.* Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень». — В кн.: Археологічн пам'ятки УРСР, т. УШ. Київ, 1960, с. 22 — 135.]. Но все они принадлежат к среднесарматскому времени. Позднее сарматские труположения, непосредственно предшествующие черняховской культуре, обычно сопровождаются одним — тремя сосудами.

Все же можно полагать, что черняховский ритуал сопровождения умерших многочисленными глиняными сосудами восходит к сарматскому обряду. В пользу этого свидетельствует корреляция такого ритуала в черняховских труположениях с другими сарматскими особенностями (табл. 5).

Таблица 5. Взаимовстречаемость скифо-сарматских особенностей в погребениях черняховских могильников

Таблица 5. Взаимовстречаемость скифо-сарматских особенностей в погребенных черняховских могильниках

Скифо-сарматские особенности	Сосуды с жертвенной пищей (4 и более)	Кости животных	Остатки костра	Труположения со скрещенными ногами
Подбойные могилы	5	8	3	1
Склепы-катакомбы	5	5	2	—
Труположения с подогнутыми ногами	21	16	6	—
Труположения со скрещенными ногами	5	2	1	—
Остатки костра	16	19	—	—
Кости животных	73	—	—	—

Таблица 6. Ориентировка погребенных в черняховских могилах со скифо-сарматскими особенностями

Скифо-сарматские особенности	Ориентировки						
	СВ	С	СЗ	З	ЮЗ	Ю	ЮВ
В подбойных могилах	1	18	—	1	—	—	—
В склепах-катакомбах	—	6	1	—	—	—	—
Труположения с подогнутыми ногами	5	65	6	11	3	3	1
Труположения со скрещенными ногами	—	14	4	2	1	—	—
Погребения с остатками костра	2	37	5	6	1	—	—
Погребения с костями животных	3	114	15	5	1	—	1
Погребения с четырьмя и более сосудами	13	173	24	18	13	3	1

Наконец, к числу достоверно сарматских особенностей нужно отнести такие элементы черняховских могил, как кусочки мела или краски и обычай искусственной деформации черепов.

Отмеченные сарматские погребальные особенности свойственны, прежде всего, черняховским труположениям с северной ориентировкой. Всего в черняховских

могильниках раскопано более 800 захоронений с северной ориентировкой и 300 — с западной (табл. 6). В связи с этим возникает вопрос, не является ли сама меридиональная ориентировка погребенных в черняховской культуре наследием местного сарматского ритуала?

Ориентировка погребенных у сарматских племен не была стабильной, а претерпевала изменения со временем. В раннесарматскую эпоху господствующей была ориентировка умерших головой к югу. Такое положение свойственно и ранним сарматским могилам Поднепровья (Вороная, Михайловка, Ушкалка) [*Смирнов К. Ф.* О начале проникновения сарматов в Скифию. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 191 — 196.]. Зато в среднесарматский период в будущем черняховском регионе заметно преобладают погребения северной ориентировки [*Абрамова М. П.* Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э. — I в. н. э. — СА, 1961, №1, с. 107.]. Они господствуют здесь и в позднесарматское время, накануне сложения черняховской культуры [*Рикман 9. А.* Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья, с. 73.].

Меридионально ориентированные труположения характерны также и для некоторых других племен Средней Европы, в частности для кельтов. Однако кельтские могильники во всех своих важнейших чертах существенно отличаются от черняховских [*Filip J.* Keltové ve střední Evropě. Praha, 1956; *Powel T. G. E.* The Celts. London, 1958.]. Полное отсутствие в погребальном ритуале черняховской культуры каких-либо кельтских особенностей исключает предположение о кельтском происхождении черняховских труположений с северной ориентировкой.

В I в. н. э. обряд ингумации с помещением умерших в могилы головой к северу появляется в восточнопоморско-мазовецкой культуре Нижнего Повисленья, где он сосуществует с обрядом кремации. Во II в. н. э. племена этой культуры расселяются в южном и юго-восточном направлении, достигая западных районов Припятского Полесья и Волыни. По мере распространения восточнопоморско-мазовецкой культуры на юг процент трупосожжений в ее могильниках заметно возрастает. Брест-Тришинский могильник в Белоруссии и Дытыничский на Волыни содержат уже исключительно трупосожжения [*Смішко М. Ю., Свешніков І. К.* Могильник III — IV століть н. е. у с. Дитинічі Ровенської області. — МДАПВ, 3, 1961, с. 89 — 114; *Кухаренко Ю. В.* Могильник Брест-Тришин. — КСИА, 100, 1965, с. 97 — 101.]. Это обстоятельство исключает предположение о генезисе всех черняховских меридиональных труположений от восточнопоморско-мазовецких. Правда, в последние годы на Волыни, на южной окраине восточнопоморско-мазовецкой культуры, открыты и могильники, содержащие труположения с северной ориентировкой [*Кропоткин В. В.* Новый могильник поморско-мазовецкой культуры у с. Городок Ровенской обл. — СА, 1972, № 4, с. 255, 256.]. Однако они относятся к III — IV вв. н. э., т. е. уже синхронны черняховским. Поэтому черняховские меридиональные захоронения никак не могут быть производными от восточнопоморско-мазовецких. Скорее всего, наоборот, волынские труположения являются следствием черняховского воздействия.

Скифо-сарматские погребальные особенности [Для настоящей работы членение выявленных особенностей на сарматские и скифские не имеет смысла. Сарматское завоевание Скифии, по-видимому, представляло собой инфильтрацию отдельных сарматских групп в среду скифов. Среди последних распространилась сарматская культура, а язык скифов, принадлежащий к северовосточной подгруппе восточноиранских языков, приобрел особенности, свойственные диалекту сарматов, относящихся по языку к той же подгруппе восточных иранцев. Особая скифская культура сохранилась лишь на нижнем Днепре и в Крыму.] зафиксированы в немалом количестве во многих могильниках черняховской культуры (табл. 7) почти по всей территории ее распространения (рис. 15). Это даёт основание утверждать, что местное ираноязычное население вошло в состав черняховских племен в качестве одного из основных этнических компонентов.

Таблица 7. Скифо-сарматские особенности в черняховских могильниках

Таблица 7. Скифо-сарматские особенности в чернязовских могильниках

Могильник	В подбоях	В склепках-натасках	С подогнутыми ногами	Со скрепленными ногами	С остатками костра	С остатками животных	Обставлено сосудами (4 и более)
Адзени	—	—	—	—	—	—	1
Балцаты I	—	—	1	—	—	—	—
Балцаты II	—	—	1	—	—	—	—
Бережанка	—	—	1	—	—	4	4
Будешты	1	1	13	5	4	5	29
Бырад-Каса	—	—	—	—	—	—	3
Викторовка	3	—	1	2	2	1	3
Водяное	—	—	—	—	—	—	3
Войсковое	—	—	6	—	—	2	1
Гавриловка	1	—	2	—	9	6	11
Гогошари	—	—	—	—	—	—	1
Городища	—	—	—	—	—	—	1
Гречанки	—	—	—	—	—	—	1
Данилова Балка	—	—	—	—	—	1	1
Дедовщина	—	—	1	—	1	—	—
Дервянное	—	—	1	—	1	2	—
Дубняги	—	—	—	—	—	—	1
Гурбицы	—	—	—	—	—	1	—
Жовний	—	—	×*	×	—	1	—
Журовка Ольшанская	—	—	11	—	10	18	13
Занлазы	—	—	—	—	—	—	1
Запорожье	—	—	—	—	—	—	1
Зачевка	—	—	1	—	1	1	2
Изворул	—	—	3	—	—	1	9
Индепенденца	—	—	5	—	—	4	8
Каборга	×	—	×	—	×	×	—
Кадбени	—	—	—	—	—	—	1
Каменка Днепровская	—	—	—	—	1	1	1
Кантемировка	1	1	2	—	2	4	2
Коблево	6	6	2	—	7	14	6
Компанийцы	1	—	—	—	—	—	—
Коротяк-Переделицыно	—	—	—	—	—	—	1
Косаново	—	—	4	—	3	3	13
Лециани	—	—	2	3	—	10	14
Лохвица	—	—	3	—	—	—	1
Лунка	—	—	—	—	—	8	—
Малаешты	1	—	4	—	1	5	7
Малый Ржавец	—	—	—	—	—	—	×
Маслово	—	—	6	2	2	12	13
Неполоковцы	—	—	—	—	1	—	—
Новоалександровка	—	—	—	—	—	1	1

Таблица 7 (окончание)

Таблица 7 (окончание)

Могильник	В подбоях	В склепах-патамбах	С подогнутыми ногами	Со саркофаговыми ногами	С остатками ног	С остатками животных	Обставлено сосудами
Обыршени-Войнентти	—	—	—	—	—	—	—
Одобеску	—	—	4	—	—	—	—
Оселивка	—	—	—	—	—	1	—
Перелславль-Хмельницкий	2	—	—	—	—	4	—
Привольное	—	—	1	—	—	1	—
Раковец	1	—	2	—	2	4	—
Ранжеево	4	—	—	—	—	3	—
Редкодубы	—	—	—	—	—	×	—
Ризиво	—	—	—	—	—	—	—
Ромашки	—	—	1	—	—	—	—
Ружичанка	—	—	—	—	—	×	—
Рыжовка	—	—	—	—	—	—	—
Спапцов	—	—	5	1	—	11	2
Сынтана-де-Муреш	—	—	3	2	—	—	10
Телешовка	—	—	—	—	—	1	—
Тыргшор	—	—	8	—	4	15	2
Успенка	—	—	4	—	—	2	—
Устье	—	—	—	—	—	1	—
Фурмановка	×	—	—	—	—	1	—
Харашти	—	—	—	—	—	—	—
Четатеа Вече	—	—	—	—	—	—	—
Черниллов Русский	—	—	—	—	1	—	—
Черняхов	1	—	2	—	4	8	3

* × — несколько.

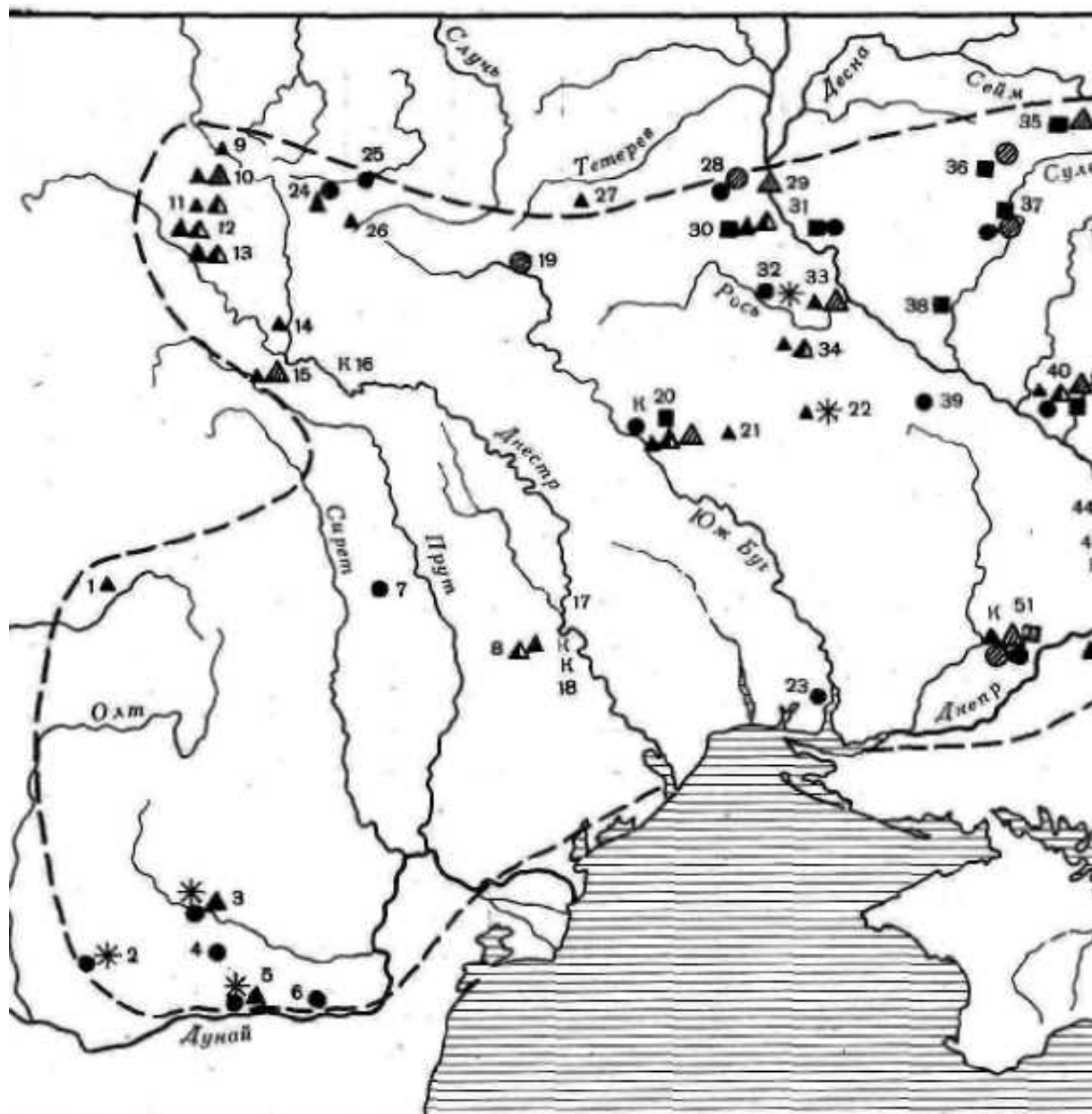

Рис. 15. Распространение скифо-сарматских элементов в черняховской культуре

- а — могильники с подбойными погребениями;
- б — могильники со склепами-катакомбами;
- в — могильники с труположениями с подогнутыми и скрещенными ногами;
- г — могильники с захоронениями, содержащими остатки костра;
- д — могильники с погребениями, содержащими кости животных;
- е — могильники с погребениями, обставленными сосудами (четырьмя и более);
- ж — могильники с погребениями, в которых обнаружены куски мела или краски;
- з — могильники с деформированными черепами;
- и — общая граница черняховской культуры.

1 — Сынтана-де-Муреш;

- 2 — Изворул;
- 3 — Гогошари;
- 4 — Ойнак;
- 5 — Хэрэшти;
- 6 — Четатеа Веке;
- 7 — Спанцов;
- 8 — Одобеску;
- 9 — Тыргшор;
- 10 — Индепенденца;
- 11 — Бырлад-Каса;
- 12 — Обыршени-Войнешти;
 - 13 — Алдени;
 - 14 — Калбени;
 - 15 — Неполоковцы;
 - 16 — Лецкани;
 - 17 — Одобеску;
 - 18 — Чернилов;
 - 19 — Городница;
 - 20 — Оселивка;
 - 21 — Устье;
 - 22 — Малаешты;
 - 23 — Балцаты 1;
 - 24 — Балцаты 2;
 - 25 — Будешты;
 - 26 — Редкодубы;
 - 27 — Ружичанка;
 - 28 — Заячевка;
 - 29 — Косаново;
- 30 — Данилова Балка;
 - 31 — Ризино;
 - 32 — Рыжевка;
 - 33 — Заплазы;
 - 34 — Ранже-вое;
 - 35 — Коблево;
 - 36 — Викторовка;
 - 37 — Каборга;
 - 38 — Журовка;
 - 39 — Маслово;
 - 40 — Коро-тяк;
 - 41 — Раковец;
 - 42 — Бережанка;
 - 43 — Дедовщина;
 - 44 — Деревянное;
 - 45 — Гречаники;
- 46 — Переяславль Хмельницкий;
 - 47 — Телешовка;
 - 48 — Черняхов;
 - 49 — Ромашки;
- 50 — Малый Ржавец;
 - 51 — Успенка;
 - 52 — Гурбинцы;

- 53 — Лохвица;
- 54 — Жовнин;
- 55 — Дубняги;
- 56 — Компанийцы;
- 57 — Кантемировка;
- 58 — Водяное;
- 59 — Войсковое;
- 60 — Новоалександровка;
- 61 — Привольное;
- 62 — Запорожье;
- 63 — Каменка Днепроvская;
- 64 — Гавриловка.

О том, что население, оставившее черняховские труположения, происходит от скифо-сарматского, очень отчетливо свидетельствуют и материалы антропологии. Черняховское население, представленное труположениями, принадлежит к мезодолхокранному антропологическому типу. К этому же типу относится и скифское население как степных, так и лесостепных регионов. Сопоставление деталей строения черепов из скифских и черняховских могильников приводит антропологов к выводу, что черняховцы в значительной части были потомками местного ираноязычного населения [*Кондукторова Т. С.* Антропология древнего населения Украины. М., 1972.].

Собственно сарматскими, обнаруживающими сходство с краниологическими материалами нижеволжских сарматов, обычно считаются черепа, характеризующиеся мезобрахикранией и более широким лицом. Подобные краниологические материалы обнаружены в единичных черняховских могильниках — Будештском [*Великанова М. С.* Палеоантропологический материал из могильников черняховской культуры Молдавии.— Труды Института этнографии, XXI, 1961, с. 26 — 52; *она же.* Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1972, с. 70 — 90.], Эрбиценах — в меньшем количестве — в других [*Plopsor Nicolaescu D.* Contributii paleoantropologice la rezolvarea unor probleme istorice privind perioada migratiei popoarelor in spatiul Carpato-Dunarean. — Revis-ta nuzelor, 1967, 2, p. 101 — 110.]. На этом основании можно говорить о сравнительно небольшом участии пришлого сарматского элемента в генезисе черняховского населения. Но поскольку сарматизация северопричерноморских областей не сопровождалась полным вытеснением местного ираноязычного населения, то вклад последнего в формирование черняховских племен в какой-то степени отражает и долю участия сарматизированных потомков скифов.

Вклад скифо-сарматского населения в материальную культуру черняховских племен менее выразителен, поскольку черняховская культура сформировалась при активном воздействии провинциально-римской культуры. Только единичные лепные сосуды из черняховских памятников сопоставимы с сарматскими и скифскими и, видимо, происходят от них [*Сымонович Э. А.* Лепная посуда памятников черняховской культуры нижнего Днепра. — КСИИМК, 68, 1957, с. 17 — 19; *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. — МИА, № 89, 1960, с. 120; *Рикман Э. А.* Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967, с. 20 — 22.].

Сарматское происхождение имеют и некоторые гончарные черняховские сосуды [*Корпусова В. М.* Біконічні посудини перших століть нашої ери з Причорномор'я.— Археологія, 3, 1971, с. 75 — 82; *Магомедов Б. В.* До вивчення черняхівського гончарного посуду.— Археологія, 12, 1973, с. 83.].

Можно говорить и о сарматском происхождении некоторых вещевых находок из черняховских памятников. Румынские археологи причисляют к ним костяные украшения призматической формы, орнаментированные кольцевым узором, и ожерелья,

составленные из бус [*Diaconu Gh.* Despre pandantivele prismatice de os din necropola de la Tîrșoș. — SCIV, 1962, N 2, p. 441 — 446; *Аурелиан П.* Следы культуры Черняхов — Сынтана де Муреш в Малой Скифии. — *Dacia*, VI, 1962, p. 235 — 256.]. Может быть, к наследию сарматов относятся бусы некоторых типов — мелкие цилиндрические, чечевицеобразные, сферические спаянные, встречаемые как в сарматских, так и в черняховских памятниках.

В западной части ареала черняховской культуры в этногенезе ее носителей участвовали местные карпские и дакийские племена. Это проявляется и в деталях похоронного ритуала, и в отдельных элементах материальной культуры [*Рикман Э. А.* О фракийских элементах в черняховской культуре Днестровско-Дунайского междуречья. — В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, с. 178 — 188; *Кравченко Н. М.* К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках. — КСИА, 121, 1970, с. 44 — 51.]. Были среди Черняховского населения, несомненно, и готы. Вклад восточнопоморскомазовецкой культуры в черняховскую еще предстоит внимательно исследовать, но очевидно, что он не был ни решающим, ни существенным.

К славянскому этногенезу прямое отношение имеют пшеворские и зарубинецкие компоненты черняховской культуры. И для пшеворской, и для зарубинецкой культур был характерен обряд трупосожжения. Поэтому вклад этих культур, прежде всего, ощутим среди черняховских захоронений по обряду кремации.

Исследуя черняховские трупосожжения, Н. М. Кравченко классифицировала эти погребения на несколько типов, среди которых есть сопоставимые с пшеворскими или зарубинецкими по обрядовым признакам [*Кравченко Н. М.* К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения..., с. 44 — 51.].

По основным признакам с погребениями пшеворской культуры прежде всего сопоставимы черняховские трупосожжения, в которых остатки кремации помещены на дно могильной ямы вместе с фрагментами глиняной посуды, вторично обожженной, или сложены в глиняную урну, опять-таки с явными следами вторичного обжига. Захоронения с обрядовыми признаками, свойственными пшеворской культуре, известны почти по всему Черняховскому ареалу (рис. 16), но наибольшая концентрация их наблюдается в области Поднепровья.

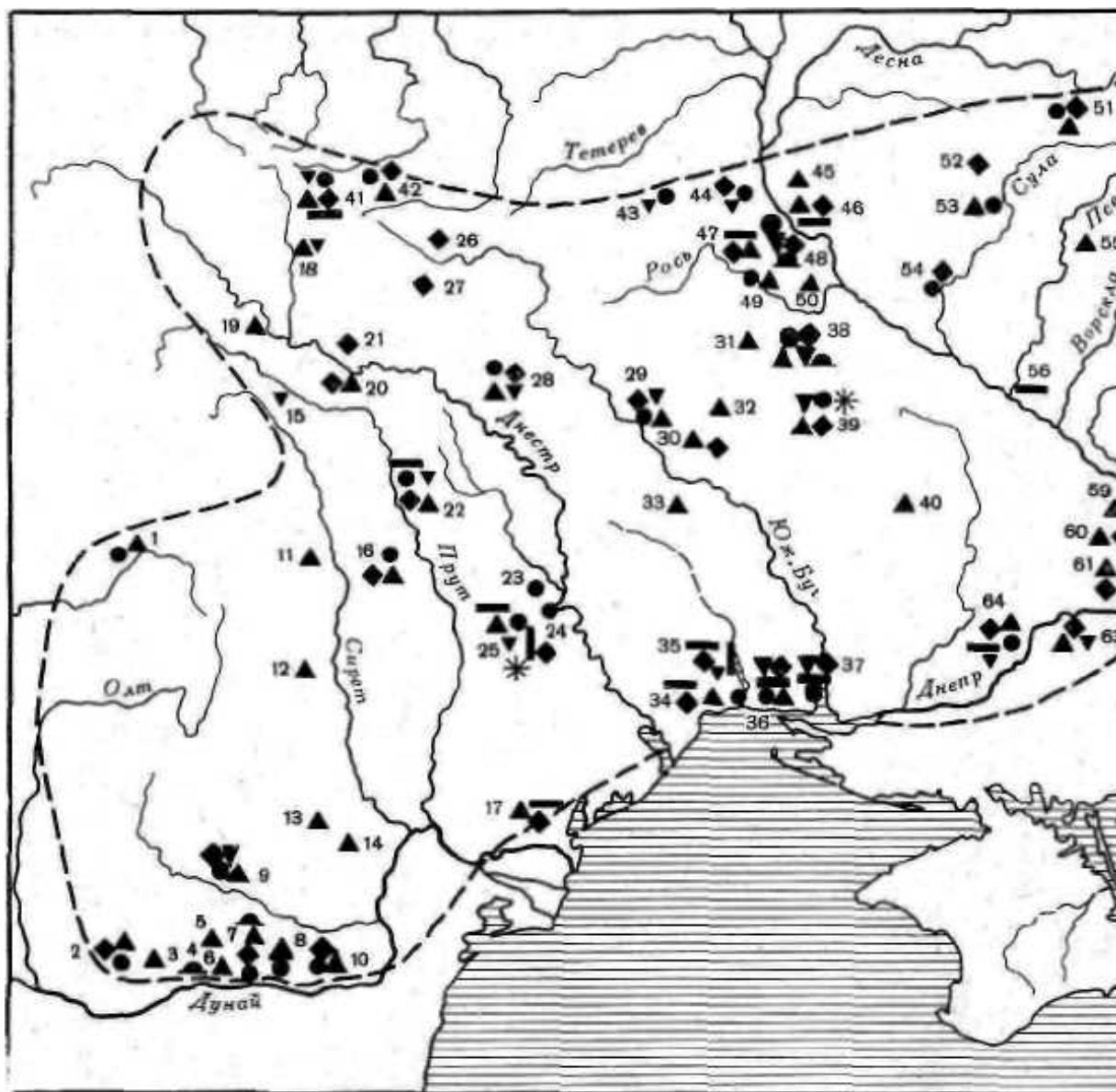

Рис. 16. Распространение шеворско-зарубинецких элементов в черняховской культуре

- а — могильники с шеворскими особенностями в погребальном обряде;
 - б — могильники с зарубинецкими особенностями в погребальном обряде;
 - в — могильники с рассредоточенными погребениями;
 - г — памятники с лепной керамикой шеворских типов;
 - д — памятники с лепной керамикой шеворско-зарубинецких типов;
 - е — памятники с лепной керамикой зарубинецких типов;
 - ж — могильники, в которых зафиксировано применение камня в трупосожжениях;
 - з — могильники, в которых в захоронениях по обряду сожжения присутствуют кости птиц;
 - и — общая граница черняховской культуры.
- 1 — Сынтана-де-Муреш;
 - 2 — Олтени;
 - 3 — Тыргшор;
 - 4 — Хэрэшти;
 - 5 — Спанцов;
 - 6 — Индепенденца;

- 7 — Лецкани;
- 8 — Будешты,
- 9 — Неслухов;
- 10 — Черепин;
- 11 — Рипнев;
- 12 — Демьянов;
- 13 — Бовшев;
- 14 — Городница;
- 15 — Комаров;
- 16 — Устье;
- 17 — Балцаты 1;
- 18 — Балцаты 2;
- 19 — Вилы Ярузские;
- 20 — Косаново;
- 21 — Рыжевка,
- 22 — Маслово;
- 23 — Каборга;
- 24 — Раковец;
- 25 — Бережанка;
- 26 — Сухостав;
- 27 — Пряжев;
- 28 — Деревянное;
- 29 — Жуковка,
- 30 — Черняхов;
- 31 — Переяславль Хмельницкий;
- 32 — Ромашки;
- 33 — Ломоватое;
- 34 — Журовка;
- 35 — Успенка,
- 36 — Гурбинцы;
- 37 — Лохвица;
- 38 — Жовнин;
- 39 — Завадовка;
- 40 — Компанийцы;
- 41 — Кантемировка;
- 42 — Новоселовка;
- 43 — Писаревка;
- 44 — Федоровка,
- 45 — Волошское;
- 46 — Войсковое;
- 47 — Новоалександровка;
- 48 — Привольное,
- 49 — Августиновка;
- 50 — Каменка,
- 51 — Гавриловка.

Особый тип черняховских захоронений составляют рассредоточенные трупосожжения, в которых остатки кремации вперемешку с землей разбросаны в сравнительно больших овальных или округлых ямах. В заполнении этих ям встречаются отдельные обломки глиняных сосудов, иногда вторично обожженные в огне. Основным

районом распространения сожженных этого типа на черняховской территории является Поднепровье. Такие погребения господствуют в тех черняховских могильниках, где преобладают сожжения. Замечено, что рассредоточенные трупосожжения получили наибольшее распространение на позднем этапе эволюции черняховской культуры.

Аналогичные трупосожжения характерны для пшеворской культуры. В Силезии могильники с рассредоточенными сожжениями выделяются в особую добродзеньскую группу этой культуры.

Черняховские погребения, в которых кальцинированные кости наполняют неприкрытую глиняную урну или помещены кучкой на дне погребальной ямы вместе с сосудами-приношениями, Н. М. Кравченко связывает с зарубинецким погребальным ритуалом. Такие трупосожжения известны в основном вдоль северной границы распространения черняховской культуры, там, где прежде обитало зарубинецкое население, причем именно в этом регионе на черняховских памятниках встречается керамика, близкая к зарубинецкой. В иных регионах черняховской территории трупосожжения этого типа выступают как единичные явления.

Другим элементом, свидетельствующим о значительном вкладе пшеворских и зарубинецких племен в черняховскую культуру, является лепная керамика. Региональной характеристике этой керамики были посвящены статьи В. Д. Барана и Э. А. Сымоновича [*Сымонович Э. А.* Лепная керамика памятников черняховской культуры нижнего Днепра, с. 14 — 19; *Баран В. Д.* До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу.— МДАПВ, 3, 1961, с. 77 — 87.]. Анализ и классификацию всей лепной посуды из памятников черняховской культуры успешно провела Г. Ф. Никитина [*Никитина Г. Ф.* Классификация лепной керамики черняховской культуры.— СА, 1966, №4, с. 70 — 85.].

Типы лепной посуды черняховской культуры находят самые различные аналогии. Одни из них имеют параллели среди дако-гетских древностей Северо-Западного Причерноморья, другие сходны с восточнопоморско-мазовецкой керамикой, третьи — с посудой северопричерноморских городов, четвертые обнаруживают близкие аналогии в памятниках приэльбских германцев и т. п. Но наиболее распространенными в черняховской культуре были лепные сосуды, сопоставимые по формам и другим деталям с пшеворской и зарубинецкой глиняной посудой.

Аналогии в пшеворской культуре имеют Черняховские горшки всех трех групп классификации Г. Ф. Никитиной. Таковы сосуды группы «а» (с отогнутым венчиком) типов 5 (приземистые, округлобокие, с наибольшим расширением в средней части и зауженным низом), 6 (приземистые, с сильно раздутой средней частью тулова), 8 (с биконическим туловом и коротким венчиком), 10 (вытянутых пропорций, с овальным туловом), 11 (с раздутым туловом на плитчатом поддоне) и 14 (при высоте, равной диаметру венчика, и с узким дном); горшки группы «б» (с прямым венчиком) типа 1 (с крутыми плечиками при наибольшем диаметре в верхней части); горшки группы «в» (с вогнутым венчиком) типов 3 (вытянутые, с равномерно раздутым туловом) и 4 (вазообразные).

С зарубинецкой керамикой обнаруживают параллели черняховские лепные горшки типов 3, 12 (1) и 13 группы «а». Немало типов сосудов (например, горшки типов 7 и 9 группы «а»; типа 3 группы «б»; типа 1 группы «в»; миски типов 2, 10 и 11) может быть сопоставлено как с зарубинецкой, так и с пшеворской керамикой.

Пшеворское происхождение, возможно, имели и некоторые другие сосуды черняховской культуры. В. В. Кропоткин обратил внимание на присутствие в Черняховских памятниках мисок и мискообразных сосудов трех видов, очень характерных для пшеворской культуры: 1) с высокими поддонами, 2) с Х-образными ручками и 3) с налепными шишкооб-разными ручками-упорами [*Кропоткин В. В.* Могильник Черняховского типа в с. Ризино Черкасской обл. (к вопросу о происхождении черняховской культуры). — *Slavia antiqua*, XVIII, 1971, с. 197 — 205.

Впрочем, такие же сосуды есть и на памятниках восточнопоморско-мазовецкой культуры.]. В археологической литературе не раз отмечалось сходство элементов орнамента черняховской керамики с пшеворской [*Сымонович Э. А.* Орнаментация черняховской керамики.— МИА, № 116, 1964, с. 345 — 361.].

Многочисленность пшеворских и в несколько меньшей степени зарубинецких особенностей в погребальных памятниках и среди лепной керамики черняховской культуры (табл. 8) говорит о значительном участии пшеворско-зарубинецких племен в сложении Черняховского населения. Пшеворско-зарубинецкие элементы в черняховской культуре количественно занимают второе место после местных скифо-сарматских. Очевидно, пшеворско-зарубинецкие племена вместе с местными ирано-язычными составили основное ядро Черняховского населения.

Таблица 8. Пшеворско-зарубинецкие элементы в черняховских памятниках

Таблица 8. Пшеворско-зарубинецкие элементы в керказовских па...

Местальник	Пшеворские особенности образа	Зарубинец- кие особен- ности обра- за	Распространя по району	Лепная не- рамная пше- ворская ти- пов	Лепная не- рамная зе- рубинецких типов	Лепная не- рамная пше- ворско-за- рубинецких типов
Августиновка	×*	—	—	—	—	—
Балцаты I	—	—	—	—	—	—
Балцаты II	—	—	—	—	—	—
Березанка	1	—	—	—	—	—
Бовшев II	—	—	—	×	—	×
Буденцы	—	—	—	6	—	1
Вилы Ярузенне	—	×	—	—	—	—
Войсковое	×	—	—	—	—	—
Воложское	—	—	—	1	—	—
Гавриловка	×	×	1	6	—	2
Городица	—	—	—	×	—	—
Гурбицы	—	×	×	—	—	—
Демьянов II	—	—	—	×	—	×
Завадовка	×	—	—	—	—	—
Жовни	—	—	3	—	—	—
Жуковка	—	—	—	—	1	—
Журовка	—	—	—	4	—	1
Инденденца	×	—	—	—	—	—
Каборга	×	—	—	—	—	—
Каменка	—	—	—	1	—	2
Кантемировка	—	×	—	—	—	—
Комаров	—	—	—	2	1	—
Компанийцы	×	—	307	9	2	2
Козрат	—	—	—	1	—	—
Косаново	×	—	68	5	2	3
Лепцани	×	—	—	—	—	—
Ломонатое	—	—	—	3	1	—
Лохвица	×	×	×	—	—	—
Маслово	—	—	—	—	—	1
Неслухов	—	—	—	×	—	—
Новоалександровка	—	—	—	—	1	—
Новоселовка	—	—	5	—	—	—
Олтени	×	—	—	—	—	—
Переяславль Хмель- ницкий	×	—	×	—	—	—
Писаревка	—	—	43	—	—	—
Привольное	×	—	—	—	1	1
Прижев	—	—	—	1	—	—
Раковец	×	—	—	2	—	—

* × — наличие

Таблица 8 (окончание)

Таблица 8 (окончание)

Могильник	Длнворенно особенности обряда	Длнворенно- специальные особенности обряда	Массовые погребения	Лепная ве- рхушка пше- ворских ти- пов	Лепная ве- рхушка пше- ворских ти- пов	Лепная ве- рхушка пше- ворских ти- пов
Ришиов II	—	—	—	X	—	X
Ромашки	—	X	—	—	—	—
Рыжовка	—	—	—	2	—	—
Спанцов	X	—	—	X	—	—
Сухостав	—	—	—	1	—	—
Сынтана-де-Муреш	—	—	—	1	—	—
Тыргинор	X	—	—	X	—	—
Успенка	—	—	X	—	1	—
Устье	—	—	—	—	—	—
Федоровка	—	—	—	—	—	—
Хэрэшти	X	—	—	—	—	—
Черешки	—	—	—	3	1	—
Чернихов	—	—	1	2	—	2

Имеются некоторые пшеворские черты и среди прочих элементов материальной культуры Черняховского населения. Так, в Компаниевском могильнике были обнаружены меч, копье и умбон; наконечник копья встречен в одном из захоронений Августиновского могильника; в погребении 6 Малаешт найден умбон. Для Черняховских могил предметы вооружения абсолютно не характерны, и, очевидно, этот обычай был занесен сюда пшеворскими переселенцами. В отдельных погребениях Будештского, Косановского и Спанцовского могильников встречены ключи и замки, в Заячевском могильнике найдены ножницы, т. е. опять-таки предметы, характерные для пшеворской культуры. В отдельных черняховских трупосожжениях обнаружены кости птиц, зафиксированы также немногочисленные случаи применения камня. Однако все эти пшеворские особенности явно не получили в черняховской культуре широкого распространения, оставаясь редким исключением.

Это, на первый взгляд, противоречит выводу о значительной доле участия пшеворского населения в черняховском этногенезе, полученному при анализе погребальной обрядности и лепной керамики. Однако обычай помещать в могилы предметы вооружения, ключи и замки, ритуал жертвоприношения птицы и т. п. были характерны не для всей пшеворской культуры, а преимущественно для племен, занимавших Одерский регион. Очевидно, пшеворское население, характеризующееся этими особенностями и принявшее участие в миграционном потоке в юго-восточном направлении, было относительно малочисленным. Основную же массу пшеворских

переселенцев в северопричерноморских областях составили выходцы из Висленского региона, т. е. славяне.

Нужно полагать, что черняховское население, сформировавшееся в условиях территориального смешения нескольких племенных групп, оставалось пестрым в этническом отношении. Видимо, в разных частях обширного Черняховского ареала имели место различные языковые и ассимиляционные процессы, может быть, оставшиеся незавершенными из-за относительной кратковременности черняховской культуры. Об этом, в частности, отчетливо свидетельствует неравномерная в разных областях Черняховского ареала концентрация элементов, унаследованных черняховской культурой от слагаемых древностей: скифо-сарматских, фракийских, пшеворских, зарубинецких и восточнопоморско-мазовецких.

Отдельные пшеворские элементы встречаются широко, почти по всей территории распространения черняховской культуры. Вместе с тем в черняховском ареале отчетливо выявляется регион их большой концентрации (рис. 17). Он охватывает в основном поднепровские земли — Среднее Поднепровье и поречье порожистой части Днепра — и поэтому назван мной Среднеднепровским регионом [*Седов В. В.* Формирование славянского населения Среднего Поднепровья. — С А 1972, № 4, с. 122 — 125.]. На западе он простирается по лесостепи через среднее и верхнее течение Южного Буга до областей Верхнего Поднепровья. Может быть, целесообразнее называть этот регион Подольско-Днепровским. Помимо концентрации пшеворских, а также зарубинецких особенностей, эта область Черняховского ареала характеризуется и другими специфическими особенностями (рис. 18).

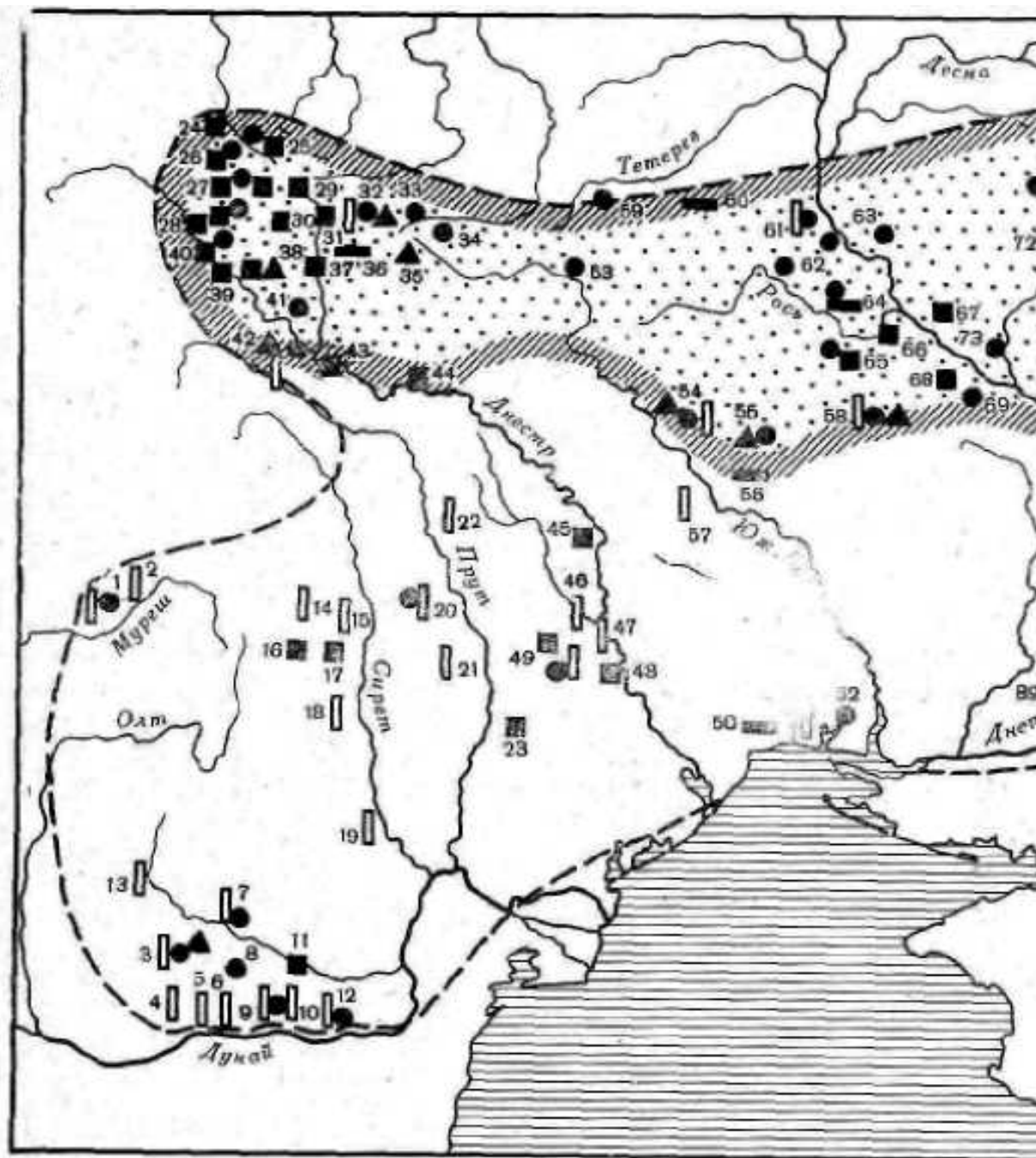

Рис. 17. Подольско-Днепровский регион черняховской культуры
 а — памятники с пшеворско-зарубинецкими особенностями;
 б — поселения с углубленными жилищами;
 в — могильники, в которых преобладают трупосожжения;
 г — могильники, в которых среди труположений господствует западная ориентировка;
 д — могильники, в которых господствуют меридионально ориентированные труположения;
 е — общая граница черняховской культуры;
 ж — приблизительные границы Подольско-Днепровского региона.
 1 — Сынтана-де-Муреш;
 2 — Тыргу-Муреш,
 3 — Олтени;
 4 — Изворул;

- 5 — Ойнак;
- 6 — Какалец;
- 7 — Тыргшор;
- 8 — Хэрэшти;
- 9 — Спанцов;
- 10 — Одобеску;
- 11 — Стрэулешти;
- 12 — Индепенден-ца;
- 13 — Могошани;
- 14 — Извоар,
- 15 — Эрбицени;
- 16 — Костиша-Мяноциа;
- 17 — Куртэа;
- 18 — Петрис;
- 19 — Лунка;
- 20 — Лецкани;
- 21 — Богдянешти;
- 22 — Малаешты;
- 23 — Комрат,
- 25 — Купче;
- 25 — Неслухов;
- 26 — Черепин,
- 27 — Рипнев II и III,
- 28 — Демьянов II и III;
- 29 — Рако-буты;
- 30 — Чижиков,
- 31 — Верхний Иванов;
- 32 — Раковец;
- 33 — Бережанка;
- 34 — Сухостав;
- 35 — Подволочиск;
- 36 — Романово Село;
- 37 — Путятинцы;
- 38 — Теробовля;
- 39 — Коростовичи;
- 40 — Бовшев II и III;
- 41 — Городница,
- 42 — Островец;
- 43 — Незвиско;
- 44 — Лука Врублевецкая;
- 45 — Солончены;
- 46 — Балцаты 1;
- 47 — Балцаты 2;
- 48 — Делакуэ;
- 49 — Будешты;
- 50 — Раншевое;
- 51 — Коблево;
- 52 — Каборга;
- 53 — Вилы Ярузские;
- 54 — Косаново,
- 55 — Рыжевка;

- 56 — Данилова Балка;
- 57 — Кринички;
- 58 — Маслово;
- 59 — Пряжев;
- 60 — Дедовщина;
- 61 — Деревянное;
- 62 — Черняхов;
- 63 — Переяславль Хмельницкий,
- 64 — Ромашки;
- 65 — Журовка;
- 66 — Червонная Слобода;
- 67 — Новочиновское;
- 68 — Ломоватое;
- 69 — Завадовка;
- 70 — Успенка

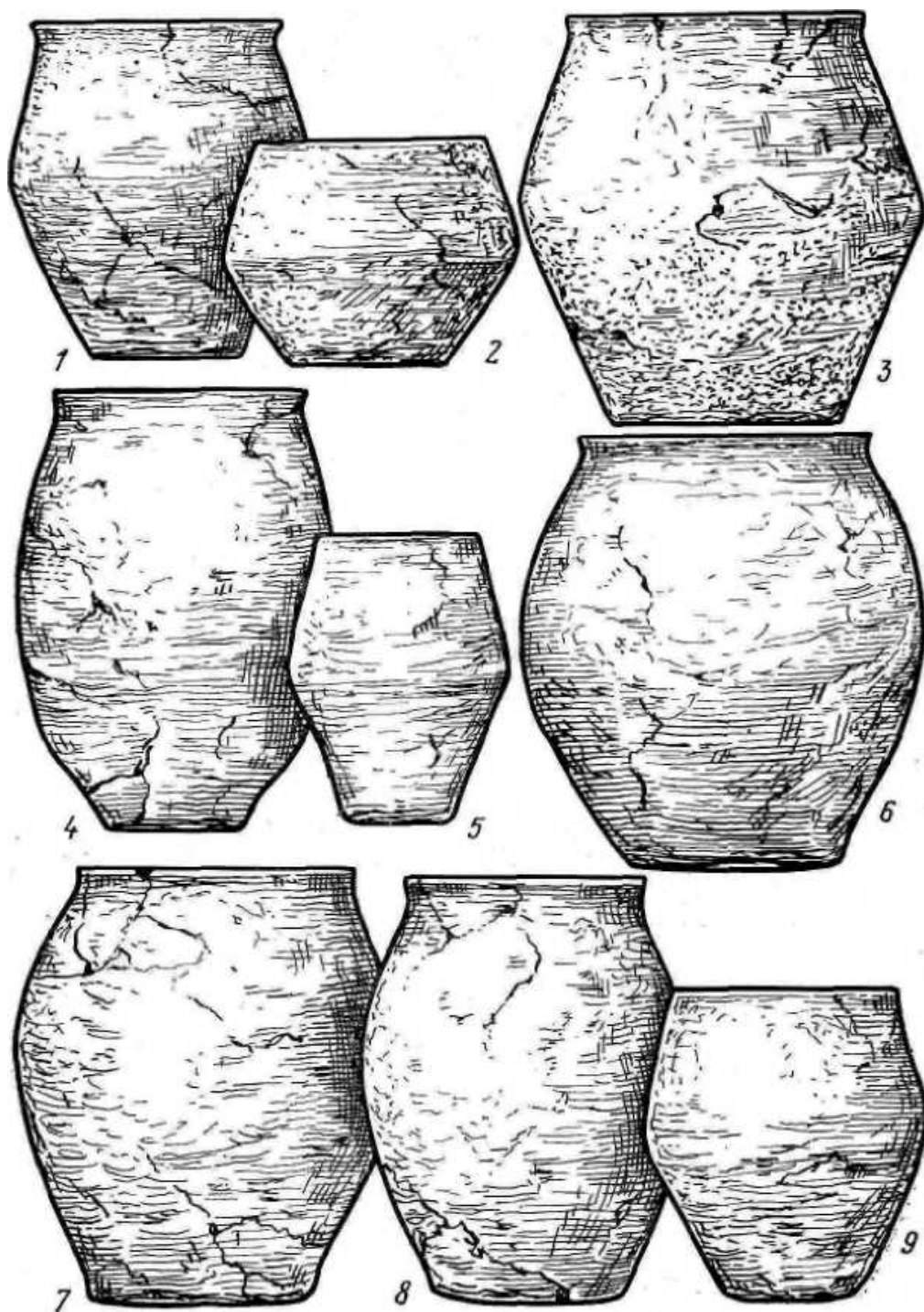

Рис. 18. Лепная керамика черняховской культуры

- 1,8,9 — Бовшев;**
- 2 — Лохвица;**
- 3,5 — Компанийцы;**
- 6 — Гавриловка;**
- 7 — Ракобуты**

Погребения по обряду трупосожжения, как известно, встречаются на всей черняховской территории, но процент их в различных ее районах далеко не одинаков. Подольско-Днепровский регион выделяется многочисленностью трупосожжений. Здесь немало могильников, в которых захоронения по обряду кремации количественно

преобладают над ингуми-рованными погребениями. Так, в Масловском могильнике трупосожжения составляют около 70% всех исследованных захоронений, в Писаревском — 78, в Компаниевском — свыше 90, в Каменском — около 90 и т. п. Вне этого региона погребения по обряду кремации, как правило, сравнительно немногочисленны.

Наряду с меридионально ориентированными труположениями в черняховских могильниках встречаются погребенные, обращенные головами на запад. Доля последних среди Черняховских труположений неодинакова в различных районах. Подольско-Днепровский регион характеризуется наибольшим распространением труположений с западной ориентировкой. Только здесь известны могильники, в которых такие труположения преобладают над меридиональными. Вне Подольско-Днепровского региона, наоборот, господствуют могильники со значительным преобладанием меридионально ориентированных труположений (например, в Малаештах они составляют 88%, в Будештах — 74, Сынтана-де-Му-реш — 86, Коблево — 70, Лецкани — 84, Тыргшор, Изворула, Индепен-денца — около 100 и т. д.).

Ещё одна весьма специфическая этнографическая особенность — жилища-полуземлянки — выделяет Подольско-Днепровский регион черняховской культуры. Черняховское домостроительство, очень разнотипное, отражает сложность этнической структуры населения. На поселениях этой культуры открыты и исследованы и простые наземные жилища деревянной конструкции, и жилища с каменными стенами, и большие многокамерные дома, и углубленные постройки — землянки и полуземлянки.

Черняховские углубленные жилища очень разнохарактерны по всем деталям — форме, размерам, интерьеру. Эта разнотипность, по-видимому, объясняется тем, что постройки не появились в Черняховском ареале в готовом виде. Углубленные жилые постройки здесь, очевидно, были новообразованием. Но среди многих типов углубленных жилищ в черняховское время вырабатывается и получает распространение квадратная в плане полуземлянка с печью или каменным очагом в одном из углов, сопоставимая по всем деталям со славянскими полуземлянками второй половины I тысячелетия н. э.

Такие сформировавшиеся полуземлянки с печью или очагом в углу открыты на некоторых Черняховских поселениях, в том числе в Рако-бутах [*Баран В. Д.* Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга. — МИА, № 116, 1964, с. 250.], Черепине, Демьянове, Рипневе и Бовшеве [*Баран В. Д.* Поселения перших століть нашої ери біля села Черепин. Київ, 1961, с. 28 — 49; *он же.* Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга, с. 211 — 250; *Baran V. D.* Siedlungen der Cernjachov-Kultur am Bug und oberen Dnestr. — *Zeitschrift für Archäologie*, 1973, N 1, S. 30 — 40.].

Полуземляночные жилища изредка встречаются на черняховских поселениях и за пределами Подольско-Днепровского региона. Однако там они остаются сравнительно редким исключением, в то время как в Подольско-Днепровском регионе полуземлянки иногда являются господствующей формой жилища, а на некоторых поселениях (например, в Демьянове и Черепине) — единственной формой домостроительства [Вместе с тем в Подольско-Днепровском регионе бытовали и иные типы жилых построек, свидетельствующие о племенной неоднородности населения.].

Таким образом, можно думать, что основную массу населения Подольско-Днепровского региона черняховской культуры составили потомки местных ираноязычных племен и славяне — носители пшеворской и зарубинецкой культур. Поскольку скифо-сарматское культурное наследие здесь отходит на второй план, нужно полагать, что местное иранское население постепенно было ассимилировано славянами. Об этом свидетельствуют и значительное число могильников с преобладанием захоронений по обряду трупосожжения, и устойчивое сохранение пшеворских особенностей в черняховской обрядности. Очень вероятно, что распространение здесь труположений с западной ориентировкой отражает тот же ассимиляционный процесс. Судя по материалам Гавриловского могильника, каких-либо различий в антропологическом строении между северными и западными Черняховскими труположениями не наблюдается.

[*Кондукторова Т. С.* Палеоантропологический материал из могильника полей погребальных урн Херсонской обл. — Советская антропология, 1958, № 2, с. 76.]. Поэтому не исключено, что погребенные, обращенные головой к западу, были потомками скифо-сарматского населения, вовлеченного в процесс ассимиляции или уже ассимилированного.

Кроме значительности пшеворских и зарубинецких элементов в культурной характеристике Подольско-Днепровского региона черняховской культуры, о славянской принадлежности его населения можно судить по памятникам V — VII вв. Два существеннейших этнографических признака — лепная керамика и домостроительство — генетически связывают памятники этого региона с достоверно славянскими древностями третьей четверти I тысячелетия н. э. Как будет показано ниже, одна из славянских диалектно-племенных группировок V — VII вв. явилась наследницей населения Подольско-Днепровского региона черняховской культуры.

В отличие от славян Повисленья, славянское население Подольско-Днепровского региона черняховской культуры сформировалось в условиях тесного славяно-иранского взаимодействия. Славяне черняховской культуры — это не только потомки пшеворских и зарубинецких племен, но и ассимилированное скифо-сарматское население.

Необходимо отметить, что процесс славянизации населения в Подольско-Днепровском регионе протекал в сложных условиях и окончательно не завершился. Наряду со славянами и потомками скифо-сарматов здесь, вероятно, обитало и иноэтничное население, о чем свидетельствуют и обнаруживаемые здесь элементы восточнопоморско-мазовецкой культуры, и открытые раскопками «большие дома», имеющие аналогии в германском ире [*Рикман Э. А.* К вопросу о «больших домах» на селищах Черняховского типа. — СЭ, 1962, № 3, с. 121 — 138; *Тиханова М. А.* Ещё раз к вопросу о происхождении черняховской культуры. — КСИА, 121, 1970, с. 89 — 94.].

В истории славяно-иранских языковых и культурных отношений выявляется период, характеризующийся очень значительным воздействием иранского населения на одну из групп славян. Это воздействие охватывает не весь славянский мир, а только юго-восточную часть его. Проявляется иранское влияние и в языковых материалах, и во многих элементах материальной и духовной культуры славян.

Исследователи давно обратили внимание на иранское происхождение восточнославянских языческих богов Хорса и Симаргла. В. И. Абаев убедительно показал, что эти боги имеют скифо-сарматское начало и должны рассматриваться как заимствованные от иранского населения Северного Причерноморья [*Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, с. 115 — 117.]. Тот же исследователь отметил, что украинский Вий этимологически и семантически восходит к иранскому богу ветра, войны, мести и смерти (скифский *Vauhka-sura*, названный Геродотом) [*Абаев В. И.* Дохристианская религия алан. — В кн.: XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960, с. 5 — 7.]. Обнаруживаются также семантические и этимологические параллели между восточнославянским божеством Родом и осетинским *Naf* (Род) [*Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы, с. 110, 111.]. В языческом пантеоне западных славян божества иранского происхождения неизвестны. Усвоение и переработка частью славянского мира наследия иранской соляной мифологии отражены в митраистских заимствованиях в христианской религии [*Лелеков Л. А.* О некоторых иранских элементах в искусстве древней Руси. — В кн.: Искусство и археология Ирана. М., 1971, с. 183 — 190; *он же.* К реконструкции раннеславянской мифологической системы. — Советское славяноведение, 1973, № 1, с. 52 — 59.].

Среди русских вождей, подписавших в X в. договор с Византией, были лица с именами иранского происхождения — Сфандръ, Прастень, Истръ, Фрастенъ, Фуръстенъ и др. [*Kalmykow A.* *Iranians and Slavs in South Russia.* — *Journal of the American Oriental Society*, 45, 1925, p. 68 — 71.]. Бесспорные иранизмы имеются и в этнонимии юго-

восточной части славянского мира. Хорваты, север и, вероятно, русь — этнонимы иранского происхождения [*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. IV. М., 1973, с. 262; *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений. — В кн.: Этимология 1965. М., 1967, с. 32; *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 130.]. Иранское наследие проявляется и в древнерусской культуре [*Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 99 — 112.].

Следы иранского воздействия на юго-восточную часть славянства обнаруживаются в материалах лексики [*Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений, с. 3 — 81.]. Очень важно, что оно проявляется в фонетике и грамматике. В. И. Абаев показал, что изменение взрывного *g*, свойственного праславянскому языку, в задненёбный фрикативный *y* (*h*) произошло в ряде славянских языков в условиях скифо-сарматского воздействия. Поскольку фонетика, как правило, не заимствуется у соседей, исследователь утверждает, что в формировании южной части восточного славянства (будущие украинские и южнорусские говоры) участвовал скифо-сарматский субстрат [*Абаев В. И.* О происхождении фонемы *y*(*h*) в славянском языке. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 115 — 121.].

Тот же исследователь допускает, что результатом скифо-сарматского воздействия были появление в восточнославянском языке генетива-аккузатива и близость восточнославянского *s* осетинским в перфектирующей функции превербов [*Абаев В. И.* Превербы и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 90 — 99.]. В. Н. Топоров объясняет беспредложный лока-тивдатов в славянском языке воздействием иранцев [*Топоров В. Н.* Об одной ирано-славянской параллели из области синтаксиса. — Краткие сообщения Института славяноведения, 28, 1960, с. 3 — 11.]. Эти фонетические и грамматические изменения в славянском языке являются региональными и не могут быть отнесены слишком далеко в глубь праславянской истории.

Количество иранских параллелей в языке, культуре и религии славян настолько значительно, что в научной литературе поставлен вопрос о славяно-иранском симбиозе, имевшем место в истории славянства. Очевидно, это историческое явление затронуло лишь часть славянского мира и часть иранских племен. В этот период, нужно допустить, славяне и иранцы жили на одной территории, смешивались между собой, и в результате ираноязычное население оказалось ассимилированным.

География различных элементов иранского воздействия на славян надежно локализует славяно-иранский симбиоз в Северном Причерноморье, где обнаруживается плотная концентрация иранизмов и где ира-ноязычное население жило длительное время. Упомянутые культурно-языковые явления, отражающие славяно-иранское взаимодействие, не предоставляют возможности для его абсолютной хронологии. Однако очевидно, что рассматриваемый исторический процесс начался на несколько столетий раньше, чем произошло заселение славянами подунайских областей, поскольку иранское влияние коснулось славянского населения и этой территории. Если известно, что славяне начали освоение Подунавья в VI столетии, то славяно-иранский симбиоз должен быть датирован первой половиной I тысячелетия н. э. Таким образом, мы приходим к тому же выводу, который был получен на чисто археологических материалах: славяно-иранский симбиоз имел место в черняховской культуре.

Ираноязычное население, занимая уже относительно небольшой регион, жило в северопричерноморских землях и во второй половине I тысячелетия н. э. Не исключено, что отдельные культурные и лексические иранизмы проникли к славянам в то время. Однако в целом славяноиранский симбиоз ко второй половине I тысячелетия н. э. отнести невозможно. В это время имели место лишь локальные пограничные контакты между отдельными славянскими племенами и остатками ираноязычного населения. Славяно-иранский симбиоз ни в коем случае не является результатом таких маргинальных контактов. В истории славянства был период глубокого внутрорегионального

взаимодействия, охватившего почти половину славянского мира.

Известно и племенное название славянской группировки, сформировавшейся при активном участии иранского этнического компонента. Это — анты, упоминаемые византийскими историками и Иорданом в основном в связи с историческими событиями VI в. Иордан рассказывает об антах и в связи с событиями IV в [Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. М., 1960, с. 115.].

Интересно, что этноним анты имеет, скорее всего, иранское происхождение. Предположение об этом было высказано учеными еще в конце прошлого столетия [Hubschmann П. Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache. Strassburg, 1887, S. 21; Uhlenbeck С. С. Kurzgefassten etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. Amsterdam, 1898 — 1899, S. 8.]. Его разделял М. Фасмер и отстаивали многие исследователи. «Из всех существующих гипотез, как кажется, более вероятной, — отмечает в этой связи Ф. П. Филин, — является гипотеза об иранском происхождении слова «анты»: др. индийское *antas* ('конец, край') *antyas* ('находящийся на краю'), осетин. *att'iya* ('задний, позади'). Если бы это предположение оказалось правильным, то в таком случае значение слова «анты» было бы «живущие на Украине, пограничные жители» [Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М., 1962, с. 60.]. Антами, по-видимому, были названы ираноязычным населением Северного Причерноморья славянские племена, расселившиеся на юго-восточной окраине славянского мира и находившиеся в тесном контакте со скифо-сарматами.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СМОРИ — СЛАВЯНЕ В V — VII СТОЛЕТИЯХ

СЕДОВ Валентин Васильевич
Происхождение и ранняя история славян

СЛАВЯНЕ В V — VII СТОЛЕТИЯХ

Славянские древности ранневизантийского периода известны на обширнейших пространствах Средней и Восточной Европы, от Днепра на востоке до Эльбы на западе и от южного побережья Балтийского моря на севере до Балканского полуострова на юге. Их анализ показывает, что самыми существенными этнографическими признаками славян того времени были лепная керамика, домостроительство и погребальный обряд. Именно форма и прочие элементы лепных сосудов отчетливо выделяют славянские древности VI — VII вв. среди синхронных соседних — германских, балтских, тюркских, фракийских и др. Очень характерными для славян являются и полужемляночные жилища со специфическим интерьером. Распространенные в Европе одновременно с ними полужемлянки с печью-очагом, занимавшей срединное положение, или с центральным опорным столбом, или округло-овальные в плане заметно отличаются от славянских.

Для изучения раннесредневековой славянской керамики большое значение имела работа чешского археолога И. Борковского [*Borkovsky I. Staroslovanska keramika ve stredni Europe. Studie k roscatku slovanske kultury. Praha, 1940.*]. В ней были описаны и систематизированы в основном лепные сосуды середины I тысячелетия н. э. из славянских памятников Чехословакии. Но исследователь отметил, что аналогичная керамика известна и на территории Польши и Германии. Славянскую лепную посуду этого времени И. Борковский предложил называть пражской, полагая, что она имела автохтонное развитие из культуры полей погребальных урн и кельтской.

После окончания Второй мировой войны начался период бурного накопления материалов. Славянские памятники VI — VII вв. в огромном количестве были выявлены на обширной территории, в том числе в нашей стране. Во многих местах произведены раскопочные исследования. О результатах этих работ написаны сотни статей и публикаций. В последние годы появились и региональные обобщения, в которых значительное место, как правило, занимает характеристика керамического материала.

Обобщающие работы по раннесредневековым славянским древностям по отдельным регионам юго-западной части СССР принадлежат И. П. Русановой (Припятское Полесье) [*Русанова И. П. Славянские древности VI — IX вв. между Днепром и Западным Бугом. — САИ, вып. Е1-25, 1973.*], В. Д. Барану (Волынь и Верхнее Поднестровье) [*Баран В. Д. Рант слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972.*], И. А. Рафаловичу (междуречье Днестра и Прута) [*Рафалович И. А. Славяне VI — IX веков в Молдавии. Кишинев, 1972.*], О. М. Приходнюку (Подолія) [*Приходнюк О. М. Слов'яни на Поділлі (VI — VII ст. н. е.). Київ, 1975.*] и Б. А. Тимошуку (Буковина) [*Тимошук В. О. Слов'яни Швтчшн Буковини V — IX ст. Київ, 1976.*].

В Польше получили характеристику пока памятники отдельных микрорегионов [*Hilczerowna Z. Dorzeczce gornej i srodkowej Obry od VI do poczatkow XI wieku. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1967; Losinski W. Poczatki wczesnosredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczcu dolnej Parsety (VII — X/XI w.). Wroclaw — Warszawa — Krakow — Gdansk, 1972.*]. Лодзинский археолог И. Хазегава предпринял интересную попытку обзорной систематизации раннесредневековой керамики западнославянских областей [*Hasegawa J. Z badan nad wczesnosredniowieczna ceramika zachodnioslowianska. Lodz, 1973; idem. Chronologia i rozprzestrzenienie ceramiki typu praskiego w Euro-pie srodkowej. Lodz, 1975.*].

Исследованию славянской керамики в Мекленбурге посвятил свои работы Э. Шульдт [*Schuldt E. Die slawische Keramik in Mecklenburg. Berlin, 1956; idem. Slawische Töpferei in Mecklenburg. Schwerin, 1964.*]. Итоги изучения раннесредневековых славянских

памятников, расположенных западнее Одера и Нысы, подведены в работе И. Херрманна [*Hermann J.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stamme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin, 1968.] и в книге «Славяне в Германии», подготовленной ко II Международному конгрессу славянской археологии (Берлин, 1970 г.) [Die Slawen in Deutschland. Berlin, 1970.]. Важное значение имеет издание Корпуса археологических источников по раннему средневековью ГДР [Corpus archaologischer Quellen zur Frühgeschichte auf dem Gebiet der Deutschen Demokratische Republik (7. bis 12. Jahrhundert), I. Berlin, 1973.].

Славянские древности Моравии исследовались в работах И. Поулика [*Poulik J.* Staroslovanska Morava. Praha, 1948; *idem.* Jizni Morava, zeme davnych slovanu. Brno, 1948 — 1950.]. Сводка славянской керамики Словакии выполнена Д. Бялековой, а пражская керамика Чехии стала объектом специального анализа И. Земана [*Bialekova D.* Nove vcasnoslovanske nalezy z juhozapadneho Slovenska, — Slovenska archeologia, X, 1962, s. 97 — 148; *Zeman J.* Nejstarsi slovanske osidleni Cech. — Pamatky archeologicke, 1976, 1, s. 115 — 235.].

К сожалению, сводной работы по раннеславянским древностям Паннонии пока нет, что затрудняет решение некоторых вопросов раннесредневековой истории славянства.

Славянские древности с территории Румынии описаны во многих публикациях [*Comsa M.* Slavii pe teritorial R.P.R. in secolele VI—IX in lumina cercetarilor arheo-logice. — SCIV, 1959,1, p. 65 — 80; *eadem.* La penetration des slaves dans le territoire de la Roumanie entre le VI et IX siecle a la lumiere des recherches archeologiques. — Slavia antiqua, VII, 1960, p. 175 — 188; *eadem.* Contributions a la question de la penetration des Slaves au sud du Danube durant les VI — VII siecles d'apres quelques don-nees archeologiques de Dobrudja. — In: I Miedzynarodowy kongres archeologii slo-wianskiej, I. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1970, p. 322 — 330.]. Постоянно исследуются славянские памятники VI — VII вв. в Болгарии [*Въжарова Ж. Н.* Славянски и славянобългарски селища в Българските земи от края на VI — XI век. София, 1965; *Vazarova Z.* Slawen und Protobulgaren auf Grund archaologischer Quellen. — Zeitschrift fur Archaologie, 1971, 2, S. 266 — 288; *Въжарова Ж.* Селища и некрополи (края на VI — XI в.) — Археология, 1974, № 3, с. 9 — 27; *она же.* Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI — XI в. на територията на България. София, 1976].

Из трёх этнографических признаков славянской культуры третьей четверти I тысячелетия н. э. важнейшим представляется керамика.

Научное обобщение и систематизацию всего накопленного к настоящему времени керамического материала славян третьей четверти I тысячелетия н. э. следует считать первоочередной необходимостью. Первый шаг в этом направлении был сделан румынской исследовательницей М. Комшей. В докладе на VII международном конгрессе предысторических и протоисторических наук ею был сделан краткий обзор керамических форм, распространенных на славянской территории в VI — VII и в VIII — IX вв. [*Comsa M.* Quelques problemes concernant l'unite et les variantes regionales de la civilisation slave aux VI — X siecles.— In: Actes du VIIe Congres International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques, 2. Praha, 1971, p. 1111 — 1116.].

Единственным критерием для определения керамического материала VI — VII вв. как славянского является генетическая преемственность этой посуды с более поздней средневековой керамикой, славянская принадлежность которой несомненна. Именно таким образом определены группы и типы славянской керамики в предлагаемой ниже классификации.

Отнесение к славянской керамике всех форм глиняной посуды, обнаруженной при раскопках памятников, атрибутированных исследователями в качестве славянских, нельзя считать правомерным. Во-первых, этническое определение многих раннесредневековых памятников часто бывает спорным. Так, одни археологи утверждают,

что днепровские древности типа Колочина являются славянскими, другие относят их к балтскому населению, или одни исследователи полагают, что среди захоронений в среднедунайских могильниках аварского времени имеется немало славянских, другие отрицают это. Во-вторых, многие раннесредневековые памятники оставлены населением, в этническом отношении смешанным. На таких памятниках обычно присутствует разнотипная керамика. Поэтому для выделения среди керамической массы собственно славянских форм посуды должны быть строгие критерии — преобладание с достоверно славянской керамикой более поздней поры.

Несомненно, ошибочна мысль о монолитности славянской керамики VI— VII вв. [*Ляпушкин И. И.* К вопросу о культурном единстве славян.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961, с. 203 — 209; *Русанова И. П.* Славянские древности VI — VII вв. М., 1976. В последней работе многие выводы являются результатом недооценки средневропейской археологической литературы.]. Она навеяна тем, что в то время славяне еще пользовались общим праславянским языком, и не обнаруживает каких-либо подтверждающих фактов в материалах археологии. Между тем и языковые данные не позволяют говорить о монолитности славянства в третьей четверти I тысячелетия н. э.

Праславянский язык в то время уже дифференцировался на диалекты, и членение это было довольно глубоким.

Предлагаемая классификация славянской керамики VI — VII вв. основана исключительно на целых сосудах. Фрагментарные материалы, как показала работа над керамикой в музеях и научных учреждениях, иногда приводят к ошибочным результатам, поэтому на первой стадии керамической классификации они не могут быть использованы. Всего удалось собрать в археологических хранилищах, а также по публикациям более 3000 полных сосудов, которые можно считать славянскими. Этот материал вполне достаточен и надежен как для керамической классификации, так и для исторических построений на её основе.

Первая славянская группировка — славены древних авторов

Прежде всего выявляются две очень крупные группы славянской керамики VI — VII вв.

Первую группу составляют преимущественно высокие горшки с усеченноконическим туловом, слегка суженным горлом и коротким венчиком. Наибольшее расширение их всегда приходится на верхнюю треть высоты. Орнаментация отсутствует (рис. 19).

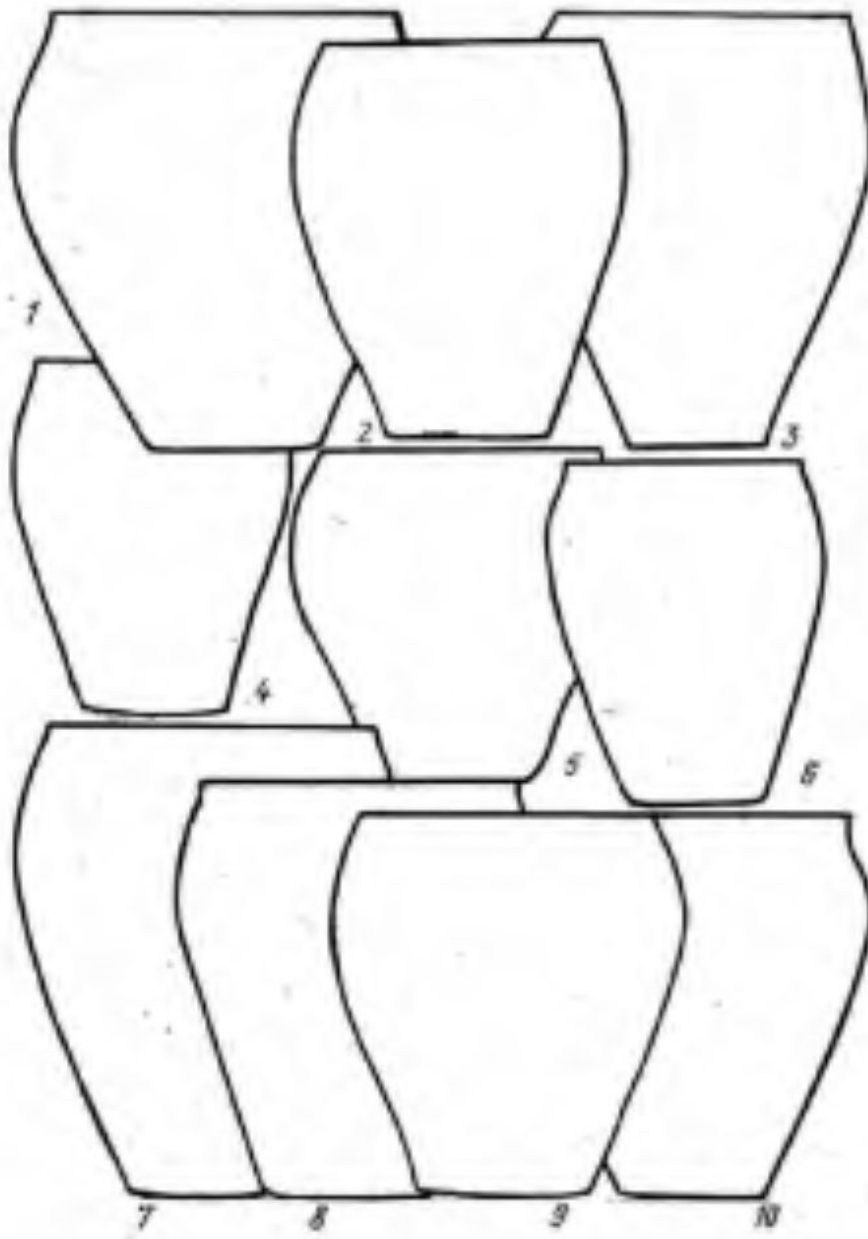
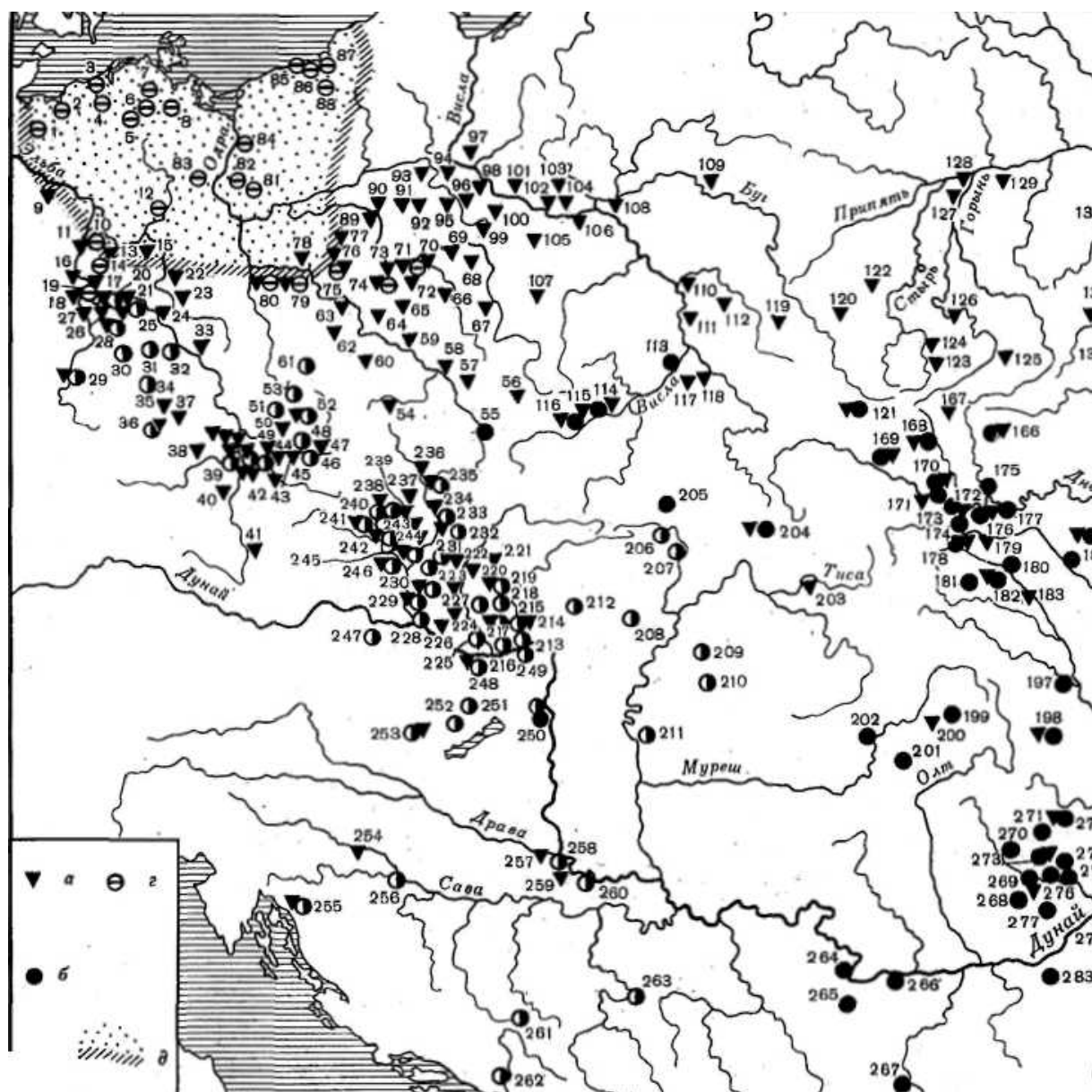

Рис. 19. Славянская керамика V — VII вв. первой группы (пражско-корчакская)

- 1 — Зялашуры;**
- 2 — Бршезно;**
- 3 — Рипнев;**
- 4 — Корчак IX;**
- 5 — Семице;**
- 6 — Нова Гута-Могила;**
- 7 — Мала-под-Гроном;**
- 8 — Шелиги;**
- 9 — Тетеревка;**
- 10 — Дессау-Мозигкау.**

Эту керамику впервые обстоятельно описал И. Борковский как одну из форм пражской керамики [В отличие от И. Борковского и других западнославянских исследователей, И. П. Русанова называет пражской только эту группу лепной керамики (*Русанова И. П.* Славянские древности VI — VII вв.), что нельзя считать оправданным.

По-видимому, вслед за румынскими археологами правильнее именовать рассматриваемую керамическую группу VI — VII вв. пражско-корчакской.]. Ныне она известна на обширной территории от верхней Эльбы до Киевщины (рис. 20).

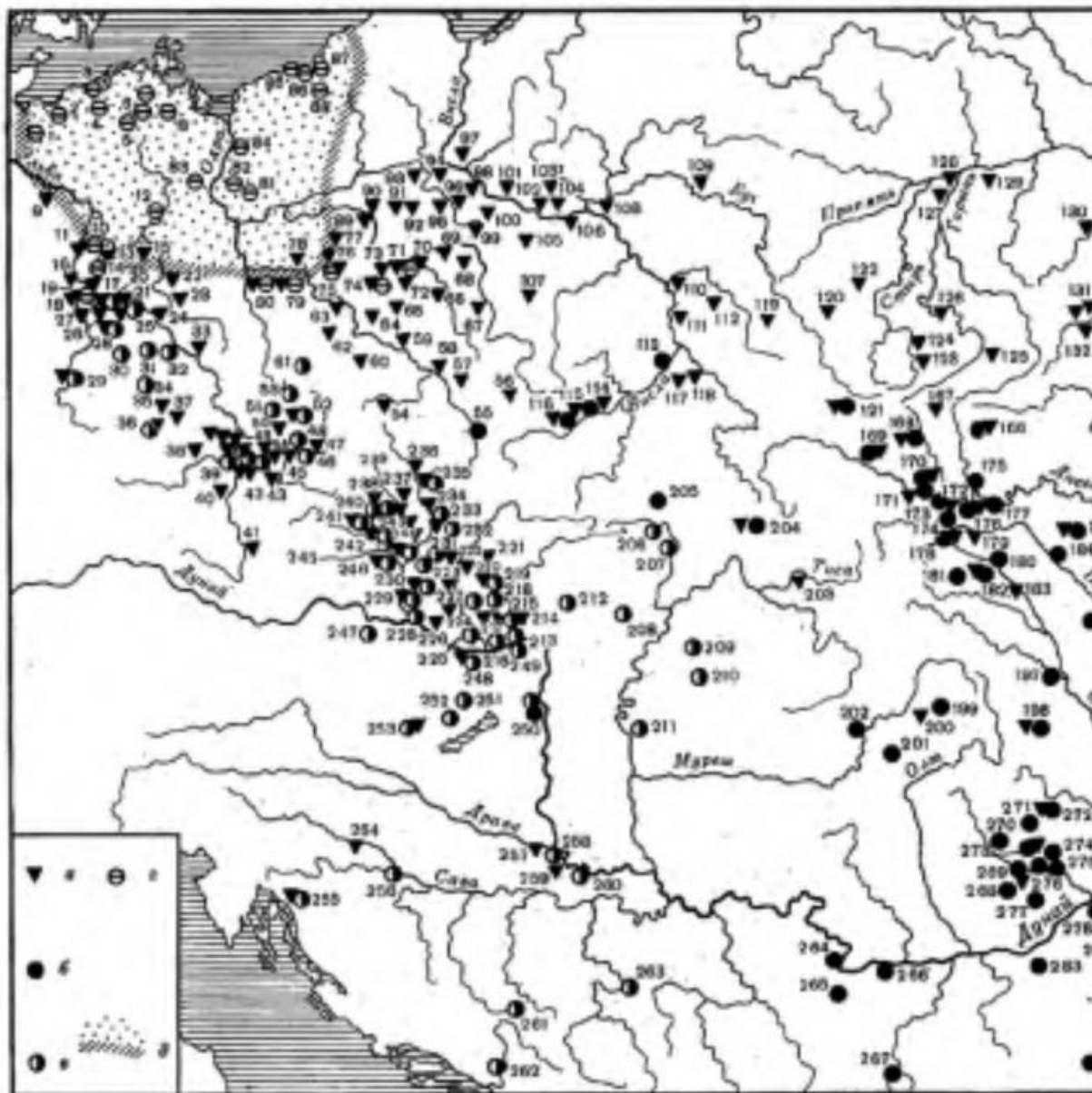

Рис. 20. Славянские памятники V — VII вв.

а — с сосудами первой (пражско-корчакиной) группы;

б — с сосудами второй (пражско-пеньковской) группы;

в — с керамикой, происходящей от сосудов второй группы;

г — с «сосудам» суковского, «неорнаментированного» и дзедзицкого типов;

д — ареал керамики последних типов, восстанавливаемый по распространению фрагментов.

1 — Грамонсхаген;

2 — Вентшоя;

3 — Шульце;

4 — Мюленгеер;

5 — Суков;

6 — Кляйн Марков;

7 — Гиелов;

8 — Гёрке;

9 — Ребенсторф;

10 — Колвитц;

11 — Хохензеиден;

- 12 — Леегебрух;
- 13 — Прютцке;
- 14 — Ниегрипп;
- 15 — Захон;
- 16 — Кенигсборн;
- 17 — Шартау;
- 18 — Штеутц;
- 19 — Мена;
- 20 — Дессау-Мозигкау;
- 21 — Мершвитц;
- 22 — Миттенвальде;
- 23 — Торнов с окрестными поселениями;
 - 24 — Нюнхритц;
 - 25 — Зауездлитц;
 - 26 — Грешпин;
 - 27 — Эддеритц;
 - 28 — Гросс Зеберигц;
 - 29 — Бад Дюрревберг;
 - 30 — Заушвитц;
 - 31 — Дюррвайтчен;
 - 32 — Хефген;
 - 33 — Дрезден-Штетт;
 - 34 — Чаагвитц;
- 35—39 — Прага (Градчаны, Лоретанская площадь, Бубенец, Подбабе, Лп-Еен, Малые Чичовице и др.);
 - 40 — Завист;
 - 41 — Чёрный Уезд;
 - 42 — Пржеров;
 - 43 — Либчице;
 - 44 — Жданице;
 - 45 — Старе Коуржим;
 - 46 — Грабешин;
 - 47 — Планяны;
 - 48 — Пржистоупиме;
 - 49 — Семице;
 - 50 — Пнев-Пржедграды;
 - 51 — Бойетице;
 - 52 — Клук;
 - 53 — Врщесник;
 - 54 — Хвалкув;
 - 55 — Ратиборц;
 - 56 — Семено-Подмлыне;
 - 57 — Ополе-Закжув;
 - 58 — Хорула;
 - 59 — Вроцлав-Злотник;
 - 60 — Ситно;
 - 61 — Доманевице;
 - 62 — Жуковице;
 - 63 — Гостын;
 - 64 — Челадец Велька;
 - 65 — Грабоног;

- 66 — Куша;
- 67 — Бурценин;
- 68 — Болещин;
- 69 — Конин Новы;
- 70 — Седлемин;
- 71 — Житовецко;
- 72 — Далещин;
- 73 — Вивогура;
- 74 — Брущево;
- 75 — Бониково;
- 76 — Бортовый Млын;
- 77 — Котово;
- 78 — Кленица;
- 79 — Полупин;
- 80 — Осечница;
- 81 — Дзедзицы;
- 82 — Дерчево;
- 83 — Мюров;
- 84 — Щецин-Кжеково;
- 85 — Колобжег;
- 86 — Барды;
- 87 — Кенджыно;
- 88 — Голаяч Поморский;
- 89 — Позвань;
- 90 — Рудки;
- 91 — Острув Ледницки;
- 92 — Дзекановище;
- 93 — Бискупин;
- 94 — Крушвица;
- 95 — Северск;
- 96 — Поляновице;
- 97 — Любич;
- 98 — Новины;
- 99 — Радвей-ув;
- 100 — Куява;
- 101 — Гродня;
- 102 — Шелиги;
- 103 — Цеканово;
- 104 — Слупино;
- 105 — Тум-Виташевице;
- 106 — Мендзыборув;
- 101 — Барковицв Мокре;
- 108 — Непорент;
- 109 — Дрогичин;
- 110 — Лаз Стоцки;
- 111 — Ходагик;
- 112 — Любрин-Чвартек;
- 113 — Тжебеславице;
- 114 — Злотники;
- 115 — Иголомья;
- 116 — Нова Гута-Могила;

- 117 — Бахуж;
- 118 — Ниско;
- 119 — Липско;
- 120 — Зимно;
- 121 — Рипнев;
- 122 — Подрижье;
- 123 — Липа;
- 124 — Костенец;
- 125 — Климентовицы;
- 126 — Зозив;
- 127 — Хотомель;
- 128 — Хорск;
- 129 — Семурадцы;
- 130 — Селец;
- 131 — Корчак I, VII и IX;
- 132 — Тетеревка;
- 133 — Шумск;
- 134 — Лука Райковецкая;
- 135 — Киев;
- 136 — Сосница;
- 137 — Заярье;
- 138 — Левиин Бугор;
- 139 — Лавриков Лес;
- 140 — Колодезный Бугор;
- 141 — Конотоп;
- 142 — Замошаны;
- 143 — Княжый;
- 144 — Лебязье;
- 145 — Дмитровка;
- 146 — Канев;
- 147 — Крещатик;
- 148 — Пастырское;
- 149 — Жовнин;
- 150 — Стецовка;
- 151 — Большая Андрусовка;
- 152 — Макаров Остров;
- 153 — Луг I;
- 154 — Луг II;
- 155 — Дериевка.;
- 156 — Яцева Балка;
- 157 — Игрень;
- 158 — Кизлевой;
- 159 — Волошское;
- 160 — Голики;
- 161 — Кальник;
- 162 — Самчинцы;
- 163 — Кочура;
- 164 — Скибинцы;
- 165 — Семенки;
- 166 — Городок;
- 161 — Лубянка;

- 168 — Звипяч I и II;
- 169 — Бовшев;
- 170 — Зелёный Гай;
- 171 — Городница;
- 172 — Перебыковцы;
- 173 — Вильховцы;
- 174 — Задубровка;
- 175 — Бакота;
- 176 — Рашков;
- 177 — Чепоносы;
- 178 — Глыбокое;
- 179 — Кодын;
- 180 — Фундул Хертей;
- 181 — Батошана;
- 182 — Шипот-Сучава;
- 183 — Руши-Мэнэстиоара;
- 184 — Старые Малаешты;
- 185 — Хуча;
- 186 — Алчедар;
- 187 — Лопатна;
- 188 — Селиште;
- 189 — Бранешти;
- 190 — Скок;
- 191 — Реча;
- 192 — Яссы (Круцеа луи Ферейтц);
- 193 — Кобуска Веке;
- 194 — Ханска;
- 195 — Костешты;
- 196 — Фэлциу-Васлуи;
- 197 — Цуртеа Домнеасцэ-Бакэу;
- 198 — Чернат;
- 199 — Бэцид;
- 200 — Зялашури;
- 201 — Поян;
- 202 — Ношлак;
- 203 — Дяково;
- 204 — Ужгород;
- 205 — Прешов;
- 206 — Гранична-при-Горнаде;
- 207 — Сеня;
- 208 — Арс;
- 209 — Деврецен;
- 210 — Карос;
- 211 — Сцентес;
- 212 — Желовце;
- 213 — Штурово;
- 214 — Мала-над-Гроном;
- 215 — Бешенев;
- 216 — Вирт;
- 217 — Нитранский Градов;
- 218 — Нитра;

- 219 — Вычаны-Опатовце;
- 220 — Вельке Госте;
- 221 — Брезолупы;
- 222 — Потворице;
- 223 — Силадице;
- 224 — Матушково;
- 225 — Голнар,
- 226 — Вайноры;
- 227 — Кошуты;
- 228 — Загорска Быстрица;
- 229 — Девинска Нова Весь;
- 230 — Ступава;
- 231 — Гвель;
- 232 — Скалица;
- 233 — Злеков;
- 234 — Старе Место;
- 235 — Блатец;
- 236 — Слатинки;
- 237 — Биловице;
- 238 — Брно;
- 239 — Велатице;
- 240 — Брно (подол);
- 241 — Пржидлуки;
- 242 — Бржеслав;
- 243 — Мунетице;
- 244 — Микульчице;
- 245 — Ланжхот;
- 246 — Поганьскс;
- 247 — Мюнхендорф;
- 248 — Оросцланы;
- 249 — Палисмарот-Башахаре;
- 250 — Дунауйварош;
- 251 — Баконькопвиы;
- 252 — Айка;
- 253 — Покасепект;
- 254 — Петровина;
- 255 — Бакар;
- 256 — Сисак;
- 257 — Осиек;
- 258 — Сарваш;
- 259 — Винковци;
- 260 — Сотин;
- 261 — Мушици;
- 262 — Нерези;
- 263 — Рогачица;
- 264 — Врев;
- 265 — Раяновцы;
- 266 — Волиндрын;
- 267 — София;
- 268 — Чурелу;
- 269 — Кымпул-Божа-Милитари;

- 270 — Дульцеанка;
- 271 — Тыргшор;
- 272 — Сэрата-Монтеору;
- 273 — Бэнеаса;
- 274 — Сгрэулешти-Лунка;
- 275 — Стрэулешти-Мэйценешти;
- 276 — Кэцелу Ноу;
- 277 — Илава;
- 278 — Гарван;
- 279 — Джеджови Лозя;
- 280 — Истрия;
- 281 — Сребрына;
- 282 — Старое Село;
- 283 — Стырмен;
- 284 — Плиска;
- 285 — Аксаково;
- 286 — Марица.

Один из коренных регионов распространения славянских памятников с керамикой первой группы охватывает Среднюю и Южную Польшу. Встречена эта керамика на многих поселениях и в погребениях. Наиболее полно исследованы и опубликованы поселения в Новой Гуте-Могиле под Краковом [*Hachulska-Ledwos R.* Wczesnosredniowieczna osada w Nowej Hucie-Mogile. — In: Materiały archeologiczne Nowej Huty, III. Krakow, 1971.], в Шелигах близ Плоцка [*Szymanski W.* Szeligi pod Plockiem na poczatk wczesnego sredniowieczna. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1967.], в окрестностях Брущева Косьцянского повята [*Jasnosz S.* Z problematyki badan wczesnosredniowiecznych osad otwartych na podsta-wie wykopalisk w Bruszczewie, pow. Koscian. — In: Fontes archaeologici Posnanienses, XIV, 1963, s. 198 — 206; *idem.* Wstepne badania wykopaliskowe na wczesnosred-niowiecznym grodzisku w Bruszczewie w pow. koscianskim. — Przegląd archeologiczny, 16, 1964, s. 162 — 173; *idem.* Wczesnosredniowieczny zespól osadniczy w Bruszczewie, pow. Koscian. — Fontes archaeologici Posnanienses, XXII, 1972, s. 30 — 59.], в Бониково того же повята [*Holowinska Z.* Wczesnosredniowieczne grodzisko w Bonikowie w pow. koscianskim. Poznan, 1956.] и в меньшей степени некоторые другие. Известны и могильники с лепной керамикой этой группы [*Bernat W.* Wczesnosredniowieczne smentarszysko cia'opalne w miejscowosei Miedzy-borow, pow. Grodzisk Mazowiecki. — WA, XXII, 1, 1955, s. 81, 82; *Ranhut L.* Wczesnosredniowieczny grob cia'opalny ze wsi Nieporet, pow. Wolomin. — WA, XXIV, 4, 1957, s. 382, 383.]. Это открытые случайно единичные грунтовые захоронения по обряду трупосожжения. Остатки кремации в них помещены в глиняные урны, изредка — непосредственно в ямки. Однако было бы преждевременно делать на этом основании вывод о распространенности в славянских могильниках третьей четверти I тысячелетия н. э. урновых погребений.

Польские археологи на многих примерах показали эволюционное развитие описываемой группы славянской керамики в более позднюю средневековую [*Hensel W.* Slowianszczyzna wczesnosredniowieczna. Warszawa, 1965, s. 281 — 294, *Hilczzerowna Z.* Z badan nad geneza ceramiki wczesnosredniowiecznej — Archeologia Polski, II, 2, 1963, s. 318—331, *eadem* Dorzecze gornej i slodkowej Obry, s. 50 — 139.]. Большой интерес представляет определение начальной даты керамики первой группы. Ее бытование в VI столетии в настоящее время не вызывает каких-либо возражений. Имеются основания предполагать, что некоторые из поселений со славянской керамикой первой группы существовали уже в V в. Так, на поселениях в Осечнице и Раджееве в слоях вместе со славянской лепной

керамикой обнаружены фрагменты серой («сивой») посуды, широко представленной в пшеворских памятниках и имеющей верхнюю дату V столетие.

Поселения с аналогичной керамикой известны и в юго-западных районах СССР. В Припятском Полесье они были выявлены еще С. С. Гамченко и И. Ф. Левицким [Кухаренко Ю. В. Славянские древности V — IX веков на территории Припятского Полесья — КСИИМК, 57, 1955, с. 33 — 38. Петров В. П. Памятники корчакского типа (по материалам раскопок С. С. Гамченко) — МИА, № 108, 1963, с. 16 — 38.], а в последние десятилетия очень плодотворно исследовались И. П. Русановой [Русанова И. П. Славянские древности VI — IX вв. между Днестром и Западным Бугом.]. Ею же убедительно показано генетическое развитие более поздней славянской керамики этого региона из посуды VI — VII вв., которая здесь получила название корчакской керамики. Припятское Полесье находилось в стороне от славянских и неславянских передвижений второй половины I тысячелетия н. э., поэтому материальная культура славян развивалась здесь в спокойном русле. И. П. Русановой удалось разработать детальную хронологическую шкалу славянской керамики VI — X вв.

Как и на территории Польши, поселения славян VI — VII вв. в Полесье были небольшими и неукрепленными. Часто они занимали мыс на берегах рек, участки, ограниченные оврагами или иными естественными препятствиями. Площадь их — от 1,5 до 10 тыс. кв. м. В VI — VII вв. строятся и первые городища (Хотомель, Зимно и др.).

В Припятском Полесье известно несколько грунтовых могильников с керамикой первой группы, но они не подвергались растопочным исследованиям. Кроме грунтовых захоронений, в этом регионе встречаются и курганные могильники с корчакской керамикой [Русанова И. П. Погребальные памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Северо-Западной Украины — КСИИМК, 135, 1973, с. 3 — 9. Musiano-wicz K. Cmentarzysko kurhanowe z VI — VIII w w Klimentowiczach kolo Szepietowki (USSR). — WA, XXXIX, 3, 1975, s. 325 — 338.]. Сожжения умерших всегда происходили на стороне Собранные с погребальных костров кальцинированные кости помещали в курганной насыпи в ямке или кучкой и только в редких случаях собирали в глиняную урну.

Славянская керамика первой группы получила распространение также в Поднестровье, в нижнедунайских и среднедунайских землях и на верхней Эльбе. Однако, если в бассейне Вислы и в Припятском Полесье она была господствующей, а порой и единственной формой керамики VI — VII вв., то в более южных областях Европы наряду с глиняной посудой первой группы получили распространение и иные формы славянской керамики.

Уже в Верхнем Поднестровье вместе с керамикой первой группы широко представлена глиняная посуда второй группы, о которой речь пойдет ниже. Здесь имеются единичные поселения, содержащие исключительно керамику первой группы, но в основном эта керамика сосуществует на одних и тех же поселениях с иными формами [Лепная керамика славянских поселений VI — VII вв. Верхнего Поднестровья и Западной Волыни исследовалась в ряде работ В. Д. Барана (Баран В. Д. Раннеславянские памятники на Западном Буге — Slovenska archeologia, 1965, Л» 2, с. 319 — 396, он же Рант слов'яни між Дністром і Прип'яттю, с. 33 — 50) Однако его типология выполнена по иным принципам и имеет локальное, а не общеславянское значение. Она не совместима с предлагаемой здесь классификационной группировкой всей славянской керамики третьей четверти I тысячелетия н. э.]. Такая же картина наблюдается и в Северной Буковине. На поселении в урочище Кодын в Черновицкой обл., преимущественно с керамикой первой группы, найдены две железные фибулы типа Bugelknopffibel, датируемые IV — первой половиной VI в. [Тимошук Б. О. Слав'яни Північної Буковини V — IX ст., с. 39.]. Не исключено, что не только в повисленских памятниках, но и в Верхнем Поднестровье начальной датой славянской керамики первой группы было V столетие.

Славянская керамика первой группы встречается также на отдельных

памятниках Молдовы, Мунтении и Добруджи [*Mitrea J.* Contributii la cunoasterea populatiei locale dintre Carpati si Siret in sec V — VI e. n. — In Memoria Antiquitatis, II Piatra Neamt, 1970 p. 345 — 369, fig 14, 3, 5, *Teodor Dan Ch.* Unele probleme privind evolutia culturii materiale din Moldova in secolele VI — X — Carpica, II, 1969, p. 253 — 307, fig 18, 4 — 6, *idem* Les plus anciens Slaves dans l'Est de la Roumanie (Moldavie) — In Berichte uber den II Internationalen Kongress fur Slawische Archäologie, III, Berlin, 1973, p. 201 — 211, fig 2, *Sze-kely Z.* Die fruhesten slawischen Siedlungen in Siebenburgen — Slavia antiqua, XVII. Warszawa — Poznan, 1970, S. 125 — 130 Abb. 1,1 — 3, Cercetari arheologice in Bucuresti. Bucuresti, 1963, fig 8, 27, *Комша М.* Проникновение славян на территорию Румынской народно-демократической республики и их связи с автохтонным населением — В кн. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, т V М., 1970, с. 275 — 287, рис. 2, 3, 4.] и ещё южнее — в придунайских районах Болгарии [*Выжарова Ж. Н.* Славяне и праболгары в связи с вопросом средиземноморской культуры — В кн. Славяните и средиземноморският свят VI — XI век. София, 1973, с. 239 — 266, рис. 2, *Выжарова Ж.* Селища и некрополи, с 9 — 27, рис. 2.]. Основную же массу славянской керамики VI — VII вв. здесь составляют горшки второй группы. Очевидно, эти земли были освоены в основном славянами, принадлежащими иной племенной группировке. Вместе с тем в миграционном потоке славян участвовали и славяне — носители керамики первой группы, продвинувшиеся в нижнедунайские земли, очевидно, из Западноволынского и Припятско-то регионов. К такому же заключению пришла и румынская исследовательница М. Комша, предпринявшая интересную попытку восстановить пути и направления славянского проникновения на территорию Румынии. Выявляются и пути расселения славянской группировки, представленной керамикой первой группы, или керамикой пражско-корчакского типа, по терминологии М. Комши. Это расселение осуществлялось черезверхнеднестровские области из Западной Волыни и из бассейна Тетерева [*Comsa M.* Directions et etapes de la penetration de Slaves vers la peninsule Balkanique aux VIe — VIIe siecles (avec un regard special sur le territoire de la Roumanie). — In: Balcanoslavica, 1. Prilep — Beograd, 1972, p. 9 — 28.].

Иная картина славянского расселения выясняется в среднедунайских землях и в верхней части бассейна Эльбы, т. е. на территориях Чехословакии, ГДР, Югославии, Венгрии и Австрии. Здесь вначале почти безраздельно господствуют поселения и могильники со славянской керамикой первой группы.

Такая керамика опубликована И. Борковским из различных мест территории города Праги (Лоретанская площадь, Бубенеч, Подбаба, Михле, Ливен, Велеславин, Дейвице), а также из Жданиц, Ланжхота, Планин и других [*Borkovsky I.* Staroslovanska keramika ve stredni Europe, tab. I, 1, 3, 4, 7 — 9; II, 15, 17, 22; obr. 3, 1, 3; 8, 1 — 3; 9, 1 — 4; 14, 4; *idem.* Prazsky hrad v dobe premyslovskych knizat. Praha, 1969, obr. 5, 7.]. Й. Поулик исследовал и опубликовал памятники с рассматриваемой керамикой из Ланжхота, Блатеца, Биловиц, Велатиц, Пржитлук, Писарок и других пунктов Моравии [*Poulik I.* Staroslovanska Morava, tab. III, 1, 2; IV, 2, 4 — 6; V, 2, 3; VI, 1 — 4; obr. 2; *idem.* Jizni Morava, zeme davnych slovanu, obr. 92 — 95; *idem.* Necropole slave a incineration de Pritluky (Moravie). — In: Investigations archeologiques en Tchechoslovaquie. Praha, 1966, p. 239, pl. XXVIII.]. Материалы из памятников Моравии издавались также В. Грубым, 3. Кланицей и другими [*Hruby V.* Stare Mesto. Velkomoravske pohrebiste «Na valach». Praha, 1955, tab. 51,1; Podborsky V. Stara Breclav, necropole du type de Prague (Moravie). — In: Investigations archeologiques en Tchechoslovaquie. Prana, 1966, p. 239, tab. XXIX; *Klanica Z.* Pokus o trideni keramiky z Mikulcic. — In: Sbornik Josefu Poulikovi k sedesatinam. Brno, 1970, s. 103 — 112, tab. 6, 5.]. Обильно представлены древности, характеризующие славянской керамикой первой группы, и на территории Словакии. Наиболее известными памятниками здесь являются Силадице, Матюшково, Потворице, Мала [*Bialekova D.* Nove vcasnoslovanske nalezy z juhozapadneho Slovenska. — Slovenska archeologia, 1962, N 1, s. 97 — 148; *eadem.* Osadnictwo slowianskie nad srodkowym Wagiem i gorna Nitra. — Acta archaeologia

Carpathica, IV, 1 — 2, 1963, s. 177 — 201; **Chropovsky B.** Slovensko na usvite dejin. Bratislava, 1970, s. 15 — 25; **Dekan J.** Vyvoj a stav archeologickeho vyskumu doby predvel'komoravskej. — Slovenska archeologia, 1972, N 2, s. 559 — 577, obr. 1.]. Но такая керамика встречена в десятках пунктов, в том числе и в погребениях некоторых славяно-аварских могильников (например, в Девинской Новой Веси) [**Eisner J.** Devinska Nova Ves. Bratislava, 1952.].

Весьма успешно исследуются славянские памятники с керамикой первой группы и на территории Чехии [**Kudrnac J.** Vyvoj slovanskeho osidleni mezi prazskim Povltavim, Labem, Sazavou a Vyrovkou. — Památky archeologicke, 1963, 2, s. 173 — 220; **Zeman J.** Les debuts du peuplement Slave de la Tchécoslovaquie et le problemes de type de Prague. — In: Investigations archeologiques en Tchécoslovaquie. Praha, 1966, p. 215 — 218; **idem.** Be-ginn der slawischen Besiedlung in Bohmen. — In: Siedlung und Verfassung Bohmens in der Fruhzeit. Wiesbaden, 1967, S. 3 — 16; **idem.** Nejstarsi slovanske osidleni Cech, s. 115 — 235; **Баранова М., Сметанка З., Станя Ч.** Археологические исследования славянской эпохи в Чехии и в Моравии в 1966 — 1974 гг. — Památky archeologicke, 1975, 1, s. 153 — 162.]. Особо можно выделить планомерные раскопки поселения Бржезно близ Лоуны, давшие интересные материалы как для истории материальной культуры славян раннего средневековья, так и для исследования славяно-германских взаимоотношений [**Pleinerova I.** Germanische und slawische Komponenten in der altslawischen Siedlung Brezno bei Louny. — Germania, 43, 1965, S. 121 — 138; **eadem.** Poznatky a problemy vyzkumu v Brezne. — AR, 1967, 5, S. 648 — 665; **eadem.** Zur relativen Chronologie der Keramik vom Prager Typus auf Grund der Siedlungsgrabung Bfezno bei Louny. — AR, 1968, 5, s. 645 — 666; **eadem.** Druha predbezna zprava a vyzkumu sidlist z doby stehovani narodu a slovanskeho obdobi v Brezne. — AR, 1971, 6, s. 700 — 715.]. Имеется опыт классификации славянской керамики Чехии [**Pleinerova I, Zeman J.** Navrh klasifikace casne slovanske keramiky v Cechach. — AR, 1970, 6, s. 721 — 732.].

Славянская керамика первой группы с территории Югославии, Австрии и Венгрии немногочисленна. Югославские и австрийские ее находки описаны в работах З. Винского и Х. Митши-Мерхайм [**Vinski Z.** Gibt es slawische Keramik aus der Zeit der sudslawischen Landnahme? — In: Archaeologia Jugoslavica, 1. Beograd, 1954, S. 71 — 82; **Mitscha-Marheim H.** Neue Bodenfunde zur Geschichte der Langobarden und Slawen im osterreichischen Donau-raum. — In: Beitrage zur alteren europaischen Kulturgeschichte, II. Klagenfurt, 1953, S. 355 — 378.]. Аналогичная керамика с территории Венгрии пока не получила обобщающей характеристики, что, видимо, обусловлено отсутствием здесь памятников, содержащих исключительно славянскую посуду первой группы. Она встречена на территории Венгрии до сих пор или в могильниках лангобардов [**Bona I.** Ober einen archaologischen Beweis des langobardisch-slawisch-awarischen Zusammenlebens. — Studijne zvesti Archeologickeho ustavu Slovenskej Akademie vied, 16, 1968, S. 35 — 45.], или уже на памятниках аварского времени [**Sos A. Cs.** Das fruhawarenzeitliche Graberfeld von Oraszlany. — Folia archaeologica, X, 1958, S. 105 — 124, Taf. XVII; **eadem.** Jelentes a Pokoszetpetki asatasoklol. — Archaeologiai ertesito, 1973, 1, p. 66 — 77, fig. 9.]. Однако не исключено, что в дальнейшем здесь будут обнаружены и поселения с наслоениями, характеризующимися керамикой рассматриваемого типа.

Крупный вклад в изучение поселений и могильников со славянской керамикой первой группы внесли археологи ГДР. В бассейне средней Эльбы выявлены и обследованы десятки таких памятников [**Hoffmann W.** Die fruhslawische Brandgraberfelder im mittleren Elbegebiet. — Praehis-terische Zeitschrift, XXXVII, 3, 1959, S. 169 — 174; **Schmidt B.** Die spate Volkerwan-derungszeit im Mitteldeutschland. Halle, 1961, Taf. 27; **Kruger B.** Zur Nordwestaus-breitung der fruhslawischen Keramik im weiteren Elbe-Saale-Gebiet. — In: Varia Archaeologica (Unverzagt-Festschrift). Berlin, 1964, S. 219 — 227; Corpus archaeologischer Quellen zur Fruhgeschichte auf dem Gebiet der Deutschen Demokratischen Republik (7. bis 12. Jahrhundert), I. Berlin, 1973.]. На многих из них произведены

раскопочные работы, а отдельные памятники, например Дессау-Мозигкау [*Kruger B.* Dessau-Mosigkau. Ein fruhslawischer Siedlungsplatz im mittleren Elbegebiet. Berlin, 1967.], стали объектами монографических исследований.

Вопрос о том, когда и какими путями распространились славяне, оставившие керамику исследуемой группы, в среднедунайских землях и в бассейне Эльбы, не раз обсуждался в археологической литературе. Высказанное И. Борковским мнение об автохтонном развитии пражской керамики на основе позднелатенских древностей имеет чисто историографический интерес. Ныне вполне очевидно, что славянская культура, представленная керамикой первой группы, в Подунавье и на Эльбе является пришлой.

Й. Поулик первоначально датировал раннеславянскую керамику в Моравии и соседних дунайских землях временем с V в., а поскольку в Пржитлуках пражские сосуды встречены вместе с позднеримскими, он говорил о возможности славянского проникновения в эти области в III — IV вв. Расселение славян в Среднем Подунавье, по мнению этого исследователя, осуществлялось с севера, из нынешних южнопольских земель [*Poulik J.* Staroslovanska Morava, s. 15 — 19; *idem.* Staroslovanske mohylove pohrebis-te v Pritlukach na Morave. — AR, 1951, 1, s. 97 — 100.]. Позднее Й. Поулик стал определять раннюю дату пражской керамики концом V — VI в. [*Poulik J.* Etat des etudes slaves en Moravie. — In: Investigation archeologiques en Tchecoslovaquie. Praga, 1966, p. 237.].

Многие археологи (И. Вернер, Х. Прайдель и другие) полагают, что славяне расселились на среднем Дунае и в бассейне Эльбы после ухода отсюда германских племен, т. е. не ранее второй половины VI в. [*Preidel H.* Die Anfange der slawische Besiedlung Bohmens und Mahrens. Grafelfind, 1959, S. 59 — 70.].

Действительно, в области Эльбы славяне начали расселяться только в VI в. Крупные изыскания, проведенные в Бржезно, Дессау-Мозигкау, Лютьенберге и других местах, говорят об этом со всей очевидностью. Славянское поселение Лютьенберг I надежно датировано И. Херрманном временем с начала VI в., и эта археологическая датировка подкрепляется дендрологической [*Herrmann J.* Die germanischen und slawischen Siedlungen und das mittelalterliche Dorf von Tornow, Kr. Calau. Berlin, 1973, S. 243 — 265, 359 — 366.]. В Бржезно славяне поселились около середины VI в. Можно предполагать, что первые славяне застали в его окрестностях германское население и находились с ним в культурных контактах.

В последние годы все отчетливее выясняется, что в Моравии и соседних с ней дунайских землях славяне расселяются в VI в. Исследования Я. Тейрала и других археологов показали, что известные здесь древности V в. принадлежат к дославянским [*Tejral J.* Mahren im 5 Jahrhundert. Praha, 1973.]. Находки раннеславянской керамики в лангобардских могильниках свидетельствуют о том, что славяне расселились в этих землях уже в первой половине VI в. и в ряде мест застали германское население.

Также нет оснований для датировки славянской керамики рассматриваемого облика из Словакии временем ранее рубежа V и VI вв. [*Bialekova D.* Nove vcasnoslovanske nalezky z juhozapadneho Slovenska, s. 135.].

Наиболее вероятным регионом, из которого происходило расселение славян в области среднего Дуная и Эльбы, является бассейн Вислы или Висло-Одерское междуречье, хотя твердых данных для реконструкции этой миграции в распоряжении исследователей пока нет. Ранние же славяне Среднего Подунавья, судя прежде всего по керамике, принадлежали к той же группировке, что и славянские племена Висло-Одерского междуречья и Припятского Полесья.

Славянская керамика первой группы в Среднем Подунавье и на Эльбе бытовала сравнительно недолго. В конце VI и начале VII в. развитие этой керамики было прервано [В отдельных пунктах керамика первого типа продолжала бытовать среди вновь распространившейся до конца VII в. (*Bialekova D.* Zur Datierung der oberen Grenze des Prager Typus in der Sudwestslowakei. — AR, 1968, 5, S. 619 — 625)]. На средней Эльбе

керамика первой группы бытовала, по-видимому, до середины VII в.]. С конца VI в. здесь получила распространение глиняная посуда иного облика, генетически не связанная с рассматриваемой. Ее характеристика будет дана далее.

Это обстоятельство постоянно подчеркивается исследователями. Имеются различные попытки его объяснения. Высказано даже мнение, отрицающее славянскую принадлежность керамики первой группы предлагаемой классификации. Так, Л. Караман, подчеркивая, что эта керамика не получила какого-либо развития в средневековой славянской культуре Югославии, пробовал связать ее с неславянскими племенами VI в. [*Karaman L. Glose nekojum pitanjima slovenske arheologie. — Vjesnik za arheologiju i historiju Dalmatinskiu, LIV, 1952, s. 55 — 71.* К этому мнению склоняется и З. Трнячкова (*Trnackova Z. K datovani kostroveho hrobu ze Slizan na Morave.— Pamatky archeologicke, 1962,2, s. 442 — 448*).].

Однако славянская принадлежность керамики рассматриваемой группы доказывается ее генетической связью с позднейшими славянскими древностями на материалах Польши и Припятского Полесья. Объяснение смены славянской керамики в Среднем Подунавье может быть одно. Славянские памятники с керамикой первой группы отражают первую волну славянского освоения этой территории. За ней последовала другая миграционная волна. Она шла из другого региона, расселялась иная культурно-этническая группировка славян. В результате вторая волна захлестнула первую.

Мысль о заселении славянами Балканского полуострова двумя потоками относится ещё к прошлому столетию. Ее пытались обосновать В. Копинар и Ф. Миклошич. Недавно эта теория получила надежное подкрепление в этнографических и лингвистических материалах. Б. Братанич на основе анализа пахотных орудий выявил на территории Югославии две этнографические зоны, позволившие определенно говорить о двух этапах славянского расселения: первом, охватившем значительную часть южнославянских земель, и втором, ассимилировавшем или вытеснившем на окраины более раннее славянское население [*Bratanic B. Uz problem doseljenja juznih Slavena. — In: Zbornik radova (Filozofskog Fakulteta Sveucilista u Zagrebu). Zagreb, 1951, s. 221 — 248.*]. Н. И. Толстой показал, что типы рал, характеризующие эти два потока славянской миграции, разнятся и по своей лингвистической номенклатуре [*Толстой Н. И. Некоторые вопросы соотношения лингво- и этнографических исследований. — В кн.: Проблемы картографирования и языкознания и этнографии. Л., 1974, с. 23 — 25.*].

Независимо от этих исследований к подобному заключению подошли и археологи. Уже Я. Бем писал о двух славянских культурных группировках в Среднем Подунавье. На археологических материалах Югославии это обосновала М. Любинкович [*Ljubinkovic M. Problemi arheoloskih istrazivanja VI — VII veka u Jugoslaviji, sa posebnim osvrtom na probleme slovenske arheologije. — In: Materijali in Simpozijum praistorijske i srednjevekovne sekcije Archeoloskog drustva Jugoslavije. Beograd, 1966, s. 83 — 94.*].

Славянские погребения с керамикой первой группы открыты уже во многих местах. Среди них имеются грунтовые и курганные захоронения. Во всех без исключения случаях это трупосожжения. Кремация умерших совершена на стороне. Собранные с погребальных костров кальцинированные кости ссыпаны в ямку и кучки, а иногда помещены в глиняную урну. Погребения в большинстве случаев безынвентарные.

Детали погребальной обрядности позволяют расчленивать славянские трупосожжения VI — VII вв. на несколько вариантов [Интересное обобщение по славянским могильникам с трупосожжениями на территории Польши выполнено Е. Цолл-Адамиковой (*Zoll-Adamikowa H. Wczesnos-redniowieczne smientarzyska ciatopalne slowian na terenie Polski. Wroclaw — Warszawa — Krakow — Gdansk, 1975*).]. Однако выделить то специфическое, что было бы характерно исключительно для захоронений славян — носителей керамики первой группы, не удастся. Скорее всего, славянская группировка, представленная памятниками с этой керамикой, не имела этнографических особенностей. Как известно, многие славянские племена последней четверти I тысячелетия н. э. также не

разграничиваются по деталям погребального обряда.

Славянское домостроительство VI — VII вв. в целом исследовал немецкий археолог П. Донат [*Donat P.* Zur Nordausbreitung der slawischen Grubenhauser. — *Zeitschrift für Archäologie*, 1970, N 2, S. 250 — 269; *idem.* Bemerkungen zur Entwicklung des Slawischen Hausbaues im mittleren und südöstlichen Europa. — In: *Balkanoslavica*, 4. Prilep — Beograd, 1975, S.113 — 126.]. В области расселения славян выделяются две зоны. Для территории, включающей бассейны Вислы и Одера, а также для Мекленбурга и Бранденбурга характерны наземные бревенчатые дома. В более южных районах славянского ареала господствовали квадратные в плане полуземляночные жилища с печью в одном из углов. В некоторых регионах оба типа жилищ сосуществовали. К таким районам принадлежат Малая Польша, где встречаются полуземляночные постройки при наличии поселений с наземными домами; Моравия, где наряду с поселениями, на которых господствуют полуземлянки, есть поселения с наземными жилищами (например, Микульчице); отчасти Припятское Полесье, где открыты и полуземлянки, и наземные дома (например, Зимно).

Границы двух зон славянского домостроительства (рис. 21) в значительной степени не совпадают с границами регионов, определяемых на основе керамического материала. По-видимому, это закономерно. Также перекрещиваются внутри одного этноса изоглоссы и изолексы. Все же можно отметить, что в коренных областях распространения керамики первой группы, в бассейнах Вислы и Одера, господствовали наземные жилища. Полуземляночные же постройки получили распространение в основном на окраинах территории расселения славянских племен — носителей керамики первой группы, в большинстве случаев там, где они встретились с другим племенным объединением славян.

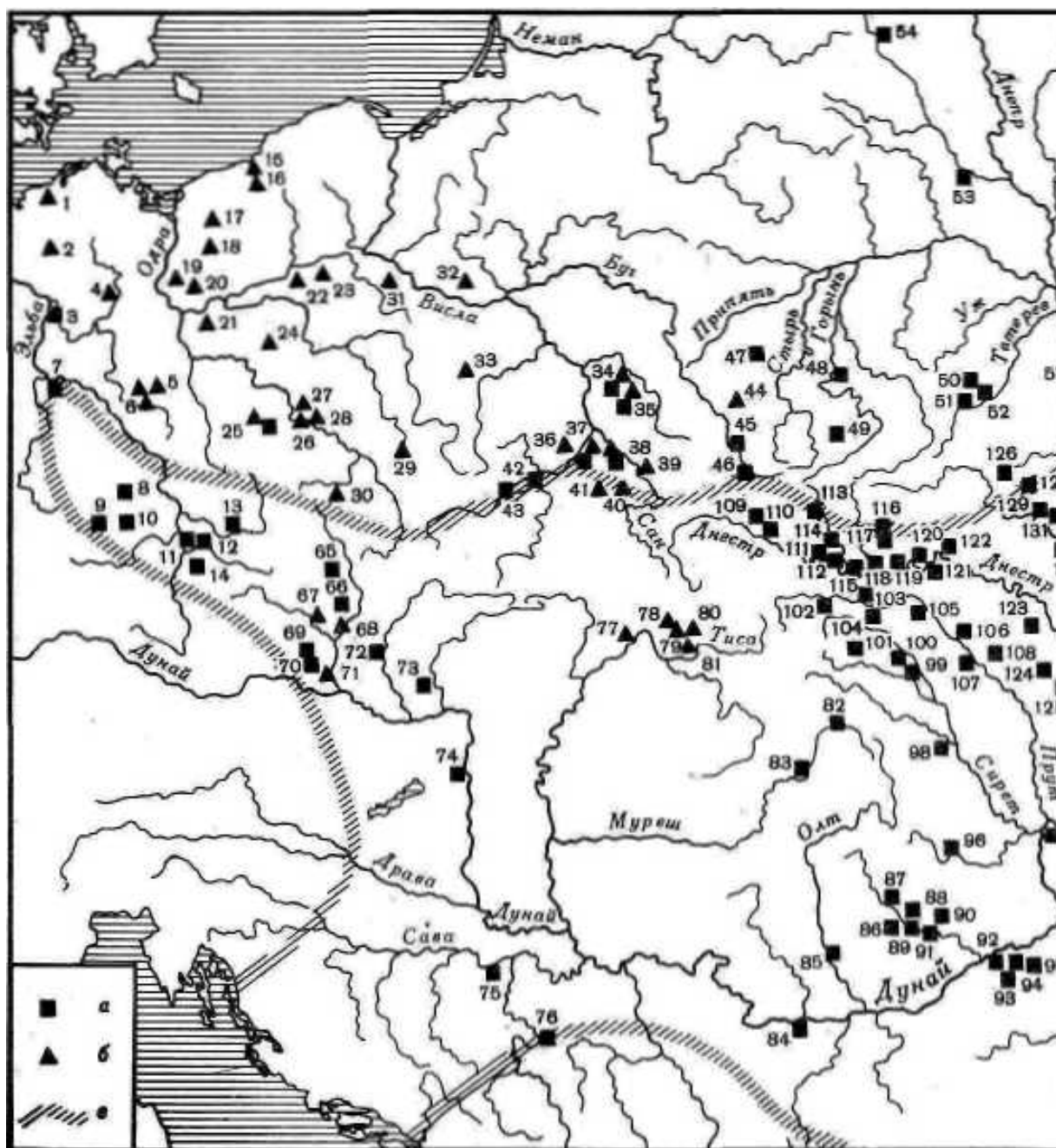

Рис. 21. Распространение славянских жилищ VI — VII вв.

а — поселения с полуземлянками;

б — поселения с наземными жилищами;

в — приблизительная граница распространения керамики второй группы.

1 — Гросштемкендорф;

2 — Суков;

3 — Гребен;

4 — Леегебрух;

5 — Торнов;

6 — Лютенберг I и II;

7 — Дессау-Мозигкау;

8 — Бржежанки;

9 — Кадань;

10 — Бржезно;

11 — Прага-Богнице;

- 12 — Беховице;
- 13 — Старе Бадры;
 - 14 — Завист;
 - 15 — Барды;
 - 16 — Голанч;
 - 17 — Сельско;
 - 18 — Лобжаны;
 - 19 — Дерчево;
 - 20 — Дзедзицы;
 - 21 — Пщево;
 - 22 — Упще;
 - 23 — Латково;
 - 24 — Котово;
 - 25 — Жуковице;
 - 26 — Вшемирув;
- 27 — Челадз Белька;
 - 28 — Дембица;
 - 29 — Косцелиска;
 - 30 — Хвалькув;
 - 31 — Радзейув;
 - 32 — Шелиги;
- 33 — Барковице Мокре;
- 34 — Люблин Чвартек;
 - 35 — Киркут;
 - 36 — Шавечин;
 - 37 — Бахуж;
 - 38 — Ниско;
 - 39 — Мацькувка;
 - 40 — Хусов;
 - 41 — Жешов;
 - 42 — Злотники;
 - 43 — Нова Гута;
 - 44 — Зимно;
 - 45 — Ромош;
 - 46 — Рипнев;
 - 47 — Подрижье;
 - 48 — Городок;
 - 49 — Липа;
 - 50 — Корчак I;
 - 51 — Корчак VII;
 - 52 — Корчак IX;
 - 53 — Щатково;
 - 54 — Деделовичи;
- 55 — Целиков Бугор;
 - 56 — Стрелица;
 - 57 — Киев;
 - 58 — Сахновка;
 - 59 — Пастырское;
 - 60 — Луг I;
 - 61 — Молочарня;
 - 62 — Андрусовка;

- 63 — Игрень;
- 64 — Волошское;
- 65 — Моржице;
- 66 — Мутенице;
- 67 — Подивин;
- 68 — Микульчице;
- 69 — Дольны Вестоницы;
- 70 — Поганьско;
- 71 — Девинска Нова Весь;
- 72 — Силадице;
- 73 — Нитранский Градок;
- 74 — Дунауй-варош;
- 75 — Батьковичи;
- 76 — Мушици;
- 77 — Сомотор;
- 78 — Оросиево;
- 79 — Вовчанское;
- 80 — Петрово;
- 81 — Чепя;
- 82 — Подей;
- 83 — Морешты-Чипэу;
- 84 — Волиндрын;
- 85 — Ипотешти;
- 86 — Чурелу;
- 87 — Дэмэройя;
- 88 — Тей;
- 89 — Кэцему Ноу;
- 90 — Стрэулешти-Лунка;
- 91 — Кымпул Боша Милитари;
- 92 — Гарван;
- 93 — Старое Село;
- 94 — Джеджови Лозя;
- 95 — Сребрына;
- 96 — Киндешты;
- 97 — Диногоция;
- 98 — Куртэа-Домнэаска;
- 99 — Шипот-Сучава;
- 100 — Лозна-Дотохой;
- 101 — Батошана;
- 102 — Глубокое;
- 103 — Задубровка;
- 104 — Кодын;
- 105 — Ибэнешти;
- 106 — Хуча;
- 107 — Яссы;
- 108 — Малаешты;
- 109 — Болшев;
- 110 — Демьянов;
- 111 — Зелёный Гай;
- 112 — Горошево;
- 113 — Звиняч;

- 114 — Колодривка;
- 115 — Перебыковцы;
- 116 — Городок;
- 117 — Куприн;
- 118 — Пригородок;
- 119 — Устье;
- 120 — Лука Врублевская;
- 121 — Студеница;
- 122 — Бакота;
- 123 — Селиште;
- 124 — Реча;
- 125 — Ханска;
- 126 — Париевка;
- 127 — Голики;
- 128 — Кальник;
- 129 — Самчинцы;
- 130 — Чертория;
- 131 — Семенки;
- 132 — Кочуров;
- 133 — Скибинцы.

Переходя к вопросу о происхождении славянской группировки, характеризующейся керамикой первой группы, сразу же можно исключить из территории формирования славян дунайские земли. Они хорошо исследованы в археологическом отношении, и вполне очевидно, что в эпоху, предшествующую средневековью, эта территория была заселена неславянским населением. Из региона возможного формирования исследуемой славянской группировки, видимо, нужно исключить и западнополесские земли. Ко II — IV вв. здесь относятся памятники типа Дытыничей — Тришина, принадлежащие поморско-мазовецкой культуре. Эти древности оставлены восточными германцами, и их своеобразие не оставляет сомнений в отсутствии преемственности между ними и раннесредневековыми славянскими.

Для поисков древностей, из которых развилась славянская культура, представленная керамикой первой группы, остаются бассейн Вислы и междуречье Вислы и Одера, т. е. ареал пшеворской культуры. И здесь поиски сразу же приводят к Висленскому региону этой культуры.

Черты сходства между отдельными типами пшеворской посуды и славянской керамикой V — VII вв. подмечены и описаны польскими археологами. В частности, это сделали Ю. Костшевский, З. Хильчерувна и В. Шиманский [*Kostrzewski J.* Zur Frage der Siedlungsstetigkeit in der Urgeschichte Polens von der Mitte des II Jahrtausends v. u. Z. bis zum fruhen Mittelalter. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1965, S. 10 — 26; *Hilczeronna Z.* Dorzecze gornej i srodkowej Obry..., s. 53 — 78; *Szymanski W.* Szeligi pod Plockiem..., s. 308 — 327.]. Над этой проблемой работает также И. П. Русанова [*Русанова И. П.* Славянские древности VI — VII вв., с. 203 — 213.].

Выделение Висленского региона пшеворской культуры конкретизирует поиски предшественника раннесредневековой культуры славян. Пшеворская лепная керамика, из которой могла развиться славянская посуда V — VII вв. первой группы, коррелируется с определенным типом погребального обряда — ямными трупосожжениями, безынвентарными или же содержащими единичные вещи.

Сравнительный анализ этих могил и славянских раннесредневековых обнаруживает значительное сходство между ними. Оно дает основание говорить о возможности эволюции славянского погребального ритуала V — VII вв. из пшеворских захоронений, характерных для Висленского региона. По всем основным особенностям

они тождественны. Правда, в пшеворских захоронениях часто встречаются фрагменты вторично обожженной глиняной посуды. В погребениях VI — VII вв. обломки керамики также встречены во многих трупосожжениях, однако все они без следов вторичного обжига. В ряде регионов славянской территории VI — VII вв. увеличивается процент урновых захоронений, а в некоторых могильниках они господствуют. Наконец, в это время наряду с грунтовыми погребениями появляются курганные славянские захоронения. Все эти различия могут быть объяснены эволюцией славянской погребальной обрядности. А она была неизбежна, ибо широкое расселение славян в VI — VII вв. привело их в соприкосновение с различными неславянскими племенами.

Славянское домостроительство VI — VII вв. в Повисленье, по-видимому, также генетически восходит к пшеворскому. Правда, пока не выделен тип жилища, характерный для славянских племен пшеворской культуры. Поэтому о генезисе славянского жилища Повисленья от римского времени к раннему средневековью можно говорить лишь в самых общих чертах. О том, что раннесредневековые славянские дома столбовой конструкции развились из наземных столбовых построек пшеворской культуры, писал Ю. Костшевский [*Kostrzewski J. Zur Frage der Siedlungsstetigkeit in der Urgeschichte Polens...*, S. 35, 36.]. Наземные дома со стенками, сложенными из горизонтально лежащих бревен, концы которых входили в пазы вертикально стоящих столбов, на поселениях второй половины I тысячелетия н. э. в Повисленье были распространены довольно широко. Однако вместе с ними обычны и срубные наземные постройки, предшествующая история которых пока не может быть выяснена.

Таким образом, на основе трех важнейших этнографических элементов — керамики, домостроительства и погребального обряда — можно говорить о том, что раннесредневековая славянская племенная группировка, представленная керамикой первой группы, ведет начало из Висленского региона пшеворской культуры. Конец провинциально-римской цивилизации привел к огрубению славянской культуры Повисленья. В V и VI вв. повисленская племенная группировка славян расселяется в восточном, западном и южном направлениях, осваивая области Припятско-го Полесья и Верхнего Поднестровья, дунайские земли и значительную часть бассейнов Одера и Эльбы.

В позднеримское время носители пшеворской культуры пересекают Карпаты и расселяются в бассейне верхней Тисы. Определить, из какого пшеворского региона осуществлялась эта миграция, не представляется возможным. Поэтому нельзя ответить и на вопрос, были ли славяне среди пшеворского населения Закарпатья.

Некоторые словацкие археологи между тем полагают, что пшеворские древности в Словакии оставлены славянами. На их основе здесь на рубеже V и VI вв. будто бы и формируется славянская культура раннего средневековья [*Tocik A. Slovania na strednom Dunaji v 5 — 8 stor.* — In: *O pociatkach slovenskych dejin*. Bratislava, 1965, s. 20 — 33.].

Географическое распространение славянской керамики V — VII вв., относящейся к первой группе, позволяет предполагать, что эта посуда характеризует племенную группировку славян, которую Иордан называл *sclaveni* (склавлены). Историк VI в. сообщает, что «многолюдное племя венетов» ныне известно «под тремя именами: венетов, антов, склаве-нов» [*Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. M., 1960, с. 90.*]. Приводится и географическая локализация склавлен: «Склавлены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Да-настра, а на север — до Висклы» [*Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 72.*].

Интерпретация этих географических данных различными исследователями подробно рассмотрена Е. Ч. Скржинской [*Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 213 — 218.*]. Судя по контексту Иордана, отмечает она, город Новиетун и Мурсианское озеро ограничивали территорию расселения склавлен с запада. Поэтому Новиетуном Иордана скорее всего был город Невиодун на реке Саве. Здесь же находилось и

Мурсианское озеро (около города Мурсы, теперь — Осиек). Е. Ч. Скржинская высказывает предположение, что Мурсианским озером именовалось прежде озеро Балатон (путь к нему начинался для римлян преимущественно от города Мурсы).

Таким образом, географическими координатами расселения склавен по Иордану служат реки Сава на юго-западе, Висла — на севере и Днестр — на востоке. Эта территория как раз и является основной областью распространения керамики первой группы. В отдельных местах, правда, археологический ареал (Припятское Полесье, бассейн Эльбы и т. п.) выходит за пределы территории, ограниченной координатами Иордана, но, по-видимому, это обусловлено тем, что сведения Иордана относятся к первой половине VI в., а археологический ареал очерчивается весьма суммарно на основе древностей V—VII вв. [Предположение, что носителями керамики первой группы были склавены Иордана, высказано мной ещё в 1967 г. (*Седов В. Вивчення етногенезу слов'ян.— Народна творчість та етнографія*, 1967, № 4, с. 41 — 47). Недавно к такому же заключению пришла польская исследовательница З. Курнатовская (*Kurnatowska Z. Die «Sclaveni» im Lichte der archaologischen Quellen. — Archaeologia Polona*, XV, 1974, S. 51 — 66).].

В VI — VII вв. славяне начали широко осваивать пространство Восточноевропейской равнины. К этому времени принадлежат наиболее ранние длинные курганы в Псковской земле [*Седов В. В. Длинные курганы кривичей.— САИ*, вып. Е1-8, 1974.] и сопки в Приильменье [*Седов В. В. Новгородские сопки. — САИ*, вып. Е1-8, 1970.]. Поселения, синхронные этим памятникам, пока не исследованы.

Анализ вещевого инвентаря длинных курганов позволяет выделить около полутора десятков погребений VI — VII вв. [*Седов В. В. Длинные курганы кривичей*, с. 34, 35.]. Большинство из них безурновые. Два глиняных сосуда происходят из кургана у д. Михайловское. Это слабопрофилированные усеченноконические горшки с сероватой поверхностью со следами грубого заглаживания [*Седов В. В. Длинные курганы кривичей*, с. 54, табл. 19, 1, 5.]. Они принадлежат ко второму типу керамики длинных курганов [*Седов В. В. Длинные курганы кривичей*, с. 26, 27, табл. 19, 1, 5; 21; 22, 2 — 9.], которая по общей профилировке и пропорциям сопоставима с пражско-корчакскими глиняными сосудами. Среди последних, в основном с территории Польши, можно найти близкие аналогии.

О том, что предки кривичей происходят из славянской группировки, представленной пражско-корчакской керамикой, свидетельствуют и материалы домостроительства. Жилые постройки кривичей, известные, правда, по исследованиям поселений VIII — X вв., принадлежат исключительно к наземным сооружениям. Пути и направления славянского проникновения в бассейны р. Великой и оз. Псковского ещё предстоит изучить [*Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья*. М., 1970, с. 105 — 108.].

Из той же праславянской племенной группировки, по-видимому, происходят ильменские словене. Ранние погребения в сопках — безурновые, поэтому керамический материал этих памятников относится лишь к последним векам I тысячелетия н. э. и обнаруживает влияние местной прибалтийскофинской глиняной посуды. Наземное домостроительство, более поздние археологические материалы, а также данные других наук склоняют к мысли о приходе славян в Новгородскую землю с запада [*Седов В. В. Новгородские сопки*, с. 33.].

Вторая славянская группировка — анты

Вторую большую группу славянской керамики третьей четверти I тысячелетия н. э. составляют слабопрофилированные горшки с округлым или овальным туловом.

Наибольшее расширение находится в средней части высоты, горло и дно сужены и примерно равны по диаметрам (рис. 22).

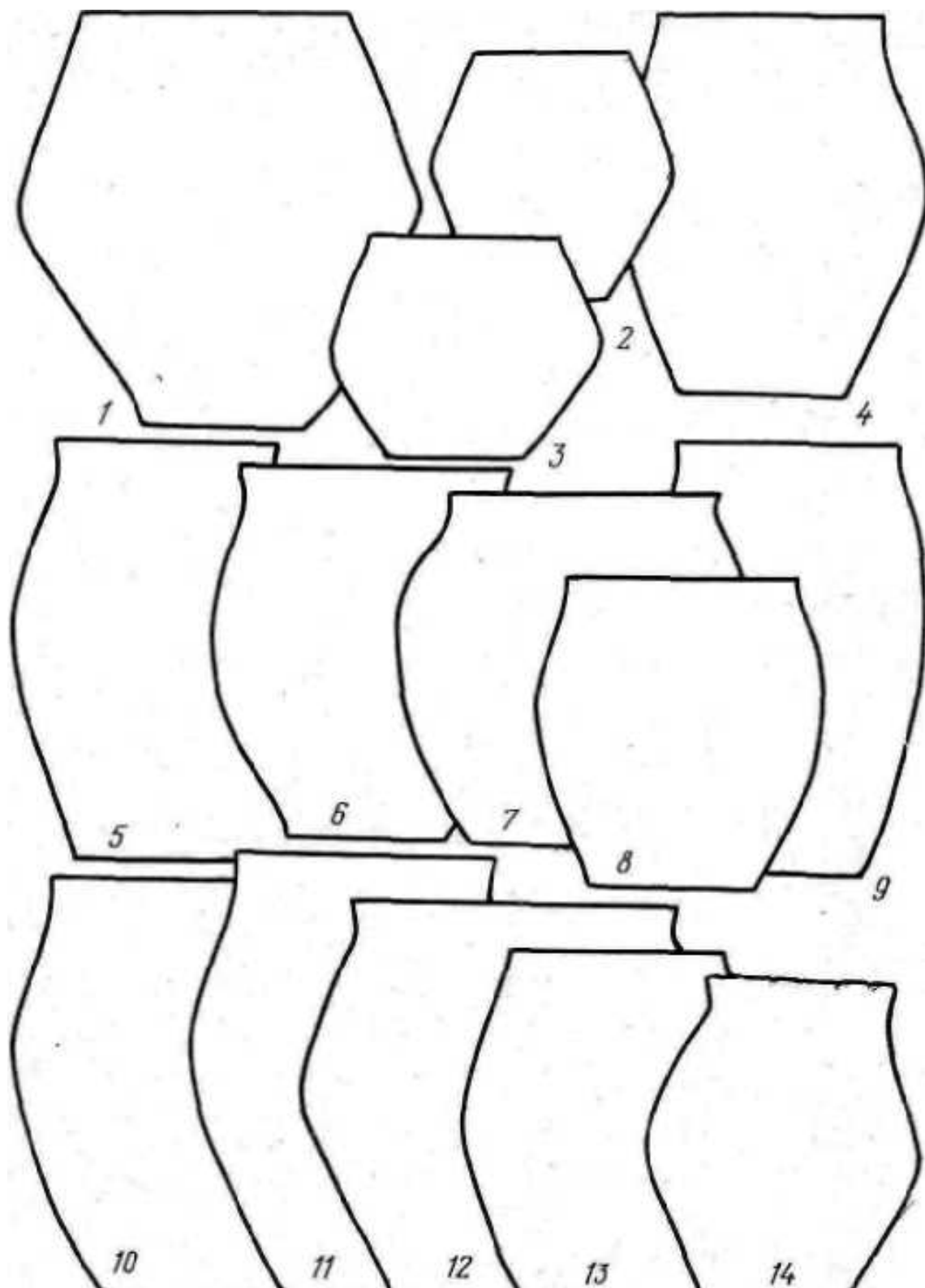

Рис. 22. Славянская керамика второй (пражско-пеньковской) группы

1 — Волошское;

2 — Гайворон;

3, 6—Семенки;

- 4 — Старое Село;
- 5 — Дунауйварош;
- 7 — Селиште;
- 8 — Рипнев;
- 9 — Батошана;
- 10 — Кобуска Веке;
- 11 — Загорска Быстрица;
- 12, 14 — Луг I;
- 13 — Поян.

Такая керамика в VI — VII вв. получила широкое распространение (рис. 21), но коренным ее регионом было междуречье Днестра и Днепра. В других районах эта посуда, как будет показано ниже, появляется позднее, и ее распространение явно связано с расселением славян из Днестровско-Днепровского региона.

Обстоятельная характеристика памятников с керамикой второй группы в междуречье Днестра и Днепра дана в работах В. Д. Барана [*Баран В. Д.* Раннослов'янські пам'ятки Верхнього Подністров'я і Південно-Західної Волині. — МДАПВ, 5, 1964, с. 95 — 114; *он же.* Раннеславянские памятники на Западном Буге. — *Slovenska archeologia*, 1965, N 2, s. 319 — 372; *он же.* Некоторые итоги изучения раннеславянских древностей Верхнего Поднестровья и Западной Волины. — *AR*, 1968, № 5, с. 583—593; *он же.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю.], Д. Т. Березовца [*Березовец Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине. — *МИА*. № 108, 1963, с. 145 — 208.], П. И. Хавлюка [*Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в средней части Южного Буга. — *СА*, 1963, № 3, с. 187 — 201; *он же.* Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. — *МИА*, № 108, 1963, с. 320 — 350; *он же.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга. — В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 181 — 215.], В. П. Петрова [*Петров В. П.* Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. (по материалам раскопок 1956 — 1958 гг. в Потясминье). — *МИА*, № 108, 1963, с. 209 — 233.] и других.

Поселениями славян здесь были исключительно селища, расположенные в долинах мелких рек и ручьев или на останцах. Для поселений выбирали места, которые не требовали сооружения искусственных укреплений. Реки, леса и болота служили естественной защитой и делали поселения малодоступными.

Основным типом жилища были полуземлянки, в плане близкие к квадрату. Площадь их колеблется от 6 до 20 кв. м. Глубина котлованов от 0,3 — 0,4 до 1 — 1,2 м. Стены домов облицованы деревом. Они имели столбовую или срубную конструкцию: более ранние жилища — часто столбовые, поздние — преимущественно срубные. Печикаменки занимали один из углов жилища.

Славянская керамика второй группы занимает ведущее место на всех этих поселениях. На поселениях Верхнего Поднестровья вместе с ней иногда присутствует и керамика первой группы, о чем уже говорилось. Преимущественно на южной окраине ареала этой славянской группировки вместе с округлодонными сосудами получили распространение биконические горшки с резким или скругленным ребром, приходящимся на середину высоты. Их называют сосудами пеньковского типа. На некоторых поселениях эти сосуды составляют заметную часть керамического материала, на других они единичны. Горшки пеньковского типа нельзя причислить к этнографическим признакам славянской культуры, поскольку они не обнаруживают развития в более поздних древностях славян. По-видимому, их присутствие на славянских памятниках VI — VII вв. отражает взаимодействие славянского населения с каким-то иным этносом. Следствием такого же взаимодействия, очевидно, являются немногочисленные находки на славянских поселениях слабопрофилированных тюльпановидных сосудов, очень близких керамике, распространенной на памятниках третьей четверти I тысячелетия н. э. в Верхнем

Поднепровье (древности типа Тушемли — Колочина).

На славянских поселениях южной периферии встречается также гончарная керамика пастырского типа — сосуды с округлым туловом и орнаментом из пролощенных полос, а иногда и амфоры. По-видимому, ее распространение на памятниках со славянской керамикой свидетельствует о проживании здесь наряду со славянами иноэтничного населения [Процент гончарной керамики на этих поселениях невелик (до 5 — 6%). Керамика пастырского типа не может быть для пеньковских поселений этническим признаком. Поэтому невозможно согласиться с М. И. Артамоновым, полагавшим, что эти памятники оставлены одной из болгарских племенных групп — кутригурами (*Артамонов М. И.* Этническая принадлежность и исторического значение на пастырско-ката культура. — *Археология* (София), 1969, № 3, с. 1 — 9)]. В пользу этого говорит и открытие на некоторых поселениях жилых построек неславянских типов. Так, на селище Стецовка одно из жилищ представляло собой наземное сооружение диаметром 6 — 7 м, окруженное неглубокой канавкой [*Петров В. П.* Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э., с. 216.]. На поселении Луг 2 исследована постройка в виде эллипсоидного углубления размерами 6X5 м. со столбовой ямой в центре и восемью — по краям [*Березовец Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине, с. 166.]. Оба жилища по конструкции сходны с юртами кочевых племен, обитавших восточнее Днепра [*Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура М. 1967 с. 52 — 58.]. Возможно, к ним относятся жилища в виде овального углубления с очагом, зафиксированное в Молочарне [*Березовец Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине, с. 150.], и жилище в виде неправильно-овального углубления размерами 5X4 м в Дериевке [*Телегин Д. Я.* Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г. — *КСИА АН УССР*, 12, 1962, с. 16.].

Могильные памятники славянского населения рассматриваемого региона пока еще исследованы слабо. Раскапывались лишь могильники в окрестностях с. Великая Андрусовка, недалеко от впадения р. Тясмин в Днепр [*Березовец Д. Т.* Могильник уличей у долины р. Тясмину. — В кн.: *Слов'яно-руськ старожитності Київ*, 1969, с. 58 — 70.]. Обряд погребения — трупосожжение на стороне. Остатки кремации помещены в ямки или в урны, поставленные в такие же ямки.

Металлические предметы на славянских памятниках очень немногочисленны. Среди них есть украшения — пальчатые и зооморфные фибулы, браслет с утолщенными концами, пряжки и фигурные бляшки от пояса, серьги пастырского типа, проволочные спиральные височные кольца, бронзовая фигурка льва, которые позволяют датировать эти памятники VI — VII вв.

Имеются основания полагать, что наиболее ранние поселения со славянской керамикой второй группы относятся к V в. В. Д. Баран определяет начало поселения у с. Зеленый Гай концом V в. по керамическому материалу [*Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю, с. 62.]. На селище Куня найдена железная двучленная фибула позднего арбалетного типа, характерная для IV — V вв. [*Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга, с. 188.]. Из поселения Жовнин происходит туалетная костяная ложечка, относящаяся, судя по северокавказским аналогиям, ко второй половине IV — V в. [*Рутковська Л. М.* Дослідження поблизу с. Жовнин Черкаської області. — В кн.: *Археологічні дослідження на Україні в 1969 р., IV.* Київ, 1972, с. 224.].

Два важнейших признака культуры славянской группировки, представленной керамикой второй группы, — глиняная посуда и домостроительство — позволяют искать ее истоки в черняховских древностях. Как уже отмечалось, округлобокие сосуды с максимальным расширением примерно посередине их высоты, очень близкие к славянским горшкам второй группы, широко распространены на памятниках черняховской культуры и в особенности среди её древностей Подольско-Днепровского региона.

Типологическая преемственность между славянскими сосудами второй группы и черняховской лепной керамикой довольно убедительно показана пока только на верхнеднепровских материалах [*Баран В. Д.* О соотношении культур римского и

раннесредневекового времени на территории Северного Прикарпатья и Юго-Западной Волыни. — В кн.: I Miedzynarodowy kongres archeologii slowianskiej, II. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1969, с 238 — 257; *он же*. Черняховская культура в междуречье верхнего Днестра и Западного Буга в свете новейших исследований. — КСИА, 121, 1970, с. 7 — 13; *Baran V. D.* Siedlungen der Cernjachov-Kultur am Bug und oberen Dnestr. — Zeitschrift fur Archäologie, 1973, N 1, S. 24 — 66.]. Поэтому сейчас еще трудно сказать, формировалась ли славянская культура рассматриваемого типа в пределах Верхнего Поднестровья или же более широко, в границах Подольско-Днепровского региона черняховской культуры. Последнее представляется более вероятным, поскольку уже в VI в. славянское население, характеризующееся керамикой второй группы, расселилось на обширных пространствах Юго-Восточной Европы.

Жилища-полуземлянки с печью в углу, весьма характерные для поселений рассматриваемой славянской группировки третьей четверти I тысячелетия н. э., опять-таки своими корнями восходят к Черняховскому домостроительству. Как уже отмечалось, на черняховских поселениях Подольско-Днепровского региона среди разнотипных углубленных построек вырабатывается квадратная в плане полуземлянка с печью в углу [*Baran V. D.* Siedlungen der Cernjachov-Kultur..., S. 30 — 40.].

Сформировавшаяся в междуречье Днестра и Днестра славянская племенная группировка уже в VI в. осваивает значительные территории. Славянские памятники с жилищами-полуземлянками и лепной керамикой второй группы известны в большом количестве на территории Молдавии [*Рафалович И. А.* Славяне VI — IX веков в Молдавии; Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974.]. Здесь, как и в Поднепровье, на славянских поселениях встречаются также сосуды биконических форм и в очень небольшом количестве гончарная керамика пастырского типа.

Очевидно, в VI в. славяне — носители керамики второй группы расселяются в юго-западном направлении вплоть до придунайских земель Болгарии. Поселения с квадратными в плане полуземлянками с печью или каменным очагом в углу и со славянскими округлобкими горшками выявлены и обследованы в Румынии — в Молдове, северо-восточной Мунтении, Добрудже [*Mameй M. Д.* Славянские поселения в Сучаве. — Dacia, IV, 1960, p. 375 — 394, fig. 5; Cercetari arheologice in Bucuresti, fig. 10, 1, 2, 4 — 7; *Teodor Dan Ch.* Unele probleme privind evolutia culturii materiale din Moldova in secolele VI — X, fig. 17, 1 — 3; 18, 5, 9; *Mitrea J.* Contributii la conuasterea populatelor locale dintre Carpati si Siret in sec. V — VI e. n., fig. 11, 8; 13, 3; *idem.* Les plus anciens Slaves dans l'Est de la Roumanie..., p. 204, fig. 2, 4, 5, 10; *Dolinescu-Ferche S.* Asezari din secolele III si VI e. n. in sud-vestul Munteniei. — In: Cercetarile de la Dulceanca. Bucuresti, 1974, fig. 52, 4, 6, 7.], а также на территории Болгарии [*Выжарова Ж. Н.* Славянски и славянобългарски селища в Българската земи от края на VI — XI век, обр. 3, 5; 81, 2; *Выжарова Ж. Н.* Памятники Болгарии конца VI — XI в. и их этническая принадлежность. — СА, 1968, № 3, с. 148 — 159; *она же*. Славяне и праболгары в связи с вопросом средиземноморской культуры, рис. 2, в — д.]. Исследовались здесь и могильники. В одном из румынских могильников — Сэрата-Монтеору — открыто более 1500 трупосожжений. Кремацию умерших совершали на стороне. Погребения преимущественно ямные, но есть и урновые [*Nestor J.* La necropole slave d'epoque ancienne de Sarata-Monteoru. — Dacia, I, 1957, p. 289 — 295.].

На некоторых памятниках Днестровско-Дунайского междуречья, как уже отмечалось, наряду с глиняными сосудами второй группы обнаружена керамика первой группы. Здесь встретились и перемешались два потока славянской миграции — славенский и антский. Румынские исследователи также различают эти миграционные направления [*Comsa M.* Direction et etapes de la penetration des Slaves vers la Peninsule Balkanique aux VIe — VIIe siecles..., p. 9 — 28; *Teodor Dan. Ch.* La penetration des Slaves dans les regions du S-E de l'Europe d'apres les donnees archeologiques des regions orientales de la Roumanie. — In: Balcanoslavica, 1. Prilep — Beograd, 1972, p. 29 — 42.].

Особенность памятников VI — XII вв. на территории Мунтении и соседних районов состоит и в том, что здесь славянская керамика часто находится вместе с глиняной посудой типа Ипотешти-Кындешти (Чурел). Некоторые румынские исследователи относят все памятники VI — VII вв. к культуре Ипотешти-Кындешти, которая имела сложный состав и объединяла несколько культурных компонентов, в том числе дако-римский и славянский [*Teodorescu V.* Despre cultura Ipotesti-Cindesti in lumina cercetarilor archeologice din nord-estul Munteniei. — SCIV, 1964, N 4, p. 485 — 504.].

Славянские древности VI — VII вв. рассматриваемого облика известны также в Днепровском лесостепном левобережье — в среднем течении Сулы, Пела и Ворсклы [*Горюнов Е. А.* Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного левобережья в V — начале VIII в. — СА, 1973, № 4, с. 99 — 112.]. Севернее лежит область распространения памятников колочинского типа, характеризующихся иными конструктивными особенностями жилищ, своеобразной керамикой и некоторыми другими чертами. Вместе с тем в Черниговском Подесенье и в Курском Посеймье на колочинских памятниках встречаются отдельные глиняные сосуды, по форме тождественные славянской керамике второй группы [*Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье. — В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 40 — 118, рис. 5, 2; 22, 20; *Горюнов Е. А.* Некоторые древности I тысячелетия н. э. на Черниговщине — Там же, с. 119 — 125, рис. 3, 16, 25, Липкинг Ю. А. Могильники третьей четверти I тысячелетия н. э. в Курском Посеймье — Там же, с. 136 — 152, рис 5, 1, 7.].

Поскольку в тех же районах в то же время появляются квадратные в плане полуземлянки с печью в углу (рис. 21), то, очевидно, нужно полагать, что эти находки отражают проникновение славянского населения в среду племен — носителей колочинских древностей

Проникали славяне в это время и в районы, входящие в бассейн Северского Донца. В салтовском могильнике близ с Дмитровка на р. Короче открыто несколько трупосожжений, помещенных в урнах — округло-боких и ребристых горшках [*Плетнева С. А.* Об этнической неоднородности населения севере западного хазарского пограничья — В кн. Новое в археологии. М, 1972, с. 108 — 118.].

Славянская атрибуция керамики второй группы доказывается её преемственностью с глиняной посудой VIII — IX вв. Это прослежено в материалах Поднестровья, Молдавии и Болгарии Глиняные сосуды, восходящие к округлобоким горшкам VI — VII вв., составляют часть керамики типа Луки-Райковецкой [*Гончаров В. К.* Лука Райковецкая — МИА, № 108, 1963, с. 283 — 319, рис 7, *Шовкопляс А. М.* Славянская керамика VII — IX вв. из Киева — КСИА АН УССР, 8, 1959, с. 169 — 172, *Мезенцева Г. Г.* Канівське поселення полян Київ, 1965, с. 71 — 98.].

Таким образом, славяне, представленные керамикой второй группы, были потомками части Черняховского населения. При характеристике черняховской культуры отмечено, что славянская группировка Подольско-Днепровского региона имела этноним анты. По Иордану анты занимали пространство «от Данастра до Данапра». Очевидно, эти данные относятся к ранней поре расселения антов. Византийский историк Прокопий Кесарийский (середина VI в.) сообщает уже о более широком ареале антов. Согласно сведениям этого автора анты обитали между Дунаем и утигурами, жившими по побережью Меотийского озера (Азовского моря) [*Прокопий из Кесарии.* Война с готами. М, 1959 с. 384 (IV, VIII, 4, 9)]. Памятники со славянской керамикой второй группы как раз и занимают эту территорию. Западным пределом их распространения служит поречье нижнего Дуная, на востоке — в Днепровском левобережье и на Северском Донце — они вплотную соприкасаются с памятниками тюркоязычных племен Археологические материалы показывают, что на нижнем Дунае анты встретились и частично перемешались с другой славянской племенной группировкой — с(к)лавенами Византийские авторы VI — VII вв. постоянно упоминают о таком же взаимодействии с(к)лавен и антов в области

Истра (нижнего Дуная) [*Мишулин А. В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в н э — ВДИ, 1941, № 1, с 236, 241, 243.].

Прокопий Кесарийский сообщает, что анты и славяне пользуются одним языком, у них одинаковый быт, общие обычаи и верования, и «некогда даже имя у славян и антов было одно и то же» [*Мишулин А. В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей, с. 237.]. Однако из сведений византийских историков видно, что различия между с(к)лавенами и антами не были чисто территориальными. Анты называются наравне с такими этническими группировками того времени, как гунны, утигуры, мидяне и др. Византийцы различали славянина и анта даже тогда, когда они служили наемниками империи (например, «Дабрагаст, родом ант»). Анты и с(к)лавене были отдельными племенными группировками, имевшими своих вождей, свое войско и ведущими самостоятельную политическую деятельность.

Попытки ответить на вопросы, какую часть славянства составляли анты и какова их роль в славянском этногенезе, предпринимались неоднократно. В историко-лингвистической литературе были высказаны самые различные мнения по этому поводу. Значительная группа исследователей (в том числе А. Л. Погодин, А. А. Шахматов, Ю. В. Готье и другие) склонны были видеть в антах восточных славян середины I тысячелетия н. э. Так, по А. А. Шахматову, анты составили первый этап в истории русского племени, а восточнославянские племена, названные в Повести временных лет, возникли в результате распада антского единства [*Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919, с. 6 — 14. Ныне такого же мнения придерживается В. Георгиев (*Георгиев Вл.* Венети, анты, склаве-пи и триделението на славянските езици. — В кн.: Славянистичен сборник. София, 1968, с. 5 — 12).]. Л. Нидерле, А. А. Спицын и многие другие историки считали, что анты охватывали только южную часть восточных славян [*Грушевський М.* Анты («Avrai, Antes»), уривок з історії України — Руси — Записки наукового товариства імені Шевченка, т. XXI, кн. 1. Львів, 1898, с. 1 — 16; *Спицын А. А.* Русская историческая география. Пг., 1917, с. 18; *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956, с. 139 — 141; *Третьяков П. Н.* Анты и Русь. — СЭ, 1947, № 4, с. 71 — 83.]. В западноевропейской литературе было распространено мнение, согласно которому славяне и анты отражали членение праславянского языка на западную и восточную ветви [*Zeuss K.* Die Deutschen und die Nachbarstamme. Munchen, 1837, S. 602 — 604.]. Ныне все эти предположения имеют уже чисто историографический интерес, поскольку археология накопила значительные материалы, позволяющие конкретно решить эти вопросы.

Анты — это группа славян, расселившихся в междуречье Днестра и Днепра среди ираноязычного населения, которое было ими ассимилировано. Это была диалектно-племенная группировка славян в VI — VII вв., имевшая свои этнографические особенности. Анты не были ни восточными, ни южными славянами. Эта племенная группировка относится еще к праславянскому периоду. Широкое расселение антов и смешение их с другой диалектной группой славян свидетельствуют об участии их в этногенезе восточных, южных и западных славян. Распад праславянского языка был сложным процессом, заключавшимся не только в членении славянской территории, но и в значительной перегруппировке славянских племен. Диалектно-племенное членение славян ранневизантийской поры и существующее ныне трехчастное деление славянства (восточные, западные и южные славяне), являющееся продуктом более позднего исторического процесса, не имеют прямой зависимости.

* * *

В конце VI — VII в. на обширных пространствах Среднего Подунавья распространяется керамика, которая по всем признакам должна быть причислена ко второй группе славянской глиняной посуды. Большое количество такой керамики

происходит из погребений грунтовых могильников аварского времени, которые, по материалам Словакии, Словении, Далмации и Воеводины, оставлены славяно-аварским населением. На этих территориях прослеживается непрерывное эволюционное развитие культуры от VII в. вплоть до развитого средневековья.

В Венгрии культуру славяно-аварских могильников называют аварской и связывают с аварами, не отрицая впрочем, того, что в составе ее носителей были и остатки среднедунайского населения римского времени, и славяне [*Kovrig J.* Remarks of the Question of the Kestzthely-Culture. Budapest, 1958; *Sos Agnes.* Bemerkungen zur Frage des archaologischen Nachlassen der awarenzeitlichen Slawen in Ungarn. — *Slavia Antiqua*, X, 1963, S. 301 — 330.]. Словацкие археологи эти памятники считают метисными, славяно-аварскими, а в некоторых могильниках этой культуры значительно преобладают погребения славян [*Cilinska Z.* Fruhmittelalterliches Graberfeld in Zelovce. Bratislava, 1973.].

Большое внимание изучению славяно-аварских древностей уделяют ученые Югославии, которые показали, что широкое славянское расселение относилось здесь ко времени первого аварского каганата (конец VI — начало VII в. н. э.) и славяне пришли сюда вместе с аварами [*Vinski Z.* Rani srednji vijek u Jugoslaviji od 400. do 800. godine. — *Vjesnik Arheo-loskog muzeja u Zagrebu*, V, 1971, s. 61 — 67.]. В некоторых регионах распространения славяно-аварской культуры славяне, по-видимому, составляли основное ядро населения. З. Вински замечает, что, судя по византийским источникам, историки раннего средневековья иногда под аварами подразумевали славян [Так, Константин Багрянородный, касаясь Далмации, писал: «...славянские племена, которые зовутся аварами», «славяне, называемые и аварами» или «славяне или авары» и др. (*Vinski Z.* O nalazima 6. i 7. stoljeca u Jugoslaviji s posebnim obzirom na arheolosku ostavstinu iz vremena prvog avarskog kaganata. — In: *Opuscula archaeologica*, III. Zagreb, 1958, s. 13 — 67).].

В чехословацкой археологической литературе лепная керамика из славяно-аварских могильников получила название потисской и придунайской [*Eisner J.* Devinska Nova Ves, s. 248 — 278.]. Впрочем нередко описываемую славянскую посуду здесь включают в число пражской керамики. Ведь И. Борковский всю лепную славянскую керамику середины I тысячелетия н. э. назвал пражской, в том числе и округлобокие сосуды [*Borkovsky I.* Staroslovanska keramika ye sredni Europe, tab. II, 11, 12.]. Эти сосуды опубликованы среди пражской керамики словацкими археологами Д. Бялековой, Л. Красковской и другими [*Bialekovd D.* Nove vcasnoslovanske nalezy z juhozapadneho Slovenska, s. 97 — 148, obr. 14, 2, 4, 7; 47, 1; *Kraskovska L.* Slovansko-avarske pohrebisko pri Zahorskej Bys-trice. Bratislava, 1972, s. 90, obr. 54, 6, 7; 55, 8; и другие работы. Сюда же принадлежат сосуды, относимые Л. Красковской к промежуточным между пражской и дунайской керамикой.]. Так же трактуется эта керамика в Чехии [*Poulik J.* Jizni Morava, zeme davnych slovanu, obr. 26; *Podborsky V.* Stara Breclav, necropole du type de Prague..., tab. XXIX.]. И. Плейнерова и И. Земан включили округлобокие сосуды в общую классификацию керамики [*Pleinerova I., Zeman J.* Navrh klasifikace casne slovanske keramiky v Sechach, s. 721 — 732, tab. III, 3 — 5.].

Гончарная посуда (чаще именуемая городищенской), получившая широкое распространение в среднедунайских областях в VII — VIII вв. и вытеснившая лепные сосуды, по формам и пропорциям идентична округлобокой керамике, относимой ко второй группе.

На средней Эльбе керамика второй группы распространяется во второй половине VII в. Она названа немецкими исследователями рюсенской. Непосредственная связь ее с подунайской не вызывает сомнения [*Vogt H.-J.* Zur fruhslawischen Besiedlung des Elbe-Saale-Gebietes. — In: *Berichte uber den II Internationalen Kongress fur Slawische Archaologie*, II. Berlin, 1973, S. 395 — 404.].

Распространение керамики второй группы в среднедунайских землях, очевидно, было обусловлено этническими перемещениями в Карпатской котловине, которые имели место во второй половине VI столетия. Из глубины Азии в Европу

продвигались авары. Пройдя северопричерноморские земли, они пришли в столкновение с антами, а к 562 г. достигли Добруджи и нижнего Дуная. В 567 — 568 гг. авары обосновались в Паннонии.

Движение аваров привело к миграции других племен, среди которых, вероятно, были анты, заселявшие и северопричерноморские земли и области Нижнего Подунавья. Распространение в Среднем Подунавье славянской керамики второй группы и было вызвано этим движением.

Для решения славяно-аварского вопроса существенные материалы дали раскопки поселений аварского времени. Поселение Дунайварош расположено в центре Паннонии. В его окрестностях находятся три могильника, которые венгерские археологи считают аварскими. В результате раскопок на этом поселении установлено, что в VII в. основным типом жилых построек были квадратные в плане полуземлянки с печами-каменками в углу, составляющие важнейшую этнографическую особенность славян. Меньшую часть полуземлянок автор раскопок справедливо интерпретирует как юрты, находя аналогии им среди жилищ тюркских племен Восточной Европы [*Bona I.* VII. szazadi avar telepulesek es arpad-kori magyar falu Dunaujvarosban. Budapest, 1973. Исследователь предпочитает называть полуземлянки славянского типа восточноевропейскими. Он полагает, что такие жилища были распространены не только среди славянского населения, но и у других племен Восточной Европы. В пользу этого приводится явно неубедительная аргументация. И. Бона отмечает, что полуземлянки строили болгары на Волге (Именьковское городище), болгары на Дунае и венгры в XI — XII вв. Однако именьковские полуземлянки (*Старостин П. Н.* Памятники именьковской культуры.— САИ, вып. Д1-32, 1967, с. 13, 14) по своим конструктивным особенностям не имеют ничего общего со славянскими (в том числе и с дунайварошскими). Полуземлянки в Дунайской Болгарии принадлежат славянскому населению (*Въжарова Ж. Н.* Славянски и славя-нобългарски селища в Българските земи от края на VI — XI век, с. 11 — 88), а полуземляночные жилища Венгрии составляют вариант славянских и, очевидно, заимствованы у славянского населения.]. Типично славянские полуземлянки открыты и на некоторых других поселениях аварского времени. Существенно и то, что поселение Дунайварош в VII в. имело кучную бессистемную планировку, очень характерную для славянских селищ этого времени.

Ближайшими аналогиями дунайварошским полуземлянкам с печами-каменками являются жилища славян-антов на нижнем Дунае, в Подне-стровье и Поднепровье [*Раннопорт П. А.* Древнерусское жилище — САИ, вып. Е1 32, 1975, с. 17 — 26.]. Печи-каменки, исследованные здесь, имеют параллели исключительно в антском регионе, поскольку полуземляночные жилища среднедунайских, поэльбских и верхневисленских славян как в VI — VII вв., так и позднее имели очаги, а не печи [*Donat P.* Zur Nordausbreitung der slawischen Grubenhauser, Abb 2.].

Наиболее ранняя керамика поселения Дунайварош принадлежит к глиняной посуде, относимой по нашей классификации ко второй группе. Очевидно, можно полагать, что в Паннонии, как и в пределах распространения всей кестельской культуры, вместе с аварами осели и славяне — потомки антского населения. Они наслоились на существовавшее до этого в ряде районов Среднего Подунавья славянское население, представленное керамикой первой группы, и смешалось с ним.

В пользу такого решения вопроса имеется целый ряд косвенных аргументов.

Славянская принадлежность пальчатых фибул Днепровского региона была аргументирована Б. А. Рыбаковым [*Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси М, 1948, с. 57 — 71, *он же* Древние русы.— СА, XVII, 1953, с 23 — 104.]. Позднее И. Вернер еще раз убедительно показал, что в качестве одиночных фибул они были составной частью славянской женской одежды [*Werner J.* Slawische Bugelfibeln des 7 Jahrhunderts — In Reinecke Festschrift Mainz, 1950, S 150 — 172, *idem* Neues zur Frage der slawischen Bugelfibeln aus sudosteuropaischen Landern — Germania, 38,1960, H 1-2, S 114 — 120.].

Многочисленные новые находки пальчатых фибул в достоверно славянских поселениях и погребениях VI— VII вв. еще раз подтвердили их этническую атрибуцию [*Матей М. Д.* Славянские поселения в Сучаве, с. 383, рис. 7. *Михайлов С.* Ранно-средневековни фибули в България — Известия на Археологическия институт, XXIV, 1961, с. 37 — 60, *Рафалович И. А.* Поселение VI — VII вв. у с. Ханска — КСИА, ИЗ 1968, с. 97, рис. 29, 2.].

Картография этих украшений (рис. 23) показывает, что они были характерны не для всех славянских племенных группировок третьей четверти I тысячелетия н. э., а только для антов (рис. 24). Основная часть этих находок происходит из междуречья нижнего Дуная и Днестра, оттуда, где получила распространение славянская керамика второй группы. Кроме того, аналогичные пальчатые фибулы известны в среднедунайских землях. Очевидно, эти находки отражают миграцию сюда антского населения.

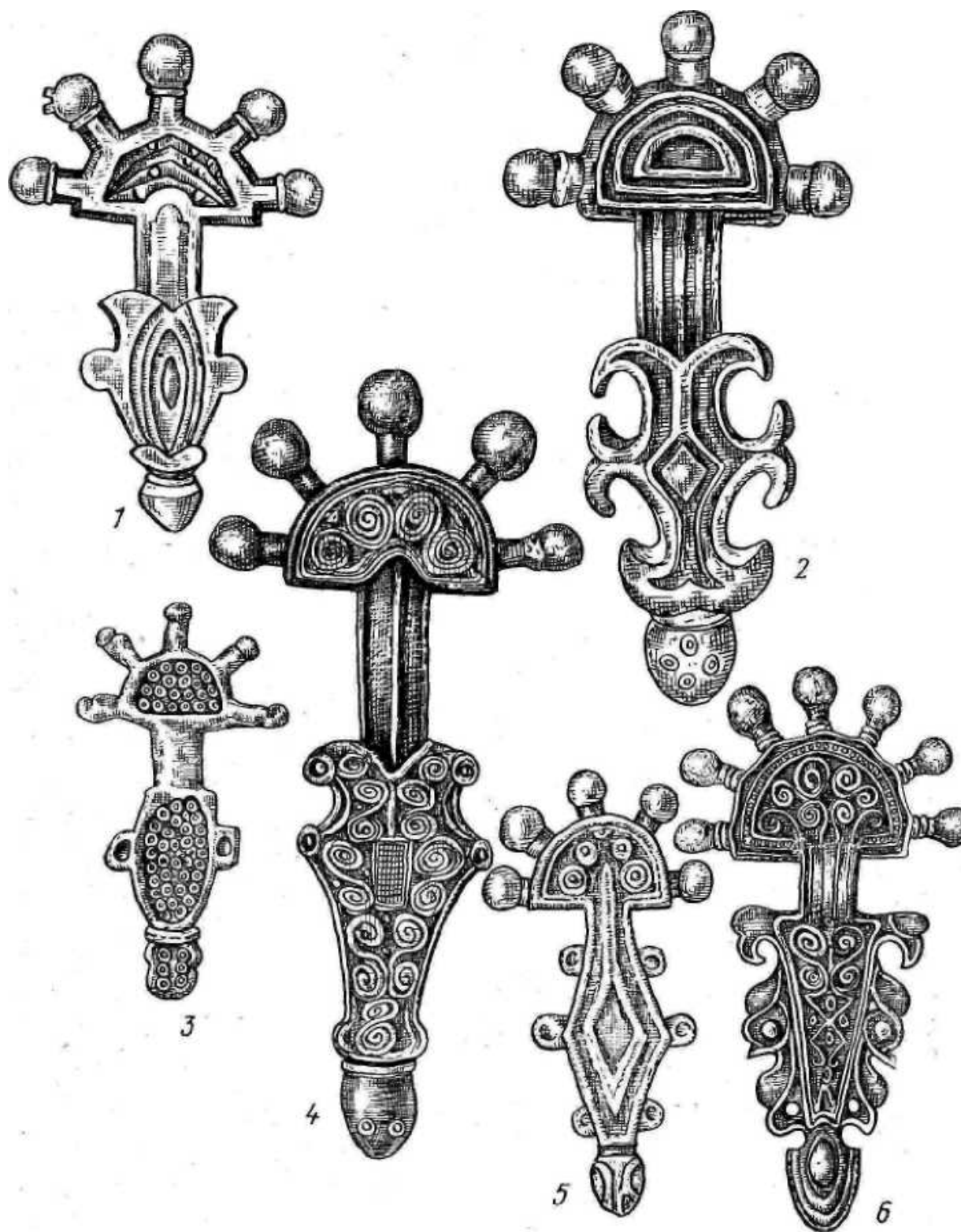

Рис 23. Пальчатые фибулы.

- 1 — Сучава-Шипот,
- 2 — Царичин Град,
- 3 — Морешти,
- 4 — Мартыновка,
- 5 — Сэрата-Монтеору,
- 6 — Кладово.

- 9—Нова Гута-Могила;
- 10— Урчице;
- 11— Добого;
- 12 — Кишкереш;
- 13 — Чакалу-Урегеды;
- 14 — Новы Бановцы;
- 15 — Лаци;
- 16 — Фёнлак;
- 17 — Руманишес Банат;
- 18 — Стара Загора;
- 19 — Дубовац;
- 20 — Велесница;
- 21 — Косовенни;
- 22 — Векцел;
- 23 — Гыбаш;
- 24 — Сармицегетуса;
- 25 — Морешти;
- 26 — Гамбаш;
- 27 — Подей;
- 28 — Пленица;
- 29 — Вела;
- 30 — Лазу;
- 31—Вырпот;
- 32 — Орля;
- 33 — Царичин Град;
- 34 — Неа Анхиалос;
- 35 — Пергам;
- 36 — Дамароя;
- 37 — Касчиорели;
- 38 — Батиману;
- 39 — Тей;
- 40 — близ Истрии;
- 41 — Сэрату-Монтеору;
- 42 — Вуткани;
- 43 — Круцеа луи Ферентц;
- 44 — Суча-ва-Шипот;
- 45 — Горошево;
- 46 — Демьянов;
- 47 — Ханска II;
- 48 — Селиште;
- 49 — Семенки;
- 50 — Пастырское;
- 51 — Смела;
- 52 — Канев;
- 53 — Волошское;
- 54 — Усок;
- 55 — Мена;
- 56 — Моква;
- 57 — Курск;
- 58 — Казачья Локня;
- 59 — Суджа.

В югославской археологической литературе пальчатые фибулы антского типа и другие находки, сходные по формам или идентичные по стилю с предметами, входящими в составы днепровских кладов мартыновского облика, относятся к мартыновской культуре и считаются славянскими. Распространение этих древностей на обширной территории от Адриатики до Днепра, по мнению югославских исследователей, отражает славянское расселение VII в. и определяет направление миграции с востока, из северопричерноморских¹²³ земель, на запад, в области Подунавья и на Балканский полуостров [*Korosec J.* Archeoloski sledovi slovanske naselitve na Balkanu. — *Zgodovinski casopis*, II, 1954, s. 7 — 26; *idem.* Pravilnost opredeljevanja posameznih predmetov in kultur zgodnjega srednjega veka do 7. stoletja kot slovanskih. — *Zgodovinski casopis*, XII-XIII, 1958 — 1959, s. 90 — 99, *Vinski Z.* Epoque prehistorique et protohistorique en Yougoslavie. — In: *Recherches et resultats*. Beograd, 1971, p. 385 — 392; *Corovic-Ljubinkovic M.* Les Slaves du Centre balkanique du VIe au IXe siecle. — In: *Balcanoslavica*, 1. Prilep — Beograd, 1972, p. 43 — 54.].

Показательно и распространение славянского этнонима хорваты. Как отмечалось, это племенное название происходит из иранского языка и зародилось, очевидно, там, где славяне вплотную соприкасались со скифо-сарматским населением, т. е. в среде антов. Упомянутые русской летописью хорваты (хрвате), жившие по соседству с восточнославянскими дулебами и волынянами, занимали часть антской территории (Верхнее Поднестровье) [*Тимофеев Е. Н.* Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X — XIII вв. — *СА*, 1961, № 3, с. 56 — 75.]. Отдельно от них названы «хрвате белии», т. е. белые хорваты, которые жили на верхней Висле. Среди чешских племен перечисленных в учредительной грамоте Пражского епископства 1086 г. (подтверждение старых привилегий 973 г.), названы хорваты, жившие по обе стороны Орлицких гор. В грамоте Генриха II от 1108 г. говорится о хорватах на Заале около Мерзебурга. Масуди упоминает хорватов живших между Моравой и Чахиным [Сведения о хорватах собраны Л. Нидерле (*Niederle L.* *Slovanske starozitnosti*, II. Praha, 1906, s. 244, 271; III. Praha, 1919, s. 194 — 223.]. Наконец, хорваты с VII в. и до сих пор живут в западной части Балканского полуострова.

Разбросанность этих этнонимов свидетельствует о миграции хорватов [*Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — *ВЯ*, 1974, № 6, С. 48 — 67.]. Очевидно, все эти хорваты являлись частью одного большого племени, входившего в состав антов. Ещё Л. Нидерле полагал, что прикарпатские хорваты подверглись около 560 г. нападению аваров, после чего значительная часть хорватов мигрировала к Адриатическому побережью, а более мелкие группы этого племени расселились в различных местах Среднего Подунавья и на Эльбе. Константин Багрянородный в сочинении «Об управлении империей» рассказывает, что хорваты пришли на Балканский полуостров в период царствования императора Ираклия, приблизительно в 630 — 640 гг., с севера, со своей древней родины, которая называлась Белая или Великая Хорватия.

Все известные этнонимы хорватов находятся в пределах ареала славянской керамики второй группы (рис. 25), подтверждая предположение Л. Нидерле.

Конечно, хорваты не составляли всей массы славянских переселенцев Среднего Подунавья. Помимо них, в славяно-аварском миграционном потоке участвовали и другие племена славян-антов.

Другой славянский этноним — дулебы, восходящий также к праславянской поре, территориально связан с племенной группировкой славян, представленной керамикой первой группы (рис. 25). Бесспорно, что дулебы составляли какую-то часть этой группировки; наряду с ними в ее составе были и другие праславянские племена, названия которых не дошли до нас. Разбросанность этнонимов дулебы отражает миграции выходцев из этого племени. Где находилась коренная территория дулебов, определить

невозможно. Поскольку этот этноним имеет западногерманское происхождение [Трубачев *О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян, с. 52, 53.], то, видимо, нужно допустить, что славянское племя дулебов сложилось ещё в римское время где-то по соседству с западногерманским населением. Оттуда дулебы расселились в разных направлениях. Средневековые письменные источники фиксируют дулебов на Волыни, в Чехии, на среднем Дунае, между озером Балатон и рекой Мурсой, и в Хорутании, на верхней Драве [*Niederle L.* Slované starozitnosti, II, s. 369, 370.].

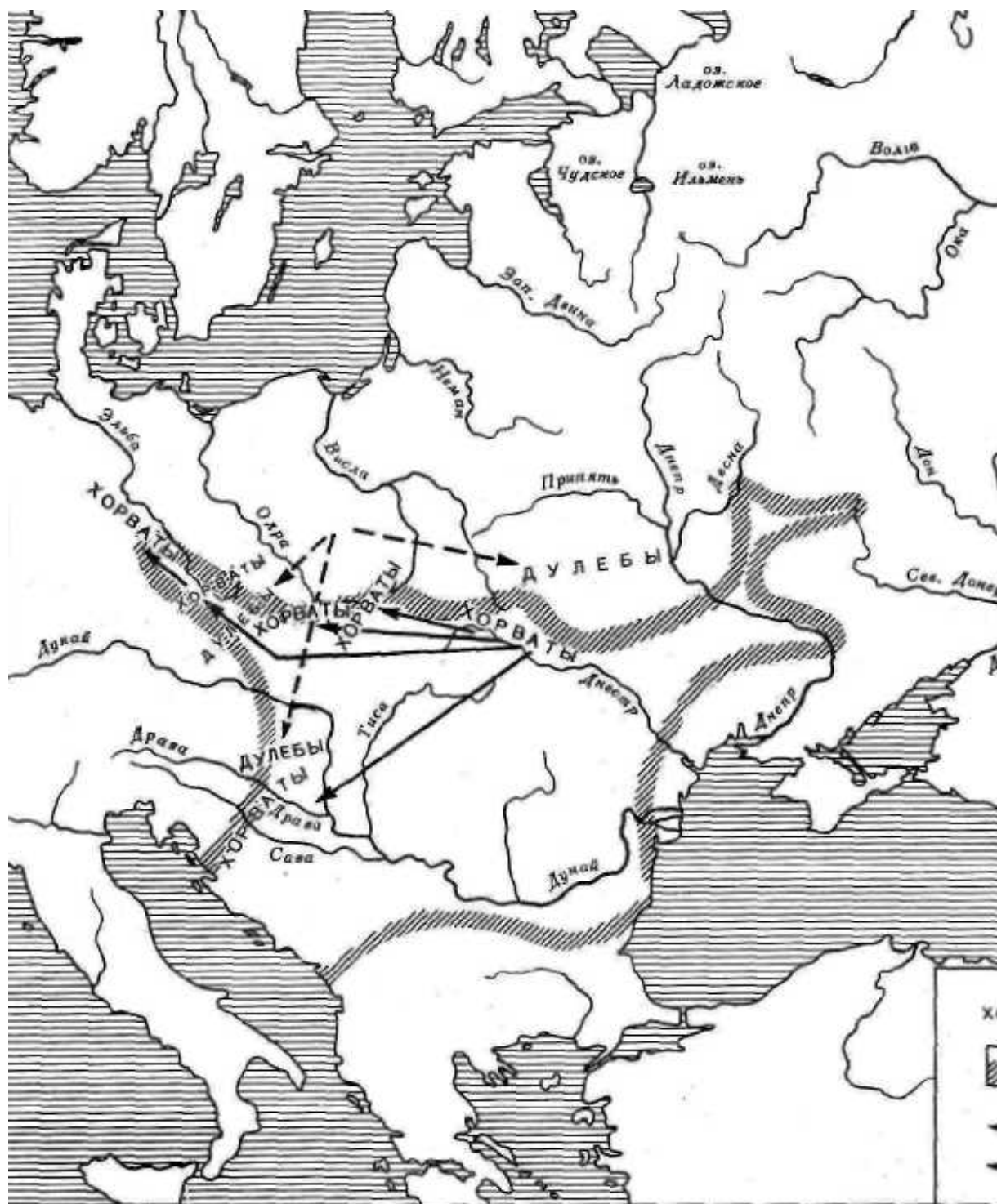

Рис. 25. Распространение праславянских этнонимов в эпоху средневековья

- 1 — локализация племён;
- 2 — ареал славянской керамики второй группы;
- 3 — направления расселения хорватов;
- 4 — предположительное направление миграции дулебов.

При характеристике славяно-иранского симбиоза, вероятно имевшего место в период черняховской культуры, было отмечено, что к элементам иранского субстратного воздействия принадлежит фонема у (h). Ареал этой фонемы кроме южной части восточнославянской территории включает также среднедунайские земли и бассейн верхней Эльбы. Сейчас невозможно определить, когда эта фонема проникла в чешский и словацкий языки. «Но нельзя исключить и возможность того, что чешский и словацкий были охвачены данной изоглоссой еще тогда, когда предки чехов и словаков были расселены восточнее нынешней территории и жили в непосредственном соседстве с предками украинцев» [*Абаев В. И.* О происхождении фонемы у (h) в славянском языке.— В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 120.].

В свете рассмотренных материалов можно полагать, что распространение фонемы у (h) в среднедунайских землях восходит к расселению здесь славянской группировки, представленной в археологических памятниках керамикой второй группы. Наличие этой фонемы в чешском и словацком языках косвенно отражает справедливость исторических построений, предложенных выше.

Наконец, о материалах палеоантропологии. В моей работе, посвященной среднеднепровским славянам, показано, что славяне X — XII вв., характеризующиеся мезокрапией при относительной узколицести, являлись в основном потомками Черняховского населения, сложившегося в условиях ассимиляции местных ираноязычных племён [*Седов В. В.* Славяне Среднего Поднепровья (по данным палеоантропологии) — СЭ, 1974, №1, с. 16 — 31.]. Помимо поднепровских земель, этот антропологический тип в эпоху средневековья получил распространение среди славянского населения Среднего Подунавья и известен на верхней Эльбе (рис. 3). Не исключено, что этот факт отражает расселение потомков антских племен, как оно вырисовывается по археологическим материалам.

Области распространения славянской керамики первой группы ареально соответствуют мезокранный и долихокранный широколицые типы. Интересно, что в Среднем Подунавье наряду с мезокранным среднелицым типом встречается и мезокранный относительно широколицый тип, что полностью корреспондирует с археологическими материалами.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СМОРИ — Племена северо-западного региона

СЕДОВ Валентин Васильевич
Происхождение и ранняя история славян

Племена северо-западного региона

Древности третьей четверти I тысячелетия н. э. в северо-западной части территории славянского расселения (рис. 20) подразделяются исследователями на три очень близкие культурные группировки, слабые различия между которыми обнаруживаются лишь в керамическом материале. В соответствии с трехчленным делением славянства Иорданом северозападную культурную группировку можно условно считать венедской, а отдельные ее части, может быть, отражают племенное членение.

Для территории Мекленбурга характерна глиняная посуда, которая в последнее время получила наименование керамики суковского типа [*Schuldt E.* Die Ausgrabungen in Gebiet der «Alten Burg» von Sukow, Kr. Teterow. — In: Bodendenkmalpflege in Mecklenburg, Jahrbuch 1963. Schwerin, 1964, S. 217 — 238; *idem.* Slawische Topferei in Mecklenburg. Schuldt E. Die slawische Keramik in Mecklenburg.]. В более ранних работах ее относили к первому и второму видам менкен-дорфской керамической группы [*Schuldt E.* Die slawische Keramik in Mecklenburg.].

Вся керамика суковского типа лепная. Ее основными типами (рис. 26) являются горшки двух вариантов и мискообразные сосуды. К первому варианту принадлежат широкие и приземистые горшки с наибольшим расширением в верхней части. Они имеют сравнительно широкое горло и небольшое по диаметру днище. Вторым вариантом составляют почти биконические горшки со сглаженным переходом от верхней части к нижней. Почти такая же форма у мисок при меньшей высоте и большем диаметре.

Рис. 26. Керамика суковского типа из поселений Кляйн Марков, Герке, Венчов и Суков.

На основании раскопок поселения близ Сукова и некоторых иных наблюдений Э. Шульдт полагает, что керамика суковского типа была широко распространена уже в VII в. и бытовала до IX в. включительно [*Schuldt E. Die slawische Keramik von Sukow und das Problem der Feldberger Gruppe. — In: Bodendenkmalpflege in Mecklenburg, Jahrbuch 1962. Schwerin, 1963, S. 261.*]. Это самая ранняя славянская керамика в междуречье нижней Эльбы и нижнего течения Одера.

Почти одновременно с суковской керамикой в Мекленбурге распространяется гончарная посуда фельдбергского типа (рис. 27). Это преимущественно горшкообразные сосуды, невысокие, с выпуклыми боками, широким горлом и суженным дном. Большая часть сосудов орнаментирована многорядной волной или горизонтальными линиями, встречаются штампованные узоры и наклепные валики ниже шейки.

Рис. 27. Сосуды фельдбергского типа.

По мнению Э. Шульцта, фельдбергская керамика в целом датируется VIII — IX вв., а ее прототипы появляются в VII в. В основе этой керамики лежат формы суковской посуды, из которых путем эволюции и развиваются горшки фельдбергского типа [*Schuldt E. Die slawische Keramik von Sukow...*, S. 241 — 261.].

И. Херрманн оспаривает эти положения, утверждая, что фельдбергская керамика сосуществует с суковской, а на отдельных поселениях появляется раньше последней. Так, на селище Дамен в слое, содержащем фельдбергскую керамику, найдена небольшая шпора с гвоздеобразным шипом, что дает основание датировать отложения VI в. [*Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse...*, S. 41 — 51.].

На большинстве обследованных раннеславянских поселений Мекленбурга встречены фрагменты как суковской, так и фельдбергской керамики. Поселения неукрепленные и укрепленные. Первая карта их опубликована Х. Кайлингом [*Keiling H. Keramikfunde aus einer fruhslawischen Siedlung von Gramonshagen, Kr. Schwerin. — In: Ausgrabungen und Funde, Bd 10, H. 4. Berlin, 1965, S. 187 — 191.*]. Общее распространение фельдбергской керамики показано в книге И. Херрманна [*Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse...*, Abb. 6.]. Более подробная информация о конкретных памятниках с находками суковской и фельдбергской керамики приведена в «Корпусе археологических источников по раннему средневековью ГДР», первый том которого, вышедший из печати, посвящен пока трем округам — Ростокскому, Шверинскому и Магдебургскому [*Corpus archaologischer Quellen zur Fruhgeschichte auf dem Gebiet der Deutschen Demokratischen Republik (7. bis 12. Jahrhundert), I.*].

Жилищами на этих поселениях были наземные срубные дома. Погребальные памятники славянского населения VI — VIII вв. в рассматриваемом регионе не найдены.

Вопрос о происхождении славянской племенной группировки, представленной суковской и фельдбергской керамикой, далек от разрешения.

Э. Шульцт высказал догадку о возможности генезиса суковской керамики из пражской [*Schuldt E. Die slawische Keramik von Sukow...*, S. 258.]. Однако глиняная посуда суковского типа в развитых формах бытовала, несомненно, уже в VII в., т. е. в

междуречье Эльбы и Одера она одновременна пражской, а серьезное отличие суковских мисок и горшков второго типа от пражских керамических форм делает предположение Э. Шульдта невероятным.

Достоверно, что керамика суковского и фельдбергского типов принесена в междуречье нижней Эльбы и Одера в результате славянского расселения. Сказать, откуда происходила эта миграция, пока невозможно. Представляет интерес в этой связи точка зрения И. Херрманна о происхождении фельдбергской керамики из распространенной на территории Силезии глиняной посуды, относящейся к культуре римского времени и эпохи переселения народов. Среди этой посуды действительно есть горшки, которые по формам и орнаментации весьма близки фельдбергским и могли быть их прототипами [*Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse...*, S. 70 — 73.].

Очевидно, можно полагать, что славянские племена, расселившиеся на территории Мекленбурга, происходят из Силезского региона пшеворской культуры. Среди пшеворских древностей имеются керамические формы, от которых могла произойти и суковская глиняная посуда. Некоторое сходство между горшками суковского и пражского типов в таком случае обусловлено не эволюцией первых от вторых, а общим источником — пшеворской керамикой. Произошло ли распространение суковской и фельдбергской керамики в междуречье нижней Эльбы и Одера в результате одного миграционного потока славян, или же эти два типа глиняной посуды отражают расселение двух племенных группировок славянского населения третьей четверти I тысячелетия н. э., сказать пока невозможно.

Южнее, в средней части междуречья Эльбы и Одера, преимущественно в бассейне Хафеля, распространена славянская керамика, которая в немецкой археологической литературе называется «Unverzierte Keramik». Высказывалось предположение, что она составляет ветвь пражской. Однако недавно К. Гребе показал, что «Unverzierte Keramik» принадлежит к той же керамической группе, что и суковский тип, а связь ее с пражской остается неясной [*Grebe K. Zur fruhslawischen Besiedlung des Havelgebietes. — In: Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam, Bd 10. Potsdam, 1976, S. 167 — 204.*].

Формы этой посуды (рис. 28) во многом близки к суковским: те же миски и невысокие горшкообразные сосуды с широким горлом. Встречаются и горшки с несколько сглаженным ребром при переходе от верхней части к нижней. Кроме того обычны небольшие по размерам горшки, несколько напоминающие пражские.

Рис. 28. Керамика «неорнаментированного» типа

- 1 — Гросс-Вустервиц;**
- 2 — Миттенвальде;**
- 3, 5 — Вильдберг;**
- 4 — Ратенов;**
- 6 — Бютцер.**

Среди поселений есть и неукрепленные, и городища. Очевидно, в районы, непосредственно соседящие с ареалом пражской керамики, проникают полужемляночные жилища. Такие постройки с керамикой, типичной для Бранденбурга, выявлены раскопками поселения Бютцер. Для основной же массы поселений характерны наземные дома с очагами из камней, занимающими угловое положение.

Датируются отложения с «Unverzierte Keramik» VII — VIII вв. В конце VII — VIII в. в бассейне Хафеля широко распространяется фельдбергская керамика.

Восточнее нижнего Одера, в северо-западных районах современной территории Польши, к VI—VII вв. принадлежат древности, получившие название дзедзицких. Поселение Дзедзицы, давшее название этой культурной группировке, находится в 60 — 80 км к югу от Щецина. В течение нескольких лет оно раскапывалось А. Пожезиньским [*Porzezinski A. Wstepne wyniki badan na osadzie wczesnosredniowiecznej w Dziedzicach, pow. Mysliborz. — In: Materiały zachodniopomorskie, XV. Szczecin, 1969, s. 69 — 102; idem. Wstepne wyniki badan na osadzie wczesnosredniowiecznej w Dziedzicach, pow. Mysliborz. — In: Materiały zachodniopomorskie, XVII. Szczecin, 1971, s. 97 — 112.*]. Его площадь около 4 га. В результате исследований Дзедзицкого и расположенного в том же районе Дерчевского селищ установлено, что жилищами были наземные срубные дома с

удлиненноовальными ямами в полу. Отапливались жилища с помощью очагов, устроенных либо в углублениях, либо из камней, выложенных в один-два яруса.

Вся керамика дзедзицкого типа лепная. В её составе господствуют горшки нескольких типов (рис. 29). Наиболее распространенными были более или менее профилированные приземистые сосуды с широким горлом, близкие к суковским. Кроме того, были сосуды невысокие округлобокие, баночные и яйцевидные, а также высокие горшки с наибольшим расширением в верхней части и усеченноконическим туловом, сопоставимые с пражско-корчакскими. Керамика не орнаментирована.

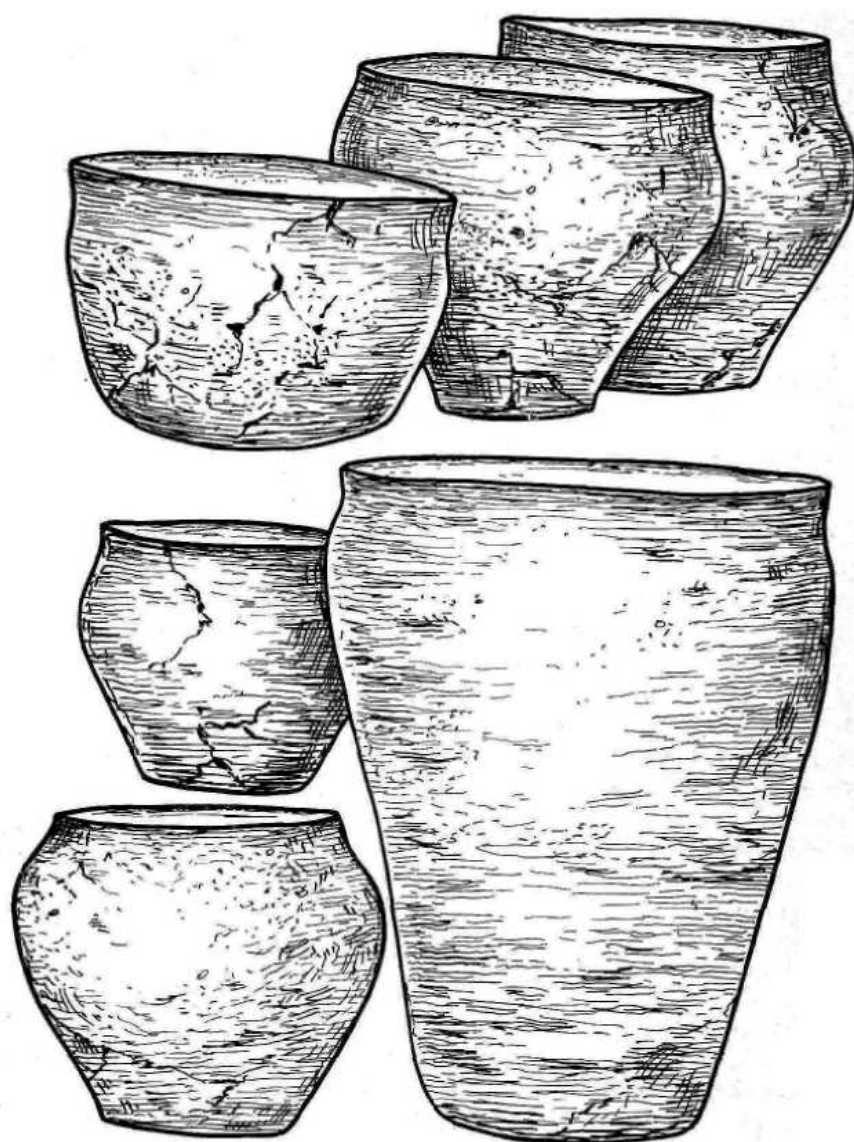

Рис. 29. Сосуды из поселения Дзедзицы.

Дзедзицкая глиняная посуда является региональной группой славянской керамики третьей четверти I тысячелетия н. э. Ныне она известна более чем на 30 поселениях Польского Поморья, преимущественно между нижним Одером и Парсентой [Zak J. Die älteste frühmittelalterlich-slawische Keramik Westpommerns. — Koszalinские zeszyty muzealne, 5, 1975, s. 221 — 229.]. Датированных предметов в напластованиях с дзедзицкой керамикой пока не встречено. Но поскольку эти отложения предшествуют наложениям с керамикой голанчского типа, то дзедзицкую глиняную посуду датируют VI и первой половиной VII в.

Голанчский керамический тип отличается многообразием форм. Сюда принадлежат баночные сосуды, яйцевидные горшки, сосуды, близкие к биконическим, широкие горшки, близкие к мискам. Большинство сосудов не орнаментировано. Но среди них имеются и с узорами — волнистыми, линейными и вертикальными штрихами. Появляются сосуды, подправленные на гончарном круге. Голанчская керамика получила распространение в польскопоморских землях в VII — первой половине VIII в. [1 *Losinski W.* *Początki wczesnosredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsety (VII — X/XI w.)*, s. 36 — 39.]. Представляется несомненным, что эта посуда появилась в результате эволюции дзедзицкой керамики.

Жилищами на поселениях, характеризующихся голанчской керамикой, служили наземные бревенчатые дома срубной конструкции. Иногда нижние части домов несколько опущены в грунт. Отапливались дома очагами, сложенными из глины или из глины и камней.

Погребения этого времени в Польском Поморье не найдены.

Вопрос о происхождении славянской группировки, представленной памятниками с дзедзицкой и голанчской керамикой, пока не поддается разрешению. Можно предполагать, что эта группа славян вышла из ареала пшеворской культуры, но для изучения деталей ее происхождения нужны новые археологические материалы.

В VII — VIII вв. в отдельных местах Польского Поморья распространяется и фельдбергская керамика.

Характеристика северо-западного региона славянства была бы неполной, если не упомянуть племенную группировку, представленную торновской керамикой (рис. 30). Название ее происходит от городища Торнов, расположенного в Нижней Лужице. В 1961 — 1963 гг. этот памятник был исследован почти целиком [*Herrmann J.* *Tornow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz.* Berlin, 1966.].

Рис. 30. Керамика из поселения Торнов.

К торновской керамике принадлежат в основном биконические горшкообразные сосуды. Ярковыраженный или ослабленный излом стенок приходится у ранних сосудов на середину их высоты. Но уже в VII в. вместе с ними широко представлены горшки с переломом стенок в верхней части их высоты. Некоторые сосуды имеют на стенках рельефные пояса, обычно орнаментированные штриховым узором. И. Херрманн разработал типологическую классификацию торновской керамики [*Herrmann J. Tornow und Vorberg, S. 53 — 78.*].

Полевые исследования в Торнове и его окрестностях — Борхельте и Лютьенберге [*Herrmann J. Die germanischen und slawischen Siedlungen und das mittelalterliche Dorf von Tornow. Kr. Calau. Berlin, 1973.*] — выяснили взаимоотношения славянских племенных группировок, представленных керамикой пражско-корчакского облика и торновской посудой. Установлено, что это были различные племенные группировки славян, генетически не связанные между собой. Первыми в окрестностях Торнова появились славяне — носители керамики первой группы. Их поселение Лютьенберг I датируется VI — началом VII в. Во второй половине или в конце VI в. по соседству возникает поселение Лютьенберг II, основанное славянами, которые

употребляли торновскую керамику. Какое-то время оба поселения сосуществовали. В начале VII в. славяне — носители торновской керамики основывают городище Борхельт А и прилегающее к нему селище. Преобладание торновской культуры в этой местности привело к тому, что культура поселения Лютьенберг I прекращает здесь своё существование.

Подобная или близкая картина наблюдается и в других местах рас селения славян — носителей торновской керамики. В начале VII в. она плотно заселяют весь регион Нижней Лужицы. На этом основании И. Херрманн полагает, что ареал торновской керамики соответствует области расселения средневекового славянского племени лужичан, а саму керамику считает этнографическим признаком его культуры [*Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse...*, S. 51 — 57.].

С этим положением можно согласиться лишь частично. Характерной для племени лужичан следует считать, по-видимому, торновскую керамику IX — X вв. В рассматриваемое же праславянское время эта керамика была распространена не только в Лужицкой области, но и в более восточных районах Одерского бассейна. Её носители, вероятно, составляли отдельную племенную группировку праславян. Их расселение привело к сложению средневековых племен, в числе которых, очевидно, были и лужичане.

Керамика торновского типа известна на некоторых поселениях территории Польши, в частности на таких памятниках, как Бониково, Брущево, Гостын, Далешин, Кленица и др [*Petersen E. Der Burgwall von Kleiniss Kr. Guhrau. — In: Altschlesien, Bd 7. Breslau, 1938, S. 59 — 75; Hilczzerowna Z. Wczesnosredniowieczne grodzisko w Daleszynie w pow. gostynskim. Poznan, 1960, rys. 34, 35; eadem. Dorzecze gornei i srodkowej Obry..., s. 50 — 139.]. Нижние горизонты (слои V и IV) культурных напластований в Боникове 3. Раевский и 3. Хильчерувна по находкам фибулы с подвязанной ножкой III—V вв., шпоры и пинцетки VI в. отнесли ко времени от рубежа V и VI до конца VII в. [*Rajewski Z. Zur Frage der Chronologie der fruhmittelalterlichen Keramik in Polen. — Praehistorische Zeitschrift, 37, 1959, S. 197; Hilczzerowna Z. Early Mediaeval Fort in Bonikowo, Distrikt Koscian. — In: Archaeologia Polona, V. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1962, s. 64 — 91; eadem. Naszynjmk brazowy z wczesnosredniowiecznej osady w Bonikowie w pow. koscianckim. — In: Munera Archaeologica Josepho Kostrzewski Poznan, 1963, s. 343 — 349.], с чем нельзя не согласиться. Для определения начальной даты других памятников с торновской керамикой материалов нет. Обычно считается, что эта керамика получает распространение с VII в., но не исключено, что в отдельных районах торновская посуда бытовала уже в VI столетии.**

Жилищами рассматриваемой группы славян были наземные дома столбовой конструкции. Могильные памятники VI — VII вв. пока не выявлены. Поэтому вопрос о происхождении этой славянской группировки может быть поставлен и решен пока лишь на керамическом материале.

Анализ торновской керамики привел И. Херрманна к заключению, что она сформировалась в VI — VII вв. на территории Силезии и Лужицы на основе биконических сосудов более раннего времени [*Herrmann J. Tornow und Vorberg, S. 124 — 126.]. Действительно, среди керамики позднеримского времени и эпохи переселения народов имеется немало сосудов, от которых могла произойти торновская посуда славян. В особенности это касается Силезии, где на памятниках доброд-зеньской группы пшеворской культуры, датированных IV — V вв. (например, Олштын), встречаются и гончарные, и лепные биконические сосуды, иногда с пластическими орнаментальными поясами, как на торновской керамике. Выводы И. Херрманна о формировании торновской керамики на основе керамики, распространенной в эпоху переселения народов на территории Силезии, являются ныне наиболее аргументированными. Славянская принадлежность торновской керамики несомненна. Очевидно, можно полагать, что предками славян — носителей торновской керамики была какая-то часть пшеворского*

населения. Это племенная группировка славян вышла не из Висленского региона, а из Одерского, занятого в основном германскими племенами. По-видимому, на Одере в римское время среди германских племен имелись относительно небольшие группы славян, но выявить их на конкретных археологических материалах пока не представляется возможным.

* * *

VI — VII веками завершается последний период праславянской истории. Расселение славян на обширнейших пространствах, их активное взаимодействие с иноэтничными племенами привели к культурной дифференциации славянского мира и членению единого языка на отдельные славянские языки. С VIII в. наступает новый этап славянской истории, когда в результате сложных миграционных пертурбаций и ассимиляционных процессов формируются средневековые племенные объединения: славян, известные по письменным источникам, а на отдельных славянских землях складываются первые государственные образования.

Попытка некоторых исследователей видеть в трёх славянских группах Иордана — славянах, антах и венедах — отражение трехчленной дифференциации современных славянских языков (восточные, западные и южные славяне) остается догадкой, не имеющей под собой фактологического материала. Существующее ныне трехчастное членение славянства является продуктом не праславянского периода, а более позднего исторического процесса.

Три группировки славянства середины I тысячелетия н. э., выделяемые теперь по данным археологии, нужно полагать, отражают диалектно-племенное членение на последней стадии эволюции праславянского языка. Как свидетельствуют языковые материалы, распад общеславянского единства был весьма сложным процессом, состоявшим не только в делении славянской территории, но и в перегруппировках различных праславянских племен. Поэтому диалектное членение праславянского языка и позднейшее трёхчастное деление славянства никак не связаны между собой генетически.

УКАЗАТЕЛИ

Указатель имён

- Абаев В. И. 20, 21, 25, 98, 99, 133
Абрамова М. П. 84
Август, римский император 31
Агафий, византийский историк 31
Алексеева Т. И. 33-35
Амброз А. К. 77
Антоневич В. 8
Артамонов М. И. 14, 41, 121
Аурелиан П. 87
- Баран В. Д. 91, 97, 101, 102, 109, 119, 121, 122
Бем Я. 113
Беранова М. 110
Березовец Д. Т. (Березовец Д. Т.) 119, 121
Бернштейн С. Б. 22, 23, 26,

Бобринский А. А. 80
Боев П. 34
Бопп Ф. 8
Борковский И. 101, 104, 110, 111, 126
Братанич Б. 113 Брюсов А. Я. 40
Бузук П. А. 11
Бялекова Д. 102, 110, 112, 113, 126

Ван-Вейк Н. 22
Великанова М. С. 85
Вернер И. 112, 128
Вински З. 111, 126, 131
Выжарова Ж. Н. (Въжарова Ж.Н.) 103, 109, 123, 127
Вязьмитина М. И. 81, 82

Гардавский А. 14
Гамченко С. С. 108
Гензель В. 15, 16, 108
Генрих II, германский император 131
Георгиев В. 125
Геродот, древнегреч. историк 10, 14, 29, 41, 98
Гончаров В. К. 124
Горнунг Б. В. 14 — 16
Горюнов Е. А. 123
Готье Ю. В. 125
Гребе К. 137
Грубы В. 110
Грушевский М. С. 125

Дабрагаст, ант 125
Дебец Г.Ф.33
Донат П. 114, 128

Евграфий, сирийский автор VI в. 32

Заимов Й. 29
Зализняк А. А. 24, 25
Земан И. 102, 110, 111, 127

Иванов В. В. 24
Ильинская В. А. 82
Ильинский Г. А. 11
Иоанн Эфесский, сирийский автор VI в. 32
Иордан, историк готов VI в. 8, 29 — 32, 100, 117, 118, 124, 134, 143
Ираклий, византийский император 131

Кайлинг Х. 136
Каменецкий И. С. 40
Караман Л. 113
Кассий Дион, римский историк 61
Киммиг В. 44, 45

Киммиг Э. 45
Кланица З. 110
Клиндт-Иенсен О. 62
Ключевский В. О. 8
Ковпаненко Г. Т. 82
Комша М. 102, 103, 109, 110, 123
Кондукторова Т. С. 41, 85, 97
Константин Багрянородный, византийский император 126, 131
Копинар В. 113
Корпусова В. Н. 85
Коссак Г. 17, 41
Коссинна Г. 39, 46
Костшевский Ю. 12, 46, 47, 56, 60, 61, 116, 117
Кравченко Н. М. 89
Крае Х. 19, 20, 45
Красковская Л. 126
Кропоткин В. В. 84, 91
Курнатовская З. 118
Кухаренко Ю. В. 74, 75, 80, 84, 108
Кюн Х. 17, 41

Латышев В. В. 30
Левицкий И. Ф. 108
Лелеков Л. А. 99
Лер-Сплавинский Т. 5, 12, 13, 18, 28, 29
Любинкович М. 113, 131
Ляпушкин И. И. 103

Маврикий (Псевдо-Маврикий), византийский историк 31
Магомедов Б. В. 85
Мажюлис В. 23, 24, 47
Максимов Е. В. 74, 76
Маркс К. 61
Марин Тирский, географ I в. н. э. 30
Мартынов В. В. 22, 23, 27, 52
Масуди, арабский автор 131
Матей М. 123, 128
Махно Е. В. 81
Мачинский Д. А. 78
Мезенцева Г. Г. 124
Мельниковская О. Н. 75
Мелюкова А. И. 81
Менандр Протиктор, византийский автор 31
Миклошич Ф. 113
Митша-Мерхайм Х. 111
Михайлов С. 128
Мишулин А. В. 31, 124
Монгайт А. Л. 40
Монтелиус О. 39
Мошинский К. 13
Мошкова М. Г. 81

Нестор, древнерусский летописец, 7, 33
Нидерле Л. 5, 10, 33, 34, 71, 125, 131, 133
Никитина Г. Ф. 55, 56, 91

Отто К.-Г. 39, 40
Первольф И. 8
Петренко В. Г. 81
Петров В. П. 15, 108, 119, 121
Пигулевская Н. В. 32
Пизани В. 24
Плейнерова И. 111, 126, 127
Плетнева С. А. 121, 124
Плиний 29, 31, 60
Погодин А. Л. 9, 10, 29, 125
Погодин М. Н. 8
Пожезинский А. 138
Покровская Е. Ф. 82
Поулик И. 102, 110, 112, 126
Прайдель Х. 112
Приходнюк О. М. 102
Прокопий Кесарийский (Прокопий из Кесарии), византийский автор 31, 124
Птолемей Клавдий, римский географ 30, 31, 61

Раевский З. 141, 142
Раппопорт П. А. 128
Рафалович И. А. 102, 122, 128
Рикман Э. А. 78, 81, 84, 85, 89, 98
Розвадовский Я. 10
Роспонд С. 29
Ростафинский Ю. 10, 11, 16
Русанова И. П. 101, 103, 104, 108, 116
Рутковская Л. М. 122
Рыбаков Б. А. 16, 33, 99, 128

Савченко А. Н. 27
Свешников И. К. 84
Скржинская Е. Ч. 31, 32, 117, 118
Сметанка З. 110
Смирнов К. Ф. 81, 84
Смит Х. 19
Смишко М. Ю. 84
Соловьев С. М. 8
Спицын А. А. 125
Станя Ч. 110
Старостин П. Н. 127
Сымонович Э. А. 80, 85, 91

Тацит Корнелий, римский историк 30, 31, 61
Тейрал Я. 53, 68, 71, 112
Телегин Д. Я. 121

Тереножкин А. И. 82
Тимофеев Е. Н. 131
Тимощук Б. А. 102, 109
Тиханова М. А. 98
Толстой Н. И. 113
Топоров В. Н. 24 — 26, 41, 47, 99
Трегер Г. 19
Третьяков П. Н. 14, 40, 75, 77, 123, 125
Трнячкова З. 113
Трофимова Т. А. 33, 35
Трубачев О. Н. 21, 24 — 26, 28, 41, 45 — 47, 99, 131, 132
Трубецкой Н. С. 22

Фасмер М. 11, 18, 99, 100
Федоров Г. Б. 80, 81, 85
Феофилакт Симокатта, византийский историк 31
Филевич И. П. 8
Филин Ф. П. 15, 16, 19, 21, 25, 51, 74, 100
Хавлюк П. И. 119, 122
Хазегава И. 102
Хахманн Р. 17, 41, 62
Хвойка В. В. 15
Херрманн И. 52, 102, 112, 136, 140, 142
Хильчерувна З. 102, 108, 116, 141, 142
Хирт Х. 9

Цезарь, римский император 17, 30
Цолль-Адамикова Е. 114

Чекановский Я. 12, 33

Шафарик П. И. 8
Шахматов А. А. Н, 125
Швидецкая И. 33
Шевелов Г. 22, 74
Шиманский В. 104, 116
Шовкопляс А. М. 124
Шульдт Э. 52, 102, 134, 135, 136

Энгельс Ф. 61

Aleksiejewa T. *см.* Алексеева Т. И.
Antoniewicz W. *см.* Антоневиц В.

Вагап V. D. *см.* Баран В. Д.
Bernat W. 105
Bichir Gh. 81
Воев Р. *см.* Боев П.
Вона J. 111, 127
Bolomey A. 82

Bopp F. *см.* Бопп Ф.
Borkovsky I. *см.* Борковский И.
Bratane B. *см.* Братанич Б.
Bruckner A. 11
Bialekova D. *см.* Бялекова Д.

Chropovsky B. 110
Cilinska Z. 126
Comsa M. *см.* Комша М.
Corovic-Ljubinkovic M. *см.* Любинкович М.
Czekanowski J. *см.* Чекановский Я.

Dabrowska T. 53, 64, 66
Dekan J. 110
Dolinescu-Ferche S. 123
Donat P. *см.* Донат П.
Duridanov J. 26
Dymaczewski A. 64
Diaconu G. 79, 87

Eisner J. 110, 126
Filip J. 52, 84

Gimbutas M. 44, 46, 47
Godlowski K. 55, 65
Grebe K. 137

Hachmann R. *см.* Хахманн Р.
Nachulska-Ledwos R. 104
Hasegawa J. *см.* Хазегава И.
Hensel W. *см.* Гензель В.
Herrmann J. *см.* Херрманн И.
Hilczerowna Z. *см.* Хильчерувна З.
Hirt H. *см.* Хирт Х.
Hoffmann W. 111
Holowinska Z. 104
Hruby V. *см.* Грубы В.
Hubschmann H. 100

Jahn M. 62
Jankuhn H. 63
Jasnosz S. 64, 104

Kalmykow A. 99
Karaman L. *см.* Караман Л.
Keiling H. *см.* Кайлинг Х.
Kietlinska A. 66
Kilian L. 47
Kimmig W. *см.* Киммиг В.
Kiparski V. 74
Klanica Z. *см.* Кланица З.

Kleeman O. 71
Klindt-Jensen O. *см.* Клиндт-Иенсен О.
Korosec J. 131
Kossack G. *см.* Коссак Г.
Kossinna G. *см.* Коссинна Г.
Kostrzewski B. 64
Kostrzewski J. *см.* Костшевский Ю.
Kovrig J. 126
Kozlowski L. 12
Krahe H. *см.* Крае Х.
Kraskovska L. *см.* Красковская Л.
Kruger B. 111
Kudrnac J. 110
Kuhn H. *см.* Кюн Х.
Kurnatowska Z. *см.* Курнатовская З.
Kurth G. 35

Lehr-Splawinski T. *см.* ЛерСплавинский Т.
Ljubinkovic M. *см.* Любинкович М.

Malinowski T. 48
Maziulis V. *см.* Мажюлис В.
Miller K. 31
Miskiewicz J. 65
Mitrea J. 109, 123
Mitscha-Marheim H. *см.* Митша-Мерхайм Х.
Montelius O. *см.* Монтелиус О.
Moszynski K. *см.* Мошинский К.
Musianowicz K. 108

Nalepa J. 26
Nestor J. 123
Niederle L. *см.* Нидерле Л.

Otto K.-H. *см.* Отто К.-Г.

Petersen E. 141
Pescheck Chr. 62
Pleinerova I. *см.* Плейнерова И.
Plinius Secundus C. *см.* Плиний
Plopsor-Nicolaescu D. 85
Podborsky V. 110
Porzezinski A. *см.* Пожезин-ский А.
Poulik J. *см.* Поулик Й.
Powel T. G. E. 84
Preidel H. *см.* Прайдель Х.
Przewozna K. 55

Rajewski Z. *см.* Раевский З.
Rauhut L. 105
Rospond S. *см.* Роспонд С.

Rostafinski J. *см.* Ростафинский Ю.
Rostovzeff M. 41
Rozwadowski J. *см.* Розвадовский Я.
Rudnicki M. 12

Safarik P. *см.* Шафарик П. И.
Schall H. 47
Schmidt B. 111
Schuldt E. *см.* Шульдт Э.
Schwantes G. 51
Schwidetzky I. *см.* Швидецкая И.
Shevelov G. *см.* Шевелов Г.
Smith H. L. *см.* Смит Х.
Sos A. Cs. 111, 126
Sulimirski T. 25
Szekely Z. 109
Szydlowski J. 64
Szymanski W. *см.* Шиманский В.

Tejral J. *см.* Тейрал Я.
Teodor Dan. Ch. 109, 123
Teodoresku V. 123
Tocik A. 117
Trager G.-L. *см.* Трергер Г.
Treimer K. *см.* Траймер К.
Trnackova Z. *см.* Трнячкова З.
Trubetzkoj N. S. *см.* Трубецкой Н. С.

Uhlenbeck C. C. 100
Ulaszyn H. 13

Van-Vijk N. *см.* Ван-Вейк Н.
Vasmer M. *см.* Фасмер М.
Vazarova Z. *см.* Выжарова Ж. Н.
Vinski Z. *см.* Винский З.
Vogt H.-J. 127

Waga T. 47
Werner J. *см.* Вернер И.
Wiesner J. 26
Wozniak Z. 52, 56

2ak J. 138
Zeman J. *см.* Земан И.
Zeuss K. 125
Zoll-Adamikova H. *см.* Цолль-Адамикова Е.

Абрахам 37
Августиновка 90, 92, 93
Австрия 110, 111
Адольфин 69
Адриатика 52, 128, 131
Адриатическое море 29
Азия 13, 127
Азобичи 37
Азовское море 32
Айка 107
Аксаково 107
Алатъян-Юрбёпуста 37
Алдени 86, 88
Алчедар 107
Альпы 20
Альпы (Карпаты) 32
Альт-Бартельсдорф 37
Альтоммачш 37
Андреевичи 37
Андрусовка Большая 107, 115, 121
Апоркаи-Юрбёпуста 37
Арс 107

Бад Дюрренберг 107
Базар Новы 37
Бакар 107
Баконькопаны 107
Бакота 107, 115
Балатон 32, 118, 133
Балтене-Баре 37
Балтика 25, 57, 78, 81
Балтийское море 11, 22, 23, 27, 30 — 32, 51, 57, 58, 60, 61, 101
Балцаты 86, 88, 90, 93, 95
Бановцы Новы 130
Барац-Башняцина 37
Баргендорф 37
Барды 107, 115
Барды Старе 115
Барковице Мокре 107, 115
Батошана 107, 115, 120
Батьковичи 115
Бахмач 37
Бахуж 107, 115
Белавы-Лубы 69
Белгород-Николаевский 37
Белев 37
Бело Брдо 37
Белоруссия 84
Бердыш 37
Бережанка 86, 88, 90, 93, 95
Березняки 14

Березовка 37
Берлин 102
Беховице 24
Бешенев 37, 107
Бжег Глогувский 37
Билина 37
Биловице 107, 110
Бискупин 107
Битиману 130
Блатец 107, 110
Блед 37
Бобцин 37
Бовшев 90, 93, 95 — 97, 107, 115
Богдянешти 95
Богомолице 69
Бохгзаново 69
Бойетице 107
Болгария 102, 109, 122 — 124, 128
Болецин 107
Бониково 104, 107, 141
Борисов 37
Бортовой Млын 107
Борхельт 140
Бранденбург 114
Брандишек 37
Бранешты 37, 107
Брезолупы 107
Брест-Тришин 84
Брестовик 37
Бржезно 105, 111, 112, 115
Бржецлав 107, 110
Британские острова 20
Брно 107
Броварки 37
Брулино-Коски 69
Брущево 104, 107, 141
Буг 16, 20, 36, 45, 50, 52, 54, 69, 79, 91, 97, 101, 106, 108, 109, 115, 119, 122
Буг Южный 36, 50, 54, 79, 88, 90, 94, 95, 106, 115, 119, 122
Будешты 85, 87, 88, 90, 92, 93, 95, 96
Буковина 102, 108
Бурценин 107
Бутцер 137, 138
Бэнеаса 107
Бэцид 107

Вайноры 107
Вандальские (Исполиновые) горы 61
Ванковцы 107
Вансош 69
Ваплиц 130
Варвен 130

Варта 36, 48, 49, 53, 58, 61, 69
Васильев 37
Вацхартян 37
Ведерники 37
Везер 29, 54
Везувий 29
Векцел 130
Вела 130
Велатице 107, 110
Велесница 130
Великая 118
Венгрия 110, 111, 126, 127
Венгровский повят 64
Вендсиссель 62
Венедский залив 30
Вентшов 107
Венчов 134
Вепш 36, 50, 69, 79
Вестоницы Дольны 115
Весульки 69
Вечулки 37
Византия 31, 99
Викторовка 86, 88
Вилы Ярузские 90, 93, 95
Вильдберг 137
Вильховцы 107
Виногура 107
Вирт 107
Висла (Вискла, Вистула) 7, 10, 12, 13, 15, 16, 20, 21, 23, 26, 29 — 32, 34, 36, 44
— 50, 54, 61, 62, 69, 78, 79, 81, 106 — 108, 112, 114 — 118, 130 — 132
Вислица 37
Висло-Одерское междуречье 13, 16, 17, 58, 60, 112
Витачев 37
Владими́ро-Сузда́льская земля 34
Водяное 86, 88
Воеводина 126
Войка 37
Войсковое 86, 88, 90, 93
Волга 20, 75, 127, 130, 132
Волин-Млынувка 37
Волиндрын 107, 115
Воломин 105
Волошское 90, 93, 107, 115, 120, 130
Волянь 8, 10, 49, 78, 84, 101, 109, 110, 119, 122, 123
Вороная 84
Ворскла 36, 50, 79, 90, 95, 106, 115, 123
Врев 107
Вржесник 107
Вроцлав 69
Вроцлав-Злотник 107
Вулька Ласецка 53

Вуткани 130
Вшемирув 115
Вымыслово 64 — 67, 69
Вырпот 130
Вычане-Опатовце 107
Вышемборг 130

Гавриловка 86, 88,90, 93, 96, 97
Гадилавичи 37
Гайворон 120
Галиция 8
Галлия 30
Гамбас 130
Гамель 37
Гарван107, 115
Гаць 69
Гбелы 107
ГДР 52, 102, 110, 111
Германия 30, 31, 61, 101, 102
Гёрке 107, 134
Гиелов 107
Глогув 69
Глубцице 69
Глыбокое 107, 115
Гняздовице 69
Гоголин-Стжебньюв 69
Гогошари 86, 88
Голанч Поморский 107, 115
Голиар 37, 107
Голики 107, 115
Гориславице 37
Городец 37
Городница 86, 88, 90, 93, 95, 107
Городня 107
Городок 107, 115
Городок Ровенский 84
Горошево 115, 130
Горынь 36, 54, 79, 115
Госте Вельке 107
Гостын 107, 141
Готланд 60, 81
Гочево 37
Грабешин 107
Грабоног 107
Грамонсхаген 107
Гранична-при-Горнаде 107
Гребен 115
Греппин 107
Гречанки 86, 88
Гриневиче 69
Гродек 37

Гродзешовице 69
Гродзиск Мазовецкий 69, 105
Грозивец 37
Гросс-Вустервитц 137
Гросс-Зеберитц 107
Гросс Раден 52
Гросштемкендорф 115
Грудзице 65, 69
Груды на Мала 69
Гурбинцы 86, 88, 90, 93
Густавель 37
Густоржин 37
Гущино 37
Гыбаш 130

Давид-Городок 37
Дакия 30, 32
Далешин 107, 141
Далмация 126
Дамароя 130
Дамен 136
Данилова Балка 86, 88, 95
Данковице 69
Даумен (совр. Тумяны) 130
Дебрецен 107
Девин 37
Девинска Нова Весь 37, 107, 110, 115, 126
Дедиловичи 115
Дедовщина 86, 88, 95
Делакэу 95
Дембица 115
Демьянов 90, 93, 95, 97, 130
Деревянное 86, 88, 90, 95
Дериевка 107, 120
Дерчево 107, 115, 138
Десна 7, 20, 36, 45, 54, 76, 79, 88, 90, 95, 106, 115, 130, 132
Дессау-Мозигкау 105, 107, 111, 112, 115
Джеджови Лозя 107, 115
Дзедзицы 107, 115, 138
Дзекановице 107
Диногоция 115
Дмитровка 107, 124
Днепр (Данапр) 7, 10, 11, 14 — 16, 20, 28, 30 — 32, 34, 36, 45, 50, 54, 75 — 79, 81, 85, 88, 90 — 92, 95, 101, 106, 108, 115, 117, 119, 120, 122, 125, 128, 130, 132
Днестр (Данастр) 15, 20, 31, 32, 36, 45, 50, 54, 78, 79, 88, 90, 95, 102, 106, 115, 117 — 119, 122, 124, 125, 132
Добого 130
Добрача 37
Доброносичи 37
Добруджа 109, 123, 125
Доманевице 107

Домарадзице 64 — 67, 69
Доморадин 69
Домнеасцэ-Бакэу 107
Дон 10, 20, 32, 36, 50, 84, 130, 132
Дорогобуж 28
Драва 20, 36, 45, 50, 106, 115, 130, 132, 133
Дрезден-Штетт 107
Дрина 36
Дрогичин 107
Дроздово 69
Дубняги 86, 88
Дубовац 130
Дульцеанка 107
Дунай 7, 20, 21, 31 — 34, 36, 45, 50, 54, 78, 79, 88, 90, 95, 106, 112, 115, 124, 127,
128, 130, 132, 133
Дунауйварош 107, 115, 120, 127, 128
Дытыничи 84
Дэмэройя 115
Дюррвайтчен 107
Дяково 107

Европа 8, 11, 13-21, 24, 26, 30, 32, 39, 41, 44, 45, 50, 52, 55, 78, 79, 81, 84, 101,
109, 122, 126, 127
Европейская Сарматия 30

Ёшкю 37

Жданице 107, 110
Жезав 69
Желовце 37, 107, 126
Жерники Бельки 69
Жешов 115
Житавска Тонь 37
Житковецко 107
Жовнин 86, 88, 90, 93, 107, 121
Жуков Старый 37
Жуковице 107, 115
Жуковка 90, 93
Журовка 79, 86, 88, 90, 93, 95

Заале 53, 111, 131
Завадовка 90, 93, 95
Завист 107, 115
Загорска Быстрина 107, 120, 126
Загорье 37
Задовице 69
Задубровка 107, 115
Закарпатье 117
Залев 69
Замошаны 107
Западная Двина 7, 11, 20, 34, 36, 45, 50, 78, 79, 130, 132

Заполазы 86, 88
Запорожье 86, 88
Заславль 37
Зауездлитц 107
Заушвитц 107
Захов 107
Заярье 107
Заячевка 86, 88
Звиняч 107, 115
Здуны 69
Зеленый Гай 107, 115, 121
Зимно 107, 108, 114, 115
Злехов 107
Злота 37
Злота Пинчовске 37
Злотники 107, 115
Зобор 37
Зозив 107
Зофиполь 58
Зубковичи 37
Зубово 37
Зялашури 105, 107

Ибэнешти 115
Иванов Верхний 95
Ивановичи 37
Иголомья 58, 107
Игрень 107, 115
Избицко 69
Извоар 95
Изворул 86, 88, 95, 96
Илава 107
Ильмень 7, 45, 130, 132
Индепенденца 86, 88, 90, 93, 95, 96
Иозофове 37
Иорданов Шленски 69
Ипотешти 115
Иран 99
Италия 20, 21
Истр 31, 124
Истрия 107, 130

Каборга 86, 88, 90, 93, 95
Кавенчин 69
Кавказ 13, 30
Кавчице 69
Кадань 115
Казанув 69
Казачья Локня 130
Казанлын 37
Какалец 95

Калбени 86, 88
Калининград 12
Калиновице 69
Кальник 107, 115
Кама 20
Каменка Днепровская 86, 88, 90, 93, 94
Канев 107, 130
Кантемировка 86, 88, 90, 93
Карос 107
Карпаты 8, 16, 30 — 32, 52, 60, 61, 109, 117
Карчевец 64 — 67, 69
Кашубская возвышенность 46
Келларен 130
Кенджыно 107
Кенигсборн 107
Кеппусцта 37
Кетж 69
Кецел 37
Киев 37, 107, 124
Кизлевой 107
Киндешты 115
Киркут 115
Кишкереш-Вагохид 37, 130
Кладово 129
Кленица 107, 140
Климентовицы 107, 108
Клокочице 69
Клочев 69
Клук 107
Кляйн Марков 107, 134
Княжый 107
Коблево 86, 88, 95, 96
Кобуска Веке 107, 120
Кобылице 69
Кодын 107, 109, 115
Кокочин 69
Колвитц 107
Колобжег 107
Колодезный Бугор 107
Колоденка 37
Колодривка 115
Комаров 90, 93
Коможно 69
Компанийцы 86, 88, 90, 92 — 94, 96
Комрат 93, 95
Конин 64 — 67
Конин Новы 107
Конотоп 37, 107
Коньске 37
Копки 69
Коржибя Малая 37

Коростовичи 95
Коротяк-Перепелицыно 86, 88
Короча 124
Корчак 105, 107, 115
Косаново 86, 88, 90, 92, 93, 95
Косовенни 130
Костенец 107
Костешты 107
Костиша-Мяноциа 95
Косцелиска 115
Котлас 69
Котово 107, 115
Коуржим Старе 107
Кочуров 115
Кошуты 107
Краков 37, 58, 104
Красино-Плонск 37
Крещатик 107
Кринички 95
Криничное 81
Круцеа луи Ферентц 107, 130
Крушвица 37
Крым 78, 81, 85
Ксензы Двур 69
Кубличи 37
Куня 121
Куприн 115
Купче 95
Курганье 37
Курск 130
Куртэа 95
Куртэа Домнэаска 115
Куша 107
Куява 107
Кымпул — Божа — Милитари 107,115
Кэчиорели 130
Кэцелу Ноу 107, 115

Лавриков Лес 107
Ладожское озеро 47, 130, 132
Лаз Стоцки 107
Лазу 130
Ланжхот 107, 110
Латково 115
Лахмировице 69
Лаховице 37
Лаци 130
Лебедка 37
Лебяжье 107
Левкин Бугор 107
Леегебрух 107, 115

Лежницы Вельки 69
Лентковице 37
Лецкани 86, 88, 90, 93, 95, 96
Либице 37
Либчице 107
Липа 107, 115
Липино 37
Липлява 37
Липовое 37
Липско 107
Лисицице 69
Лобжаны 115
Ловеч 37
Лозна-Дотохой 115
Ломоватое 90, 93, 95
Лопатна 107
Лоуни 111
Лохвица 86, 88, 90, 93, 96
Луара 20, 45
Лубны 37
Лубянка 107
Луг 107, 115, 120, 121
Лужица 140, 142
Лука Врублевецкая 95, 115
Лука Райковецкая 107, 124
Луковит 37
Лунка 82, 86, 95
Лупоглав 28
Любеч 37
Любич 107
Любишево 37
Люблин — Чвартек 107, 115
Любляна 32
Любянж 69
Лютьенберг 112, 115, 140

Магдебургский округ 136
Мадара 37
Макаров Остров 107
Мала под Гроном 105, 107, 110
Малаешты 86, 88, 92, 95, 96, 107, 115
Марица 107
Мартыновка 129
Маслово 86, 88, 90, 93 — 95
Масув 69
Матушково 107, 110
Мацькувка 115
Медвежье 37
Мекленбург 37, 102, 114, 134 — 136
Мена 130
Мендзыборув 105, 107

Менз 107
Меотида (Меотийское озеро, Азовское море) 30, 32, 104
Мерзебург 131
Мериновка 37
Мершвитц 107
Микульчице 37, 107, 110, 114, 115
Милковичи 37
Минск 37
Миттенвальде 107, 137
Митяевичи 37
Михайловка 84
Михайловское 118
Млинарце 37
Млодзиково 64 — 67
Могошани 95
Моисеевское 37
Моква 130
Молдавия 85, 102, 122, 124
Молдова 109, 123
Молочарня 115, 120
Мор-Акастодомб 37
Морава (Марава) 7, 131
Моравия 102, 110, 112, 114
Моравский Ян 37
Морешты 129, 130
Морешты Чипэу 115
Моржице 115
Мульде 53
Мунтения 109, 123
Мурава 37
Мувава 37
Муреш 36, 50, 54, 79, 106, 115
Мурсианское озеро 32, 117, 118
Мурса 118, 133
Мутенице 107, 115
Мушицы 107, 115
Мюленгеер 107
Мюнхендорф 107
Мюров 107

Нарев 10, 69, 79
Нарези 107
Нацлав 69
Неа Анхиалос 130
Неленгово 37
Незвиско 95
Неман 10, 11, 20, 36, 45, 50, 54, 78, 79, 115, 130, 132
Неполоковцы 86, 88
Непорент 105, 107
Неслухов 90, 93, 95
Нецеплин 69

Ниегрипп 107
Николаевка 37
Ниско 107, 115
Нитра 107
Нитранский Городок 107, 115
Нова Весь Вроцлавска 69
Нова Весь Легницка 69
Нова-Гута-Могила 58, 104, 105, 107, 115, 130
Нова Церква 69
Новгород 7
Новгородская земля 34, 119
Нови-Пазар 37
Новины 107
Новиетун (Невиодун) 32,
Новоалександровка 86, 88, 90, 93
Ново Брдо 37
Новогрудок 37
Новозыбков 37
Новоселки 37
Новоселовка 90, 93
Ново-Филипповка 81, 82
Новочиновское 95
Новый Замок 37
Норинск 37
Носоцице 69
Ношлак 107
Ныса 102
Нюнхритц 107

Обыршени — Войнешти 87, 88
Огородники 37
Одер (Одра) 12, 13, 16, 20, 21, 23, 28, 29, 36, 44 — 47, 49, 50, 53, 54, 58, 61, 62,
68, 69, 71, 102, 106, 114 — 117, 130, 132, 135 — 138
Одесса 12
Одобеску 87, 88, 95
Оздятичи 37
Ойнак 88, 95
Ока 13, 20, 23, 26, 50, 77, 79, 115, 130, 132
Олевск 37
Олонешты 81
Олт 32, 36, 50, 79, 88, 90, 106, 115
Олтени 90, 93, 95
Олштын 142
Ополе-Закжув 107
Опольский повят 35
Опорув 69
Орель 36, 50, 79, 106
Орлицкие горы 131
Орля 130
Оросиево 115
Оросцланы 107, 111

Оселивка 87, 88
Осецк 69
Осечница 107, 108
Осиек 107, 118
Островец 95
Острув Ледницки 37, 107
Ошкобр 37

Падзеры 37
Палисмарот-Башархаре 107
Паннония 7, 33, 102, 127, 128
Париевка 115
Парсента 102, 138
Пастырское 107, 115, 130
Пергам 130
Перебыковцы 107, 115
Передняя Азия 7, 8
Пересопница 37
Переяславль Хмельницкий 37, 87, 88, 90, 93, 95
Пестжец 69
Песчанка 37
Петрик 80
Петрис 95
Петрово 115
Петровина 107
Пилица 69
Пиотркув 69
Писаревка 90, 93, 94
Писарки 110
Планяны 107, 110
Плевен 37
Пленница 130
Плиска 37, 107
Плоцк 104
Пнев-Пржедграды 107 110 20, 45
Повисленье 11, 13, 14, 30, 47, 51, 58, 68, 71, 74 — 76, 84, 98, 116, 117
Поволжье 13, 14, 81
Поганьско 107, 115
Подволочиск 95
Подесенье 77, 123
Подивин 115
Поднепровье 10, 11, 13, 14, 16, 17, 23 — 25, 29, 41, 74 — 81, 84, 89, 92, 94, 98, 118, 121, 122, 128
Поднестровье 31, 53, 78, 81, 94, 101, 102, 108, 109, 117, 119, 122, 124, 128, 131
Подолия 8, 10, 14, 102
Подрижье 107, 115
Подунавье 30 — 33, 35, 44, 52, 100, 112, 113, 126 — 128, 131, 133
Познань 107
Половецкий Хутор 37
Покасепект 107, 111
Полота 7

Полупин 107
Польша 10, 11, 101, 102, 104, 108, 113, 118, 138
Поляновице 107
Померания 13
Понт (Чёрное море) 30, 32
Попина 37
Потворице 107, 110
Поян 107, 120
Прага 107, 110, 115
Преслав 37
Прешов 107
Пржидлуки 107, 110, 112
Пржистоупиме 107
Приазовье 32
Прибалтика 11, 19, 30, 56
Привольное 87, 88, 90, 93
Пригородок 115
Призанневитц 37
Припятское Полесье 10, 23, 49, 74, 75, 78, 84, 101, 108, 112 — 114, 117, 118
Припять 7, 10, 11, 20, 36, 45, 50, 54, 79, 102, 106, 109, 115, 119, 130, 132
Причерноморье 8, 15, 24, 25, 31, 32, 52, 57, 80 — 82, 91, 98, 100
Прут 36, 50, 54, 79, 88, 90, 95, 106, 115, 123
Прютцке 107
Пряжев 90, 93, 94
Псел 36, 50, 79, 88, 90, 95, 106, 115, 123
Псковская земля 118
Птуй 37
Пуятинцы 95
Пшемысль 37
Пщево 115
Пышанц 69
Пястув 69

Равичский повят 64
Радзейув 107, 108, 115
Радимин 37
Радом 37
Ракобуты 95 — 97
Раковец 87, 88, 90, 93, 95
Ранжевое 87, 88, 95
Ратенов 137
Ратиборц 107
Рашков 107
Ребенсторф 107
Редкодубы 87, 88
Рейн 20, 29-31, 44, 45, 61
Реньска Весь 69
Реча 107, 115
Речица 37
Ржавец Малый 86 — 88
Ризино 87, 88, 91

Рипнев 90, 94, 95, 97, 105, 107, 115, 120
Рогачица 107
Родня 37
Романово Село 95
Ромашки 87, 88, 90, 94, 95
Ромош 115
Рона 20, 45
Росткы 69
Рось 36, 54, 79, 88, 90, 95, 106, 115
Рояновцы 107
Рудки 107
Руднице 37
Рудня Старая 37
Ружичанка 87, 88
Руманишес Банат 130
Румыния 82, 102, 109, 110, 123
Руши-Мэнэстиоара 107
Рыжевка 87, 88, 90, 94, 95
Рязань Старая 37

Сава 20, 32, 36, 45, 106, 115, 117, 118, 130, 132
Салапятишки 37
Самара 79
Самчинцы 107, 115, 119
Сан 36, 50, 69, 79, 115
Сандомиж 37
Сансядка 37
Сарваш 107
Сарматия 30
Сармицегетуса 130
Сахновка 115
Свентокшиские горы 58
Северное море 29
Северск 107
Северский Донец 79, 88, 124, 132
Седлемин 107
Сейм 7, 36, 79, 90, 95, 106, 115
Селец 107
Селиште 107, 115, 120, 130
Сельско 115
Семенки 107, 115, 119, 120, 130
Семеново 37
Семено-Подмлынье 107
Семице 105, 107
Семурадцы 107
Сена 20, 45
Сеня 107
Сербы 69
Силадице 107, 110, 115
Силезия 13, 48, 52, 55, 62, 89, 136, 142
Сирет 36, 54, 79, 88, 90, 95, 106, 109, 115

Сисак 107
Ситно 107
Скалице 107
Скандинавия 20, 25, 32, 46, 56, 57, 59, 60, 81
Скарбаново 37
Скибинцы 107, 115
Скифия 30, 41, 84, 87
Скок 107
Слабощево 37
Славогура 69
Слатинки 107
Словакия 102, 110, 112, 117, 126
Словения 126
Слопаново 55, 69
Слупино 107
Случь 36, 88
Смела 130
Смоленск 37, 76
Собоциско 69
Сож 76, 77
Солончены 95
Сомотор 115
Сосница 107
Сотин 107
София 107
Спанцов 82, 87, 88, 90, 92, 94, 95
Спицымеж 66, 68 — 70, 72
Сребрына 107, 115
Сродский повят 64
Стара Весь 69
Старе Место 107
Старое Село 107, 115, 120
Стецовка 107, 119, 121
Стжебнюв 69
Страховице 69
Стрелица 115
Стрэулешти 95
Стрэулешти-Лунка 107, 115
Стрэулешти — Мэйценешти 107
Студеница 115
Ступава 107
Стырмен 37, 107
Стырь 36, 54, 79, 106, 115
Судеты 16
Суджа 130
Суков 107, 115, 134 — 136
Сула 7, 36, 50, 79, 88, 90, 95, 106, 115, 123
Сулейовице 37
Сухостав 90, 94, 95 151
Сучава 123, 128
Сцентес 107

Сынтана-де-Муреш 87, 88, 90, 94 — 96
Сэрата-Монтеору 107, 123, 129, 130

Тархалице 58
Тей 115, 130
Телешовка 87, 88
Теплиц 37
Теребовля 95
Теремно 37
Тетерев 54, 79, 88, 90, 95, 106, 110, 115
Тетеревка 105, 107
Тжебеславице 107
Тиса 20, 32, 36, 50, 53, 54, 79, 106, 115, 117, 130, 132
Тисадерж 37
Томице 37
Торнов 107, 112, 115, 140, 141
Троицкий монастырь 37
Тропишов 58
Тум-Виташевице 107
Турнава 55
Турнище 37
Туров 37
Туров Плонский 37
Тухлин 69
Тыргу-Муреш 95
Тыргшор 79, 81, 87, 88, 90, 94, 95, 96, 107
Тюрингия 35
Тясмин 119, 121

Угерске Скалице 37
Уж 115
Ужгород 107
Украина 15, 28, 41, 84, 85, 108
Урал 30
Урчице 130
Усичи 37
Усох 130
Успенка 87, 88, 90, 94, 95
Устье 87, 88, 90, 94, 115
Усть-Каменка 81
Ушкалка 84
Ущце 115

Федоровка 90, 94
Фёнлак 130
Финляндия 25, 57, 81
Фундул Хертей 107
Фурмановка 87
Фэлциу-Васлуи 107

Ханска 37, 107, 115, 128, 130

Хафель 137, 138
Хваликув 107, 115
Хефген 107
Ходлик 107
Хорватия 131
Хорек 107
Хорула 64 — 67, 69, 107
Хорутания 133
Хотомель 107, 108
Хохензееден 107
Хусов 115
Хуча 107, 115
Хэрэшти 87, 88, 90, 94, 95

Царичин Град 129, 130
Цветна 80 Цеканово 107
Целиков Бугор 115
Ценендорф 37
Цецежин 69

Чаагвитц 107
Чакалу-Урегеды 130
Чакберень 37
Чаньча 69
Чахин 115
Челадц Велька 107, 115
Чепа 115
Чепоносы 107
Червонная Слобода 95
Черепин 90, 94, 95, 97
Чернат 107
Чернигов 37
Черниговщина 124
Чернилов Русский 87, 88
Черновицкая область 109
Чёрное море 30, 32, 52
Чёрный Уезд 107
Ченяхов 86, 87, 90, 94, 95
Чертория 115
Четатеа Веке 87, 88
Чехия 102, 110, 126, 133
Чехословакия 101, 110
Чижиков 95
Чудское озеро 45, 130, 132
Чурелу 107, 115

Шавочин 115
Шатрау 107
Шверин 37
Шверинский округ 52, 136
Швеция 81

Шелиги 104, 105, 107, 115, 130
Шестовицы 37
Шеуфельдсдорф 130
Шипот-Сучава 107, 115, 129, 130
Штеутц 107
Штраутлаукен 130
Шульце 107
Шумишув 69
Шумск 107
Шчедзык 69
Шуя 37

Щатково 115
Щецин 136
Щецин-Кжеково 107
Щитно 65, 69

Эбро 20, 45
Эддеритц 107
Эльба 10, 12, 14, 20, 21, 29, 36, 44, 45, 50, 53, 54, 101, 102, 104, 106, 108, 110 —
113, 115, 117, 118, 127, 130 — 133, 135 — 137
Эрбицени 85, 95
Эсперферд 37

Югославия 110, 111, 113, 126
Юллё 37
Ютландия 62
Юхново 37
Ягнятин 37
Языль 37
Яксонув 69
Яношхида-Тоткерпуста 37
Ярослав 37
Яссы 107, 115
Ятов Дольны 37
Яцева Балка 107
Ящув 69

Указатель археологических культур и этнических названий

Аварины 30
Авары 31, 126, 127, 128, 131
Акациры 32
Аланы 8, 98
Амаксовии 30
Анатолийцы 15, 19
Англи 54
Анты 29 — 32, 100, 117, 119, 124, 125, 127, 131, 143
Армяне 19

Армяно-албанцы 9

Балто-славяне 11, 13, 16, 19, 76

Балты 9, 11, 13, 15, 19, 23 — 27, 32, 34, 35, 41, 47, 51, 75 — 78

Бастарны (бастерны) 30, 31, 61

Белогрудовская культура 16, 17

Боевых топоров культура 35

Болгары 127

Будины 10, 14, 41

Бургунды (бургундионы) 54, 60, 61

Буры 54

Вандалы (вандилы) 54, 60 — 62

Вандалы-силинги 61

Вандалы-хаздинги 61

Варины 54, 60

Венгры 127

Венеды 12, 29-32, 41, 54, 60 — 63, 143

Венеды-сарматы 31

Венеты 13, 16, 29, 32, 117, 125

Верхнеднепровская культура 14

Верхнеокская культура 79

Викинги 39

Волохи 7

Волыняне 131

Восточнопоморско-мазовецкая (велбаро-цецельская или типа Дытыничи — Тришина) культура 78, 79, 84, 89, 91, 98, 116

Восточнопруссских (запад-нобалтских) курганов культура 47, 51

Вятичи 33

Гарнии 54, 61

Гелизии 54, 61

Гелоны 14

Гельвеконы 54, 60, 61

Гепиды 61

Германцы 5, 9, 11, 17 — 19, 21, 23, 27, 29, 30, 34, 35, 42, 44, 51, 60 — 62, 71, 74, 81, 91, 116

Гермунды 54

Гирры 29

Гифоны 30

Готы (готоны, гутоны) 8, 31, 32, 54, 60-62, 78, 89, 124

Гребенчатой керамики культура 13

Греки 9, 19, 41

Гунны 124

Даки 8, 31

Дако-мезийцы 15

Днепро-двинская культура 79

Древляне 7

Древнеевропейцы 19, 21

Дреговичи 7

Дулебы 131 — 133

Зарубинецкая культура 14, 16, 42, 54, 74 — 77, 89, 97

Иллирийцы 8, 9, 11, 26, 44

Ингвеоны (ингвеоны) 29

Индоевропейцы 5, 9, 11, 13 — 15, 19, 21

Индоиранцы 9, 11, 19

Индо-хеттиты 19

Ипотешти-Киндешти культура 123

Иранцы 15, 23 — 25, 41, 42, 85, 89

Италики 5, 9, 18, 21, 42

Карпатских курганов культура 79

Кельты 8, 9, 11, 16 — 18, 21, 23, 26, 42, 44, 50, 52, 56, 84

Киммерийцы 41

Комаровская культура 15, 17

Кривичи 33, 118

Курганная культура Средней Европы 46

Кутригуры 32

Лангобарды 54, 111

Лемовии 54, 60, 61

Лугии 61

Лужицкая культура 12 — 14, 16, 17, 42, 44 — 48, 50, 51

Лужичане 140, 141

Лютичи (лутичи) 7

Ляхи 7

Мазовшане 7

Манимы 54, 60, 61

Мидяне 125

Милоградская культура 17, 75, 76

Морава 7

Мощинская культура 77

Наганарвалы 54, 61

Невры 10, 14, 41

Оксывская культура 13, 16

Певкины (пеукины) 30, 61

Подклошовых погребений культура 42, 44, 48 — 55, 57 — 60, 62, 67, 71, 75, 76

Поздnezарубинецкая культура 77, 79

Полей погребальных урн (среднеевропейская культура эпохи бронзы) 42, 44 —

Полочане 7

Поляки 25

Поляне 7, 124

Поморяне 7

Почепская культура 77

Прохоровская культура 81, 82

Пшеворская культура 12 — 14, 16, 42, 53 — 72, 74, 76, 78, 79, 89, 91, 92, 97, 116, 117, 136, 140

Ревдины 54
Римляне 31
Роксоланы 8, 30
Ругии (ульмеруги) 54, 61
Русы 99, 128

Савроматы 81
Сарматы 25, 29, 30, 57, 78 — 82, 84, 85, 87
Севвы 54
Север 7, 99
Семноны 54
Сербы 7
Скифо-сарматы 24, 98
Скифская лесостепная культура 16, 17, 41
Скифские культуры 41, 50, 80
Скифы 8, 13, 15, 29, 41, 47, 78, 85
Скифы-аланы 30
Скифы-борисфениты 15
Скифы-пахари 10
Словаки 133
Словене ильменские 7, 118

Тохары 15, 19, 21
Трипольская культура 15
Тушемли — Банцеровщины — Колочина культура 77, 103, 121, 123
Тшинецкая культура 14, 15, 17
Тшинецко — комаровская культура 16
Тюрки 13

Угры 13
Украинцы 133
Уличи 121
Унетичская культура 46
Утригуры 32, 124, 125

Фатьяновская культура 35
Финно-угры 13, 75, 77
Финны (фенны) 11, 30
Фракийцы 8, 9, 11, 15, 23, 26, 32, 42, 44, 89
Фрако-фригийцы 9

Харины 60
Хатты 54
Херуски 54
Хорваты (хрватате) 7, 99, 131, 132
Хорутане 7

Чернолесская культура 16, 17

124, 133
Черняховская культура 14, 16, 42, 76, 78 — 81, 83, 84, 87 — 92, 95 — 98, 122,
Чехи (чеси) 7, 133
Шпуровой керамики культура 13,14
Штрихованной керамики — культура 79
Энеолит 29
Эстии (балты) 32
Юхновская культура 14, 79
Языги 30
Ясторфская культура 44, 50 — 57, 59

ПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вопросы древней истории. М.
ВЯ — Вопросы языкознания. М.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук
Украинской ССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
Академии наук СССР. М.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.;Л.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.; Л.
СЭ — Советская этнография. М.
AR — Archeologicke rozhledy. Praha
SCIV — Studii si cercetari de istorie veche. Bucuresti
WA — Wiadomosci archeologiczne. Warszawa

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ НАУК В ОСВЕЩЕНИИ СЛАВЯНСКОГО
ЭТНОГЕНЕЗА

Славянский этногенез и языкознание

Значение топонимики в изучении этногенеза славян

Древние авторы о славянах

Антропологическая карта славян в средние века
Этнография и фольклористика
Археология и этногенез славян

НАЧАЛО СЛАВЯН

СЛАВЯНЕ В ПОЗДНОЛАТЕНСКУЮ И РИМСКУЮ ЭПОХУ

Пшеворская культура
Зарубинецкая культура
Черняховская культура

СЛАВЯНЕ В V — VII СТОЛЕТИЯХ

Первая славянская группировка — славены древних авторов
Вторая славянская группировка — анты
Племена северо-западного региона

УКАЗАТЕЛИ

Указатель имен
Указатель географических названий
Указатель археологических культур и этнических названий

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Валентин Васильевич Седов

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ СЛАВЯН

*Утверждено к печати ордена Трудового Красного Знамени Институтом
археологии АН СССР*

Редактор издательства Я. И. Сергиевская
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор В. Д. Прилепская
Корректоры Д. Ф. Арапова, Ф. А. Дебабов

ИБ№ 15211

Сдано в набор 13 02 79.
Подписано к печати 31 05.79.
Т-11418.
Формат 70x90 ¹/₁₆.
Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая.
Усл. печ. л. 11,7.
Уч.-изд. л. 12,5.
Тираж 14 400 экз.
Тип. зак. 1586
Цена 75 коп.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10